

Грузія и Арменія.

ВІСВІ

ВІСВІ

ВІСВІ

ГРУЗИЯ

И

А Р М Е Н І Я.

Ч а с т ь III.

С. П. Б.

Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1 8 4 8.

Отъ Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октяб. 10 дня, 1847 года.

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимоѣй Никольскій.

ОБИТЕЛЬ СВ. АНТОНІЯ МАРТ- КОБСКАГО.

Возвратясь въ Тифлисъ, послѣ пятине-
дѣльнаго странствованія по Арменіи, я на-
шелъ городъ оживленный присутвіемъ
Князя Намѣстника и его многочисленной
свиты, потому что уже окончились воен-
ныя дѣйствія и всѣ собрались на зиму въ
Тифлисъ. Черезъ нѣсколько дней Экзархъ
предложилъ мнѣ, ѣхать съ нимъ, за двад-
цать верстъ отъ города, въ пустынную
обитель Св. Антонія Марткобскаго, кото-
рую хотѣлъ онъ возстановить изъ разва-
линъ и благословить лично начало работъ.

Хотя и не сохранилось житія Св. от-
Часть III.

шельника, одного изъ тринадцати Сирскихъ Отцевъ, но память его въ большемъ уваженіи у народа, по той нерукотворенной иконѣ Спасовой, которую онъ принесъ съ собою изъ Сиріи. Преданіе говоритъ, что она чудно отпечатлѣлась, отъ прикосновенія къ священному подлиннику Эдесскому, и для нея стекались въ обитель многочисленные богомольцы, до временъ завоевателя Тамерлана. Испуганный его нашествіемъ, настоятель Марткобскій, Епископъ Георгій, заклалъ чудотворную икону въ стѣну и унесъ съ собою тайну о ней въ могилу, ибо самъ былъ убитъ въ разоренной обители; всѣ поиски остались тщетными. Послѣ Тамерлана возстановилась опять обитель, хотя и не въ прежнемъ великолѣпіи; но въ половинѣ минувшаго столѣтія ворвались въ нее Лезгины и умертвили всю братію; съ тѣхъ поръ она опустѣла; землетрясеніе въ 1827 году довершило бѣдствіе, паденіемъ купола надъ гробомъ отшельника. Однако не прекратилось усердіе народное къ святому мѣсту, и постоянно, въ день успенія Богоматери, бывшій

храмовымъ, и въ слѣдующій за нимъ праздникъ перукотвореннаго Образа, граждане Тифлисскіе, равно Грузины и Армяне, толпами идутъ на пустынную гору святаго Антонія и многіе получаютъ исцѣленіе. Весьма недавно одинъ разслабленный, пролежавъ нѣсколько дней при гробѣ Святаго, возвратился съ обновленными силами. Это побудило Экзарха, съ помощію нѣкоторыхъ благодѣтелей, приступить къ возстановленію обители. Священный долгъ сей какъ бы лежалъ на Архипастырѣ Грузин, съ тѣхъ поръ какъ самый списокъ съ древней иконы, припесенной Антоніемъ, поставленъ былъ въ придѣлъ кафедральнаго собора Сіонскаго.

Не болѣе пяти верстъ отъ селенія Марткоби, куда перенесена была кафедра послѣднихъ Епископовъ Руставскихъ, до развалинъ пустыннаго монастыря на вершинѣ горы, поросшей лѣсомъ; нельзя иначе туда подняться какъ верхомъ. Мѣсто сіе должно быть очаровательно лѣтомъ, отъ роскошной зелени; но уже листья опали при нашемъ посѣщеніи, и густой туманъ, об-

ложившій горы, лишилъ насъ прекрасныхъ видовъ, какъ бы для того, чтобы устремить все вниманіе къ самому святилищу. Приближаясь къ монастырю, еще отъ насъ закрытому горою, мы внезапно обрадованы были звукомъ малаго колокола, который только наканунъ повѣсили надъ остатками бывшихъ воротъ. Вся обитель, обширная нѣкогда, предстала намъ изъ тумана, на сей разъ, оживленная толпою народа, который собрался изъ окрестныхъ селеній, при вѣсти о пришествіи Экзарха. Архимандритъ Марткобскій съ сосѣдними священниками, въ полномъ облаченіи, встрѣтили своего пастыря, у входа въ развалины, и трогательно было видѣть, посреди обломковъ, церковное шествіе. Многіе прослезились, вспомнивъ древнюю славу обители, когда опять слышали священные гимны, почти сто лѣтъ не оглашавшіе своды храма, которые съ тѣхъ поръ успѣли обрушиться. Экзархъ, взойдя въ церковь, сталъ на колѣни подлѣ гроба Св. Антонія и, послѣ умилительнаго молебна нерукотворенному Образу и Преподобному, надѣлъ

на себя эпитрахиль одного изъ священниковъ и самъ прочелъ молитвы на обновленіе храма.

Въ числѣ молившихся были Греческіе каменщики изъ Трапезонда, которые немедленно должны были приступить къ работѣ, и по усердію три первые дня трудились безъ платы. Крестьяне соседнихъ селеній, принадлежавшихъ нѣкогда обителямъ, вызвались возить даромъ лѣсъ и кирпичъ на крутую гору для строенія. Плодомъ такого общаго усердія было то, что уже въ нынѣшнемъ году, на праздникъ успенія, освящена была придѣльная церковь во имя Св. Антонія, въ обширной трапезѣ, прилегающей къ собору. Такъ дѣйствительна была первая молитва о обновленіи святилища! Гробовая плита отшельника, покрытая на сей разъ парчевою пеленою, возвышалась подъ открытымъ небомъ, хотя и внутри церкви, лишенной купола, по лѣвую сторону иконостаса, низкаго и каменнаго, съ котораго уже стерлись его фрески. Онъ уцѣлѣли въ олтарѣ, особенно на лѣвой стѣнѣ, менѣе подвер-

гавшейся сырости; можно было разобрать на горнемъ мѣстѣ лики Богоматери, Апостоловъ и Святителей, между коими яснѣе видны Василій великій и Златоустъ. На стѣнахъ собора сохранились только Пророки Исаія и Авдій, Св. Екатерина и два царскіе лика, Вахтанга Гургъ-аслана и Давида возобновителя, изъ коихъ одинъ основалъ, а другой обновилъ храмъ Марткобскій; тутъ же, на западной стѣнѣ, написанъ нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый Ангелами, и около него выломаны камни, ибо здѣсь искали иноки утаенную икону.

Замѣчательно, что надъ нѣкоторыми иконами были надписи Русскія, потому вѣроятно, что они были писаны Русскими художниками, присланными вмѣстѣ съ іереями, отъ Царя Θεодора Іоанновича, Царю Кахетинскому Александру, при посольствѣ Князя Звѣнигородскаго, въ 1586 году, ибо благочестивый Самодержецъ Русскій, заботился о возстановленіи благолѣпія церковнаго въ землѣ единовѣрной, пострадавшей отъ Персовъ.

Однако большая часть уцѣлѣвшихъ фресковъ должна подвергнуться разрушенію, при перестройкѣ храма, отъ сильныхъ трещинъ въ старыхъ стѣнахъ. Съ южной стороны церковь виситъ надъ пропастью, но туманъ наполнялъ ее, такъ что мы, казалось, стояли въ облакахъ, а въ ясную погоду оттолъ можно видѣть церковь Св. Давида, на горѣ Тифлисской. Обширная ограда, съ остатками болѣе нежели пятидесяти келлій, свидѣтельствуешь о прежнемъ населеніи обители. За версту отъ нея, у подошвы горы, уцѣлѣла въ лѣсу церковь рождества Богоматери, сооруженная въ началѣ XVI вѣка, Епископомъ Руставскимъ Иларіономъ, а за версту отъ монастыря, на вершинѣ горы, существуетъ уединенный столбъ, на коемъ спасался великій подвижникъ, по примѣру Сирійскаго столпника Симеона.

Если одинъ завоеватель Востока раззорилъ обитель, то другой, покоритель Индіи и Персіи, воздалъ ей должную почесть. Шахъ-Надиръ, зная, что при всѣхъ нападеніяхъ на Грузію, Марткоби служило мѣ-

стомъ собранія ратниковъ, для защиты отечества, и что тамъ хранилась даже ихъ воинская хоругвь, пожелалъ видѣть пустынную обитель; это было только за десять лѣтъ до ея конечнаго разоренія Лезгинами, при настоятельствѣ старца Зинона, который пережилъ разрушеніе. Шахъ велѣлъ поставить шатеръ свой, у входа въ обитель, и совершилъ тамъ полуденную молитву; Цари Теймуразъ и Ираклій поздравили его съ исполненіемъ благочестиваго намѣренія. Почтенный видъ престарѣлаго настоятеля произвелъ сильное впечатлѣніе на Шаха; онъ посадилъ его и самъ погрузился въ глубокое молчаніе; ему представили и ту славную хоругвь, которая столько разъ въяла предъ полками храбрыхъ. Надиръ могъ спокойно на нее смотрѣть, ибо самъ способствовалъ Грузинамъ, изгнать Турковъ изъ ихъ предѣловъ. Надъ гробомъ преподобнаго Антонія спросилъ онъ: какой Царь положенъ въ храмъ? «не Царь, а отшельникъ», сказалъ ему Ираклій. — «Чье же знамя?» спросилъ Шахъ. «Во имя Святаго ополчался народъ, отвѣчалъ Ираклій, и

нынѣ знамя сіе осѣнило побѣдные полки Ирана, союзные Иверіи». Шахъ Надиръ, обратясь къ своимъ намѣстникамъ, тогда же повелѣлъ имъ уважать вѣру воинственнаго народа, никогда не колебавшуюся посреди потрясенія царства, и пожертвовалъ обители 200 тумановъ или червонцевъ Персидскихъ и двѣсти восточныхъ драгоцѣнныхъ камней, для украшенія иконъ и гроба Преподобнаго. — Какъ назидательна такая побѣда отшельника надъ завоевателемъ и вольная ему дань, собиравшаго въ Индіи дань съ великаго Могола! — Поздно вечеромъ возвратились мы въ селеніе Марткоби и на другой день въ Тифлисъ.

ТИФЛИСЬ.

Я уже ознакомился отчасти съ городомъ, въ первые дни моего прїѣзда, и хотя онъ заключаетъ въ себѣ немного замѣчательныхъ древностей, старался однако не оставить ихъ безъ вниманія. Тифлисъ, почти совершенно истребленный пожаромъ въ послѣднее нашествіе Персидское Аги-Магометъ Хана, много измѣнился со времени владычества Русскаго. Собственно старый городъ, заключавшійся внутри стѣнъ, которыхъ теперь уже нѣтъ, обитаетъ только старожиллами, издавна имѣвшими тамъ свои дома, и оживленъ большимъ база-

ромъ, съ караванъ-сараями въ совершенно восточномъ вкусъ. Европейцу, проходящему по тѣснымъ изгибамъ сего базара, или подъ темными сводами караванъ-сарая, и еще не сроднившемуся съ Азіею, изумительно видѣть всю жизнь народную наружи: всякій ремесленникъ, въ открытой лавкѣ, занимается спокойно своимъ ремесломъ, не обращая вниманія на мимотекущую толпу и на караваны верблюдовъ и лошаковъ, вьюками своими задѣвающихъ за его лавку. Теплыя ванны минеральныхъ водъ, на краю стараго города, составляютъ одно изъ достоинствъ Тифлиса, и дали ему даже свое имя, ибо Тифлисъ значить теплый. Внѣ стараго города, тамъ, гдѣ были прежде виноградники царскіе и Кашветское кладбище Св. Георгія, новый городъ ежедневно украшается зданіями въ Европейскомъ вкусъ, съ болѣе правильными улицами. Домъ Князя Намѣстника, стоявшій долго одинокимъ на краю новаго населенія, теперь уже посреди Европейскаго Тифлиса; надъ нимъ живописно поднимаются, между садовъ, строенія по горѣ.

Св. Давида и отъ него все болѣе и болѣе расширяется городъ къ заставѣ и рѣкѣ; площадь Эриванская служитъ центромъ.

Царь Георгій не узналъ бы теперь дворца своего, на берегу Куры, гдѣ болѣзненно провелъ три года своего царствованія, потому что прежній дворецъ его предковъ, внутри стараго города, представлялъ тогда одно печальное пепелище. Домъ послѣдняго Царя обращенъ теперь въ благоустроенное жилище начальника артиллеріи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли палаты древнихъ Царей до Ираклія, выстроено надъ самой рѣкою домъ гражданскаго губернатора. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ города, потому что оно освѣжается водою и постояннымъ теченіемъ воздуха, по руслу рѣки. По совершенной простотѣ и даже убожеству княжескихъ жилищъ въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи, нельзя судить о бывшихъ палатахъ царскихъ, которыя украсились въ теченіе многихъ столѣтій, хотя иногда и были раззоряемы. Магомеданскій Царь Ростомъ, особенно великолѣпный въ своихъ зданіяхъ, который об-

новилъ городскія стѣны послѣ нашествія Шаха-Аббаса, украсилъ съ восточною роскошью и дворецъ своихъ предковъ. Намъ сохранилось описаніе его пріемной залы, въ книгѣ одного западнаго путешественника, Шардена, который торговалъ въ Персіи драгоценными камнями и приведенъ былъ монахами Капуцинскими ко двору Вахтанга Шахъ-Наваза, преемника Ростомова.

«Дворецъ царскій, говоритъ онъ, конечно одно изъ лучшихъ украшеній Тифлиса; его обширныя залы обращены къ рѣкѣ и пространный садъ, ихъ окружаетъ. Тамъ есть особенное отдѣленіе для птицъ всякаго рода, и лучшее собраніе соколовъ; передъ дворцомъ, на четырехугольной площади, можетъ помѣститься до тысячи лошадей; она окружена лавками и примыкаетъ къ длинному базару напротивъ дворцовыхъ воротъ. Съ вершины сего базара весьма великолѣпенъ видъ на площадь и на лицевую сторону палатъ. Пріемная зала простирается на 18 сажень въ длину и на 7 въ ширину, и совершенно открыта, какъ галлерей, со стороны рѣки. Потолокъ ея,

убранный какъ бы мозаикою, опирается на множество тонкихъ позлащенныхъ столбовъ, отъ 6 до 7 сажень высоты, и весь помостъ устланъ богатыми коврами. Три малые камина согрѣвали залу, въ которой Шахъ-Навазъ принялъ путешественника, по ходатайству миссіонеровъ.» Замѣчательно, что говоритъ онъ о своихъ единовѣрцахъ, вслѣдъ за описаніемъ дворца.

«Не болѣе тринадцати лѣтъ, какъ ихъ послали изъ Рима, (а онъ пишетъ въ 1640 году) подъ именемъ врачей, что было причиною хорошаго ихъ пріема. Они поселились въ Тифлисъ и Гори. Шахъ-Навазъ, Магометанскій Царь, далъ имъ дома въ обоихъ городахъ, съ полною свободою отправлять свое богослуженіе. Они принесли ему письма отъ Папы и пропаганды, съ богатыми дарами, ему, Царицѣ, Католикосу и первостепеннымъ вельможамъ, что повторяютъ каждые два года. Нѣсколько разъ уже хотѣли ихъ выгнать, за обращеніе въ свою вѣру; но они умѣли сдѣлать себя необходимыми, такъ какъ въ Грузіи вовсе нѣтъ врачей и хирурговъ. Папа позволилъ

имъ пріобрѣтать деньги за лѣченіе, для своего содержанія, и имъ платятъ обыкновенно мукою, виномъ, скотомъ и молодыми невольниками; они же продаютъ то, что имъ не нужно. Сверхъ того они получили и другія разрѣшенія, духовныя и свѣтскія, какъ напримѣръ: служить обѣдню безъ причетника, во всякомъ мѣстѣ и во всякой одеждѣ; разрѣшать всякіе грѣхи, одѣваться какъ заблагоразсудятъ, содержать лошадей и прислугу; имѣть невольниковъ, заниматься куплею и давать деньги въ ростъ: однимъ словомъ, они пользуются столь обширными преимуществами, что дѣйстви-тельно никто изъ самыхъ привилегированныхъ сановниковъ Церкви не можетъ съ ними въ этомъ сравниться. (Не должно забывать, что Шарденъ говоритъ здѣсь, о самомъ строгомъ ордено Капуциновъ, которые въ Римѣ ходятъ босыми). Не смотря однако на всѣ сіи хитрости и послабленія, они мало имѣютъ успѣха между Грузинами, ибо кромѣ своего невѣжества, народъ сей такъ упоренъ, что почитаетъ постъ главнымъ дѣломъ въ религіи и не

признаетъ Капуциновъ за Христіанъ, по разности ихъ поста, такъ что они сами принуждены соблюдать посты Грузинъ и сдѣлались, по внѣшности, какъ бы ихъ единовѣрцами. (Такимъ образомъ путешественникъ, думая укорить Грузинъ, воздаетъ имъ невольную похвалу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обличаетъ, какія средства позволялъ себѣ употреблять Римъ, для своихъ совращеній).

«Сперва собиралось много народа въ церковь Капуцинскую въ Тифлисъ, ибо онъ былъ привлеченъ новостію богослуженія и малымъ хоромъ, составленнымъ изъ пяти голосовъ и двухъ инструментовъ; теперь же туда приходятъ не болѣе пяти или шести бѣдныхъ, получающихъ отъ церкви содержаніе. Иноки учредили школу, но и въ ней не болѣе осьми мальчиковъ и то бѣдныхъ, тоторые туда приходятъ менѣе для ученія, нежели для хлѣба, по сознанію самихъ добрыхъ отцевъ. Они мнѣ часто говорили, что содержатъ свои миссіи, не ради какой либо значительной пользы, но для чести Римской Церкви, которая, по

словамъ ихъ, не была бы Католическою, если бы не имѣла своихъ служителей во всѣхъ частяхъ населеннаго міра». — Что сказать о такого рода миссіяхъ, столь безпристрастно описанныхъ? Мы обратимся опять къ палатамъ.

Дворецъ Вахтанговъ и Иракліевъ заключалъ въ себѣ до трехсотъ покоевъ, имѣлъ въ своей оградѣ четыре церкви и по несчастію одну мечеть, устроенную Ростомомъ, по невольному исламизму Царей, до Теймураза отца Иракліева. Еще видно на площади мѣсто, гдѣ стояла главная придворная церковь Св. Георгія, куда соби-рался весь дворъ въ торжественные дни. Другая малая, также во имя Великому-ченика, доселѣ существуетъ и служила придворною, при послѣднемъ Царѣ. Въ ней замѣчательна по своей древности и окладу икона Св. Георгія. Церковь была основана, въ 1710 году, Царевичемъ Симономъ, братомъ законодателя Вахтанга, и при ней обиталъ, въ сосѣднемъ домѣ, старшій сынъ послѣдняго Царя Давидъ. Старый дворецъ простирался, со всѣми своими службами, до

самаго подворья Католикосовъ, у Анчисхатскаго собора, гдѣ они временно помѣщались, ибо настоящее ихъ жилище было въ первопрестольномъ Мцхетѣ. Католикосъ Доментій первый тутъ поселился, въ началѣ минувшаго вѣка, подлѣ дворца Князей Багратионовъ-Мухранскихъ, родственниковъ царскихъ, и по его примѣру тамъ обитали послѣдніе Католикосы Николай и два Антонія.

Особенно замѣчательно между ними лице старшаго Антонія или великаго, какъ онъ слыветъ въ народѣ, сына Магометанскаго Царя Іессея. Онъ былъ ревнитель просвѣщенія духовнаго и ему обязана Церковь Грузинская собраніемъ житій ея святыхъ и сочиненіемъ многихъ каноновъ, вмѣсто утраченныхъ въ бѣдственную эпоху раззореній Персидскихъ. Но частыя его сношенія съ миссіонерами, отъ которыхъ научился языку Латинскому и старался заимствовать просвѣщеніе, возбудило противъ него подозрѣніе духовенства. Царь Теймуразъ воспользовался сею молвою, чтобы удалить непріязненнаго ему Католикоса, изъ

династіи Карталинской, и поставилъ на его мѣсто благочестиваго старца Іосифа, который однако не хотѣлъ принять на себя титула верховнаго пастыря Грузіи. Антоній удалился въ Россію, и оправдавшись предъ Св. Синодомъ въ нареканіяхъ, противъ него возникшихъ, получилъ въ управленіе епархію Владимірскую; тамъ еще болѣе пріобрѣлъ познаній духовныхъ, но уже безукоризненныхъ для своего православія. Царь Ираклій, по смерти отца, вызвалъ опять Антонія и возвратилъ ему кафедру, ибо онъ всегда оставался съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ. Рассказываютъ, что смиренный пастырь, желая убѣдить въ своемъ православіи паству и духовника, его подозрѣвавшаго, при первомъ торжественномъ служеніи, въ присутствіи его и самаго Царя, произнесъ громогласно символъ вѣры, на великомъ выходѣ, съ дискомъ въ рукахъ. Потомъ, подошедши къ непреклонному духовнику, во свидѣтельство своей правоты, сталъ предъ нимъ на колѣни и всенародно умолялъ, оставить неправильное подозрѣніе и дать ему цѣлова-

ніе мира; но упорный старикъ ни слова не отвѣчалъ владыкѣ и даже отвернулся отъ него. Тогда Антоній, дѣйствуя уже какъ Католикосъ, самъ запретилъ ему священнослуженіе и удалилъ его изъ Тифлиса; родъ сего священника почитается неблагословеннымъ и доселѣ.

Соборъ Анчисхатскій, у котораго находилось подворье, празднуетъ рождеству Богоматери, и былъ сооруженъ въ VII вѣкѣ, при Царѣ Адарнасіѣ, Католикосомъ Вавилою, послѣ котораго на долго прекратился рядъ Первосвятителей Грузіи. Онъ называется Анчисхатскимъ, отъ древняго города Анчи, въ области Ахалцихской, гдѣ во времена иконоборства сокрытъ былъ образъ Спасовъ, нерукотворенный по преданіямъ Грузинскимъ, привезенный изъ Греціи. Послѣ завоеванія области Атабековъ Турками, Католикосы озаботились перенести святыню сію въ Тифлисъ. По мнѣнію благочестивыхъ, священная икона, чуднымъ образомъ, отпечатлѣлась на дскѣ, какъ и Марткобская, отъ прикосновенія къ подлиннику; но ликъ больше обыкновеннаго

образа человѣческаго и много пострадалъ отъ времени, такъ что не ясны черты. Серебряный окладъ, съ драгоценными привѣсками, весьма древній; Грузинская надпись на иконѣ служить для нея историческимъ объясненіемъ:

«Благослови Боже Католикоса-Патріарха Доментія, обновившаго сей нерукотворенный образъ. Онъ сперва принесенъ изъ Эдессы въ Константиноградъ; но когда Левъ Исавръ и другіе иконоборцы появились, въ то время перенесли его въ Кларжети (западную Грузію, прилежащую къ Черному морю, нынѣ въ рукахъ Турокъ), и поставили въ епископской кафедральной Анчійской церкви, по повелѣнію Царицы Тамари (значитъ, въ концѣ XII вѣка), которая приложила къ нему серебро и другія вещи для украшенія. Образъ сей окладалъ приличною ризою Іоаннъ Анчійскій (Епископъ). Когда же Самцхе (вся западная Грузія) обратилась въ Магометанство, тогда прибылъ туда Тифлисскій купецъ, купилъ его значительною цѣною и благоговѣнно представилъ дядѣ нашему, Католи-

косу — Патріарху Доментію (II), который пріобрѣлъ оный себѣ дорогою цѣною и поставилъ въ Тифлисской католической церкви, въ царствованіе дѣда нашего Царя Вахтанга. Но потомъ древо и риза весьма обветшали, и потому мы, «осѣненіе Царей всея Грузіи» Католикосъ — Патріархъ Доментій, паки возобновили и оковали ризою, образъ и кивотъ, съ прибавленіемъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Христе Боже! Прости всѣ согрѣшенія мои, избави отъ видимыхъ и невидимыхъ мукъ, и удостои стоянія одесную тебя, и сохрани Царя Царей Грузинскаго Вахтанга Багратионова, и супругу его Царицу Русудань, и сыновей ихъ Баграта и Георгія и дочерей, и избави ихъ отъ искушенія. 1688 года».

Странно и вмѣстѣ замѣчательно: старый городъ, обнесенный стѣнами и слѣдственно охранявшій палаты царскія и главную святыню, и сокровища народной торговли, заключаетъ въ себѣ однако наиболѣе церкви Армянскія, а не Православныя; ихъ число еще уменьшилось, съ уничтоженіемъ трехъ придворныхъ, а казалось бы

столица царства Грузинскаго должна имѣть болѣе храмовъ своего исповѣданія, нежели чуждаго. Теперь же, въ объемъ городскихъ стѣнъ, кромѣ соборовъ Сіонскаго и Анчисхатскаго, малой придворной церкви Св. Георгія и двухъ Греческихъ подворьевъ, изъ коихъ одно Синайское, а другое Іерусалимское Св. креста, есть еще одна Латинская, прочія же всѣ Армянскія. Подворье Іерусалимское основано было Вахтангомъ Гургъ-асланомъ и носило громкое имя Голгофы; уже около трехсотъ лѣтъ какъ оно пожертвовано, благочестіемъ Царей Грузинскихъ, святому гробу, вѣроятно Георгіемъ IX, послѣ его похода въ Іерусалимъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей Армянскихъ: Крестная, близъ площади дворцовой, сохраняющая въ ризницѣ своей часть главы первозваннаго Апостола, и недалеко отъ нее Могни или Св. Георгія. Гораздо выше въ полугорѣ, на которой крѣпость, стоятъ древній храмъ Божіей матери, основанный въ XI вѣкѣ, вѣроятно при Давидѣ возобновитель, послѣ освобожденія имъ Тифлиса, и такъ называемый Пет-

хаимскій, бывшій Виолеемъ, который соорудилъ благочестивый Царь Вахтангъ, для воспоминанія священной мѣстности Палестинской. Нѣсколько ниже Виолеемскаго собора, устроенъ недавно дѣвичій монастырь Армянскій, а на одной высотѣ съ соборомъ сохранились остатки древняго языческаго капища огнепоклонниковъ. Оно четвероугольное съ куполомъ, въ видѣ храма, и сложено изъ кирпича; по красному цвѣту издали можно отличить его отъ массы бѣлыхъ зданій, живописно подымающихся съ подошвы горы почти до ея вершины, гдѣ нависли надъ ними голыя скалы, увѣнчанныя вышгородомъ. Крутыми уступами восходитъ на сію вершину древняя городская стѣна, укрѣпленная башнями, и упирается въ самый вышгородъ, испытанный столькими приступами.

Сооруженіе его предшествовало основанію самаго Тифлиса, но онъ былъ укрѣпленъ Вахтангомъ Гургъ-асланомъ въ V вѣкѣ, и Бакаръ, сынъ его, построилъ въ немъ церковь Святителя Николая, обновленную вмѣстѣ съ крѣпостію, при маго-

метанскомъ Царѣ Ростомѣ; доселѣ существуютъ ея развалины. Императоръ Ираклій взялъ приступомъ крѣпость, въ VII вѣкѣ, и это было первое ея паденіе; завоеватели Арабскіе, овладѣвъ столицею, укрѣпились въ вышгородѣ. Во время нашествія Сельджукидовъ Альпъ-арсланъ, раззорившій городъ, не пощадилъ и его твердыни, и большихъ усилій стоило Давиду возобновителю, исторгнуть ее изъ рукъ Турковъ. На краткое время овладѣлъ ею Султанъ Хорасанскій Желалъ-эддинъ, ознаменовавшій столькими ужасами свое владычество, и вскорѣ Царица Русуданъ должна была уступить Монголамъ развалины вышгорода и столицы; но хотя и подъ игомъ Монгольскимъ, завѣтная твердыня перешла опять въ руки природныхъ Царей, ибо Орда, тяготѣвшая всею массою своею на ихъ землѣ, не нуждалась въ сторожевыхъ бойницахъ. Иначе дѣйствовалъ свирѣпый Тамерланъ. Багратъ VI выдержалъ здѣсь кровопролитную его осаду и взять былъ въ орлиномъ гнѣздѣ своемъ; но сынъ его Георгій очистилъ опять вышгородъ отъ

полчищъ Татарскихъ. По усиленіи новой династіи Персидской Софіевъ, крѣпость Тифлисская досталась въ руки Шахъ-Измаилу и Шахъ-Тамазу, при завоеваніи ими столицы, и Царь Ростомъ, избранный Шахъ-Аббасомъ, озаботился ея обновленіемъ: всѣ доселѣ стоящія башни воздвигнуты вновь или поддержаны его мощною рукою. Въ свою очередь овладѣли крѣпостью Турки, но они пренебрегли древнимъ вышгородомъ, на гребнѣ утеса, и основали новый Метехскій замокъ, у самаго моста черезъ Куру. Съ тѣхъ поръ старая твердыня стала приходить въ упадокъ: уже при послѣднемъ Вахтангѣ законодатель, въ началѣ минувшаго столѣтія, она была въ жалкомъ положеніи. Великій Царь Ираклій старался нѣсколько поддержать ее, но послѣ раззоренія Персидскаго, крѣпость была опять оставлена, какъ бесполезная, и служитъ теперь только для храненія пороха.

Нѣсколько разъ подымался я къ подошвѣ горнаго замка, по крутымъ стезямъ стараго города отъ Виолеема, или съ противоположной стороны отъ ботаническаго

сада, и только однажды могъ проникнуть въ его внутренность, уже весною, передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, потому что ворота его всегда были заключены. Но трудное восхожденіе вознаграждалось чудными видами, особенно изъ садовой калитки на верху горы; нечаянность зрѣлища умножаетъ очарованіе и старожилы Тифлискіе любятъ изумлять ею пріѣзжихъ. По тѣснымъ улицамъ базара, они обведутъ васъ около подошвы горы, увѣнчанной замкомъ, по другую ея сторону, гдѣ разведенъ, подъ навѣсомъ башень и скалъ, поэтическій садъ и, по уступамъ виноградныхъ терасъ, вы непримѣтно подыметесь къ городской стѣнѣ. Тогда отворятъ передъ вами калитку и, въ ея тѣсной рамѣ, внезапно представится чудное зрѣлище, раскинутого у ногъ вашихъ, Тифлиса и излучистой рѣки, и снѣжнаго хребта Кавказскаго, на дальнемъ горизонтѣ. Стѣна идетъ по самому гребню горы, какъ бы по лезвію меча, и потому никакъ нельзя ожидать за стѣною такого быстрого спуска и столь чудной панорамы.

Если же, съ вершины утесовъ, спуститься трудною стезею въ нижній городъ, на Метехскій мостъ, соединяющій его съ другою крѣпостію и предмѣстіемъ Авлабара: опять представятся взорамъ разнообразныя виды, исполненные воспоминаній историческихъ. Посмотрите къ полдню, куда мчится изъ-подъ моста бѣшеная Кура, съ шумомъ ударяя въ утесъ Метеха и потомъ въ противолежащій болѣе отлогій берегъ, испещренный домами и деревьями: очаровательна весною эта роскошная колоннада природы, изъ множества стройныхъ тополей и чинаръ, образуя нѣчто цѣлое, какъ бы нѣкія волшебныя палаты, у подножія стараго замка; сурово смотритъ на нихъ, съ недоступной вершины, сей каменный вѣнецъ Тифлиса, надвинутый рукою невѣдомыхъ Царей на острый гребень горы. Напротивъ его виситъ на скалѣ, надъ самой рѣкою, болѣе доступный замокъ Метехъ, освященный древнимъ храмомъ Богоматери, который стоитъ на краю пропасти, усмиряя собою бурное стремленіе водъ.

Посмотрите черезъ арку другаго моста, смѣло переброшеннаго съ утеса на утесъ, ибо тутъ только можно было оковать бурную рѣку: какъ издали она мчится по широкому руслу, готовая сокрушить всѣ преграды и самую скалу, на которой утверждены оба моста. Съ обѣихъ сторонъ широко раскинулись Тифлисъ и Авлабаръ, городъ и предмѣстье, одинъ украшенный древнею святынею своихъ храмовъ, другой, какъ бы еще въ младенчествѣ дикой природы, оживленный стадами верблюдовъ, которые съ крикомъ спускаются отъ горныхъ саклей на песчаный берегъ. Но болѣе величественное зрѣлище кончаетъ опять горизонтъ: тамъ дикій Кавказъ подьмлетъ къ небу свои вѣковыя вершины и въ ихъ промежуткѣ сіяетъ, на синемъ эфирѣ дѣвственными снѣгами, отовсюду видимый двуглавый Казбекъ. Посреди шумной суеты моста, по которому течетъ вся городская жизнь Тифлиса, невыразимо торжественна эта горная даль, ясная, тихая, какъ бы проблескъ вѣчности, сквозь разорванное покрывало времени.

Но что за часовня приникла къ скалѣ Метехской, какъ бы таинственный входъ въ подземелье? — Это память священнаго подвига: тутъ пострадалъ Св. мученикъ Або за вѣру Христову, отъ намѣстника Халифовъ; здѣсь усѣкли его мечемъ и сожгли его останки, и бросили самый пепелъ въ мимотекущую Куру.

СВ. АБО И ШУШАНИКА.

Отъ Магометанскихъ родителей происходилъ Св. Або, но призванъ былъ благодатію къ свѣту истины и, научившись съ дѣтства составлять благовонныя масти, удостоился помазанія истиннаго мұра Христа. Юношей послѣдовалъ онъ изъ Багдада, за

владѣтелемъ Иверскимъ Нерсесомъ, сыномъ Адарнасія, изъ царскаго племени Сасанидовъ, котораго по трехлѣтнемъ заключеніи отпустилъ Халифъ, правительствовать въ бѣдствующей землѣ своей. Въ обществѣ Христіанъ, мало по малу, позналъ Або всѣ заблужденія своего закона и достоинство Христіанскаго. — Исповѣдуя его внутренно, онъ еще не рѣшался исповѣдаться явно въ Тифлисѣ, гдѣ тогда было мѣстопробываніе намѣстника Халифа; но когда новое нашествіе Арабское, принудило владыку его удалиться за хребетъ Кавказа, къ Царю Хозарскому, Або, вѣрный своему долгу, послѣдовалъ въ изгнаніе и внялъ въ странѣ языческой, для него безопасной, небесному званію. Онъ крестился между Хозарами и, пришедши въ Абхазію вмѣстѣ съ Нерсесомъ, къ православному владѣтелю Греческому, свободно предался благочестивому влеченію своего сердца: строгій постъ и молитвы были постояннымъ его упражненіемъ.

Господь, котораго пламенно возлюбилъ юный подвижникъ, готовилъ ему свѣтлый

вѣнецъ предназначенный, по словамъ Апостола, всѣмъ возлюбившимъ его пришествіе. Племянникъ Нерсеса, Стефанъ, избранъ былъ отъ Халифа правителемъ Грузіи, и убѣдилъ дядю возвратиться съ семействомъ въ отечественные предѣлы. Напрасно Нерсесъ и самъ владѣтель Абхазіи, тронутые благочестіемъ юноши, умоляли его не подвергать себя опасности въ Тифлисѣ, и довершить подвигъ молитвы въ Абхазіи: нѣкое тайное чувство влекло мученика на поприще, ему предназначенное; онъ какъ бы стыдился прежняго своего малодушія и мужественно послѣдовалъ въ Тифлисѣ за своимъ владыкою, гдѣ открыто сталъ исполнять всѣ заповѣди церковныя. Возгорѣлись яростію Магометане; они обвинили Або въ вѣроотступничествѣ предъ Эмиромъ, но еще при самомъ началѣ деньги и ходатайство владѣтеля Стефана извлекли его изъ темницы; оба Эристава опять убѣждали юношу удалиться въ Абхазію: Або остался непреклоннымъ и болѣе прежняго являлся ревностнымъ исполнителемъ истиннаго ученія, воспріятого имъ отъ всего сердца.

Опять его представили на судилище Эмиру. «Размыслилъ ли ты о томъ, что предпринялъ?» спросилъ гнѣвный судія; «размыслилъ и есмь Христіанинъ, спокойно отвѣчалъ Або; если бы не въдалъ я, что творю, не былъ бы ученикомъ Христовымъ». — «Но знаешь ли, что тебя ожидаетъ смерть?» грозно возразилъ ему Эмиръ. — «Не умру, но живъ буду, отвѣтствовалъ юноша, ибо вѣрую, что если со Христомъ распнусь, съ нимъ и воскресну. Ты же твори, что умыслилъ надо мною; увѣщанія твои напрасны; пребуду непоколебимъ какъ та стѣна, къ которой ты прислонился.» — «Безумный, воскликнулъ Эмиръ, какую сладость находишь ты въ такомъ вольномъ самопожертвованіи?» — «Если хочешь познать сію сладость, вѣруй и крестись», отвѣчалъ юноша, и уже не было ему надежды на пощаду, послѣ такихъ обличеній.

Его отвели однако въ темницу на нѣсколько дней, чтобы дать время одуматься; ибо крайнимъ безчестіемъ было для Магометанъ, обращеніе ихъ единовѣрца къ

свѣту Христову; но сіи краткіе дни послужили ему только для приготовленія къ мученической кончинѣ; онъ провелъ ихъ въ непрестанной молитвѣ, бесѣдуя съ приходившими Христіанами, о предстоявшемъ ему подвигѣ. Наканунѣ, предузнавъ день своей кончины, Або просилъ, чтобы всѣ пресвитеры города Тифлиса, принесли о немъ умиловительную жертву Господу, и продалъ верхнюю свою одежду, для покупки ладона и свѣчъ. Въ самый день Богоявленія пріобщился онъ тѣла и крови Христовой, которыя принесли ему изъ ближайшей церкви, и помазавъ главу свою благовоннымъ елеемъ, какъ бы на нѣкое торжество, сказалъ: «теперь я готовъ». — Въ ту же минуту явились воины и повели его къ Эмиру, для конечнаго исповѣданія имени Христова, и прямо изъ судилища на казнь. Радостно сталъ онъ на колѣни, сложилъ крестообразно руки и подклонилъ голову подъ мечъ, произнося молитву благоумнаго разбойника: «помяни мя Господи во царствіи твоємъ.» Трижды ударили его тупою стороною меча, надѣясь устра-

шить, въ четвертый отдѣлилась голова. Закопѣлые враги испросили тѣло его у Эмира, чтобы не сдѣлалось оно предметомъ уваженія Христіанъ, и сожгли близъ Метехскаго моста, пепель же бросили съ ожесточеніемъ въ Куру; но свѣтъ небесный облисталь рѣку, и явилъ святость мученика, врагамъ имени Христова.

Новая крѣпость Метехская возвышается на скаль, надъ мѣстомъ страданія мученика Або, и мимо ея теперь пролегаетъ дорога на Авлабаръ и въ Кахетію. Путешественникъ Шарденъ пишетъ, что она была устроена въ 1576 году, славнымъ вождемъ Турецкимъ Мустафой Пашею, при покореніи Тифлиса, со многими другими замками въ Грузіи, и что въ его время дорога пролегала въ Персію, чрезъ самую крѣпость. Подчиненные Шахамъ Цари Иверскіе принуждены были встрѣчать ихъ посланниковъ, за вратами города, и при малѣйшемъ подозрѣніи могли быть удержаны въ стѣнахъ крѣпости. Она и теперь служитъ мѣстомъ заключенія всѣхъ преступниковъ; зданія ея обновлены Царемъ

Иракліемъ и потомъ опять при Русскомъ правительствѣ. Археологи Грузинскіе производятъ названіе Метехъ, отъ слова знаменующаго обрывъ, что сообразно съ мѣстностію; другіе же отъ Греческаго слова метохи или подворье, хотя здѣсь однако никогда не было пристанища пришельцевъ Греческихъ. Древняя церковь Вахтанга Гургъ-аслана, празднующая похвалъ Богоматери, и прозванная въ его время Геѳсиманіею, стоитъ на неровной скалѣ, какъ на подножіи, во всемъ величіи простаго, но смѣлаго зодчества. Долго находилась она въ запустѣніи, ибо магометанскій Царь Шахъ-Навазъ обратилъ ее въ пороховое хранилище, и такъ оставалась она до времени Ираклія, который обновилъ ее, когда свергнулъ иго Персидское. Пострадавшая при нашествіи Аги — Магометъ — Хана, она опять была возобновлена благочестивымъ Царемъ Георгіемъ, и съ тѣхъ поръ постоянно совершается въ ней богослуженіе.

Куполъ храма сооруженъ былъ Царемъ Димитріемъ самопожертвователемъ, послѣ

нашествій Хорасанскаго и Монгольскаго, отъ коихъ пострадали всѣ церкви Тифлисскія; но все прочее носитъ строгій характеръ временъ Вахтанга, и каменные внѣшнія украшенія соотвѣтствуютъ стройности и величію высокихъ сводовъ; замѣчательно внутреннее устройство обширнаго олтара, съ углубленіемъ горняго мѣста и двумя отдѣленіями въ Греческомъ вкусѣ. Уже нѣтъ древней чудотворной иконы Богоматери Метехской, утраченной въ эпоху нашествій Персидскихъ; но въ бывшемъ діакониконѣ, гдѣ устроенъ былъ малый придѣлъ, возвышается доселѣ гробница, посвященная для народа Грузинскаго: тутъ почитается подъ спудомъ святая Царевна Шушаника или Сусанна, пострадавшая въ VI вѣкѣ за вѣру Христову отъ мужа огнепоклонника. Преданія Грузинъ и Армянъ несогласны между собою о ея происхожденіи, ибо Церковь Иверская, совершающая память ея 28 августа, называетъ Сусанну дочерью Грузинскаго Царя, не упоминая впрочемъ какого (судя по времени можетъ быть Вахтанга); Армяне же говорятъ въ

житіяхъ святыхъ, что она была дочь знаменитаго ихъ вождя Вардана, Князя Мамигонскаго, который освободилъ отечество свое отъ ига Персовъ. Но и тѣ и другіе единодушны въ описаніи мученій, какія перенесла она отъ нечестиваго Васкена, владѣтеля Ранскаго или Карабаха, который измѣнилъ Христіанству, изъ угожденія Царю Персовъ, и даже вступилъ при жизни жены, во второй незаконный бракъ съ его дочерью.

Услышавъ горькую вѣсть о двойной измѣнѣ мужа своего, святая Шушаника удалась съ дѣтьми изъ царскихъ чертоговъ и припавъ къ алтарямъ, умоляла Бога отцевъ своихъ, спасти ее и дѣтей отъ ярости мучителя. Васкенъ, надѣявшійся сперва обольстить ее ласковымъ словомъ, велѣлъ потомъ силою привлечь въ палаты и, въ присутствіи брата своего, за то что не хотѣла раздѣлить съ нимъ трапезы, осыпалъ ее жестокими побоями, такъ что повредилъ ей глазъ и разбилъ голову желѣзомъ. Вступившійся братъ спасъ ее отъ смерти; истерзанную заключилъ Васкенъ въ

темницу; но тамъ обрѣла она Христіанское утѣшеніе въ бесѣдѣ Католикоса Самуила и духовника своего; самые стражи тронуты были ея твердостію и доставляли ей пищу; сама же она чуждалась пищи, какъ отъ избытка печали, такъ и потому, что гнушалась получать ее отъ невѣрныхъ; едва согласилась узница вкусить немного хлѣба и вина изъ рукъ духовника. Война Персовъ съ Греками отвлекла на время Васкена отъ своей области, и страждущая могла выдти изъ заключенія, чтобы поселиться опять подлѣ церкви, въ убогомъ домѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ ея была молитва, въ теченіи великаго поста; но къ страстной недѣлѣ возвратился мужъ и новыми жестокостями отягчилъ ея участь.

Ругаясь надъ святынею и священнослужителями, которые хотѣли вступить за Царевну, онъ опять повлекъ ее изъ храма во дворецъ и оттолкъ въ тюрьму, уже не только силою, но даже по землѣ и колючимъ терніямъ, которые раздирали ея одежду и нѣжные члены. Напрасно братъ его, однажды ее спасшій отъ ярости му-

жа, вступался за несчастную; онъ только могъ умолить мучителя, снять съ ея шеи тяжелыя цѣпи, подъ бременемъ коихъ она изнемогала; сама Царевна не захотѣла снять оковы съ ногъ своихъ, чтобы онѣ служили ей свидѣтельствомъ и оправданіемъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ. Шесть лѣтъ томилась она въ заключеніи, почти не вкушая пищи, посѣщаемая Епископами и подъ конецъ свѣше облагодатствованная даромъ исцѣленій, которыя источала другимъ, сама же покрытая ранами, дабы исполнилось надъ нею Апостольское слово, что сила Божія въ немощи совершается. Многихъ утверждалъ въ вѣрѣ чудный примѣръ ея, но не тронулось сердце мучителя, совратившаго дѣтей своихъ къ огнепоклонству, доколь не постигла его достойная казнь. Въ седьмой годъ предала она Богу праведную душу, напутствованная святыми дарами отъ руки Епископа Іоанна, и онъ съ честію похоронилъ ее въ той церкви, близъ которой она столь долго томилась. Когда же произошло отдѣленіе Церкви Армянской отъ Православной, Ка-

толико съ Киріонъ перенесъ тѣло царственной мученицы въ Тифлисъ, въ Метехскій соборъ, и тамъ доселъ она почиваетъ во утвержденіе града, крѣпче той скалы, на коей основанъ храмъ.

Нѣсколько выше Метехской крѣпости, стоитъ на обрывѣ башня бывшаго дома Царицы Даріи, вдовы Ираклія; ея придворная церковь обращена, въ 1819 году, въ мужескую Преображенскую обитель, на мѣсто упраздненнаго монастыря Кавташевскаго. Онъ былъ основанъ Греческою Царевною Ириною, супругою Давида возобновителя, въ лѣсистомъ ущеліи, за пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса, но опустѣлъ отъ безпрестанныхъ нападеній Лезгинскихъ; теперь однако князья Тархановы усердствуютъ возобновить его на свое иждивеніе. Со времени упраздненія, святыня Кавташевская перенесена была въ новую обитель и доселъ хранится въ ея церкви. Чудотворная икона Божіей Матери, прославленная многими исцѣлѣніями, обличеніемъ лже-свидѣтелей и примиреніемъ враждующихъ, ежегодно бываетъ носима для молебновъ

въ окрестныя селенія упраздненнаго монастыря, ибо отъ нея чають они плодоносія полей своихъ. Она украшена богатымъ окладомъ и драгоценными камнями и, судя по ея древнему высокому письму, конечно была принесена Царевною изъ Константинополя, вмѣстѣ съ прочею святынею; надпись на ней свидѣтельствуесть только о позднѣйшемъ ея украшеніи:

«Облако свѣта, кивоте закона, купино неопальная, юже видѣ Мойсей! мы, подъ кровъ твой прибѣгая, великаго и славнаго Царя Георгія сопрестольница, трехъ государствъ сардаря Микеладзева дочь, Царица Хварешана, соизволили украсить тебя всѣхъ красоту, надежду нашу, Кавт^иахевская Богородица, которую мы, видѣвъ отъ разбойниковъ разграбленною, вторично и нынѣ украсили честно, да и ты помози намъ предъ Сыномъ твоимъ и Царемъ нашимъ. Къ окончанію же украшенія сего приспѣла на насъ опредѣленная смерть, изъ ничтожнаго сего міра исшествіе; я, по кончинѣ моей, избираю предъ тобою покойще и здѣсь будетъ моя могила: Мати свѣ-

та, ты мнѣ помози. Отъ Адама 7203, отъ Р. Х. 1696. Скончалась же Февраля 24, въ первомъ часу, въ день недѣльный».

Подлѣ иконы хранятся, въ деревянномъ кивотѣ, черепа Св. Апостола Фомы и Св. Михаила Малеина, и кость Великомученика Георгія, перенесенные также изъ обители; но лучшее ея сокровище поставлено въ другомъ кивотѣ, на горнемъ мѣстѣ алтаря. Это часть деревяннаго диска или блюда, послужившаго для Тайной вечери Христовой, которое, по благочестивому преданію, перенесено было изъ Іерусалима въ Царьградъ, а оттолѣ супругою Давида въ Грузію, и положено въ основанномъ ею монастырѣ Кавташевскомъ. При нашествіи Тамерлана, святыня сія закладена была, съ драгоценною утварію, въ пещерѣ близъ монастыря, и обрѣтена нечаянно при послѣднихъ нападеніяхъ Лезгинскихъ, иноками, которые хотѣли найти въ горѣ болѣе потаенное мѣсто, для сокрытія остальныхъ сокровищъ. Вѣтхость блѣднаго дерева, какъ бы источеннаго временемъ, свидѣтельствуешь о глубокой древности священнаго блюда: оно

обломано неправильно, имѣетъ въ длину одинъ аршинъ, въ ширину же четверть, а въ толщину около полувершка, исключая выгнутого ободка, который нѣсколько толще. Все блюдо покрыто было, уже въ послѣдствіи, тонкимъ серебрянымъ листомъ съ позолотою, на которомъ вычеканены были цвѣты и фигуры: еще видно между ними крыло ангельское, и на ободкѣ въ кругахъ были лики Апостоловъ, но теперь уцѣлѣлъ только одинъ ликъ Апостола Петра; надпись Грузинская, слѣдственно украшеніе сдѣлано уже въ Грузіи.

Если, по давности времени и бѣдственнымъ обстоятельствамъ края, утрачены письменные документы о семъ сокровищѣ, или можетъ быть хранятся въ какомъ либо невѣдомомъ архивѣ монастырскомъ, то нѣтъ причины сомнѣваться въ благочестивомъ преданіи, сохранившемся до нашихъ временъ. Столько святыни Греческой перенесено было въ Грузію, черезъ супружество ея владѣтелей съ Царевнами, и сами Цари такъ ревностно пріобрѣтали подобныя сокровища, паче золота и серебра, что

нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ нахожде-
ніи сей драгоценной святыни въ Тифлисѣ.
При начальномъ обращеніи страны, не бы-
ли ли присланы изъ Царьграда гвозди и
подножіе креста? При Багатѣ великомъ,
Давидѣ и Тамари, весьма много священ-
ныхъ предметовъ досталось въ наслѣдіе
Грузіи, и должно отдать ей справедливость,
что она умѣла сохранить ихъ, не смотря на
всѣ ужасы нашествій Монгольскихъ и Та-
мерлановыхъ и Персидскихъ; ради сихъ
залоговъ сохранилась и она сама, посреди
ея разгромовъ.

Говоря о сокровищахъ Кавтисхевскихъ,
сохраняемыхъ въ Преображенскомъ мона-
стырѣ, упомяну и о той святынѣ, которая
еще уцѣлѣла въ Сіонскомъ соборѣ, послѣ
всѣхъ его раззореній; должно однако ска-
зать, что она перенесена была въ соборъ
послѣ нашествія Персидскаго. Такимъ об-
разомъ Провидѣніе спасло лучшее сокрови-
ще Грузіи: виноградный крестъ Св. Нины,
возвращенный изъ Россіи, и списокъ съ не-
рукотворенной иконы Спасовой, взятый въ
Сіонъ изъ подворья Марткобскаго. Не весь-

Кавтисхевскихъ

ма давно поступила туда еще одна древняя икона Богоматери, съ ликомъ Св. Нины, на задней позлащенной доскѣ; она долго находилась въ кафедральной церкви бывшей Ниноцминдской епархіи, нынѣ упраздненной въ Кахетіи, и взята была оттолѣ послѣ паденія сводовъ древняго храма, устроеннаго изъ языческаго капища, при самомъ началѣ Христіанства въ Грузіи. Внутри сей складной иконы хранится еще болѣе драгоцѣнное сокровище: довольно большая часть животворящаго креста, съ частицами мощей вокругъ него расположенныхъ: Великомученика Георгія, Св. Теодора, Евстаѳія, безсребренныхъ и сорока мучениковъ, Христофора и Параскевы, Евѳиміи, Игнатія, Евгенія и Ермолая. Трогательная надпись, внутри и снаружи иконы, свидѣтельствуешь о усердіи Царя Арчила, богато ее украсившаго въ 1678 году. Такова его молитва, начертанная кругомъ креста:

«О животворящее древо, не лиши меня жизни, какъ перваго отца нашего Адама, но буди мнѣ помощникъ и покровитель въ

сей и будущей жизни; равно и вы, все множество мучениковъ, будьте ходатаями предъ Богомъ Царю Арчилу». Хроникона годъ 365. И къ святой просвѣтительницѣ Нинѣ молитвенно онъ взываетъ: «Святая равноапостольная Нина, буди ходатайницею въ обѣ жизни, Царю Арчилу, который пожертвовалъ симъ, во спасеніе души своей, и, въ преспѣяніе царства своего, украсилъ образъ твой».

Замѣчательны, въ ризницѣ Сіонской, нѣсколько древнихъ панагій и митръ, изъ коихъ одна, окованная золотомъ съ вѣнцемъ вокругъ, перенесена была изъ Алавердскаго собора, не смотря на завѣтную клятву на ней начертанную. Ее пожертвовала Царевна Елена, супруга несчастнаго Давида, падшаго въ битвѣ съ Царемъ Ростомомъ Магометаниномъ, въ Кахетіи, предъ лицомъ великаго Теймураза отца своего, который бѣжалъ потомъ въ Россію. Туда удалилась и Елена съ сыномъ своимъ Иракліемъ, въ послѣдствіи воцарившимся въ Тифлисѣ, и, какъ видно изъ надписи, устроила митру сію на Русскія деньги:

«Царя Царей Государя Теймураза и Царицы Царицъ Хорошани, дщери Грузинскаго Государя, невѣстка, сына и первенца ихъ Царя Давида, супруга Елена Царица, дщерь Діасамидзева, пожертвовала Великомученику и побѣдоносцу Георгію Алавердскому, въ поминовеніе сихъ Государей и сына моего. Содѣлано въ воспоминаніе свѣтлѣйшихъ Царевичей Луарсаба и Георгія, и Царицы Нестаръ-Дареджани, и во здравіе сына моего Царя Ираклія и семейства его, и во здравіе Царицы Кетевани и въ воспоминаніе души моей, въ то время, когда отъ великаго Государя Россійскаго я пріѣхала къ Шаху-Сулейману въ Испагань, и тамъ заказала сдѣлать изъ всего мною пріобрѣтеннаго. Хроникона 371.»

ПРАЗДНИКИ. СВ. ГОРА ДАВИДОВА.

Около праздника Рождества Христова пріѣхалъ въ Тифлисъ Патріархъ Армянскій и всѣ почетные граждане устремились къ нему на встрѣчу, къ Эриванской заставѣ. Пѣшій, окруженный духовенствомъ, которое несло надъ нимъ балдахинъ, вошелъ онъ въ кафедральную обитель Пашаванкъ, гдѣ устроилъ себѣ жилище, когда еще былъ Архіепископомъ Тифлиса. Неизвѣстно когда и кѣмъ она основана, но, по Армянскому переводу слова, означаетъ мо-

настырь Паши; путешественникъ Шарденъ говоритъ, что есть преданіе о нѣкоемъ Папѣ, тронутымъ истиною вѣры Христовой, который далъ будто бы средства къ устройству обители. Положеніе ея на берегу рѣки живописно; она обнесена оградой и, кромѣ обветшавшей церкви Св. Іакова Низивійскаго, имѣетъ еще довольно обширный и величественный соборъ Богоматери, въ которомъ совершаются всѣ духовныя торжества Армянскія. Но престарѣлый Патріархъ не принималъ въ нихъ дѣйствительнаго участія, какъ по слабости здоровья, такъ и потому что не имѣлъ при себѣ довольно Епископовъ, для соборнаго служенія. Обыкновенно двѣнадцать Архіереевъ становятся по сторонамъ его у олтаря; въ Тифлисѣ же ихъ находилось съ пріѣзжими не болѣе четырехъ. Архіепископъ города, Карапетъ, который привелъ съ собою изъ Эрзерума многія тысячи Армянъ въ Ахалцихъ, послѣ славной войны Турецкой, совершалъ богослуженіе.

Сиротливъ для Армянъ всерадостный праздникъ Рождества Христова, потому что

держась стараго обычая, не хотятъ они праздновать день сей вмѣстѣ со всѣми Христіанами, отдѣльно отъ Богоявленія. Это особенно было замѣтно въ Тифлисѣ: всѣ свѣтскія власти, прямо отъ Экзарха, послѣ литургіи соборной, почли обязанностію поздравить и Патріарха, съ столь великимъ днемъ. Старецъ, окруженный своимъ домашнимъ клиромъ, принималъ ихъ поздравленія и потомъ самъ ѣздилъ всѣхъ поздравлять; а между тѣмъ день сей былъ даже постнымъ у Армянъ, по случаю приближавшагося праздника Богоявленія. Торжество крещенія совершалось у нихъ, съ возможнымъ великолѣпіемъ и съ обрядами, которые отчасти напоминали наши, ибо и у нихъ выходили также, съ крестами и хоругвями, на Іордань. Одно только казалось страннымъ, хотя это есть болѣе обычай народный, сдѣлавшійся обрядомъ, нежели постановленіе церковное: почетный гражданинъ избирается при торжествѣ, для воспріятія изъ воды освящающаго ее креста, какъ бы самаго крещаемаго Господа, и онъ даже называется въ этотъ день вос-

пріемникомъ, богатыми дарами вознаграждая церковь за такую почестъ.

По распоряженію Экзарха, заботящагося о благолѣпіи церковномъ, весьма величественно было шествіе духовенства православнаго изъ Кашветской церкви Св. Георгія, что на горѣ противъ дворца Намѣстника, къ рѣкѣ и черезъ мостъ, на ея противоположный берегъ. Тамъ устроена была Іордань и стояли войска, ожидавшія окропленія своихъ знаменъ; весь берегъ унизанъ былъ народомъ и особенно живописными представлялись утесы, близъ дома послѣдняго Царя Георгія, покрытые женщинами въ бѣлыхъ чадрахъ, какъ бы призраками. Когда духовная процессія проходила черезъ мостъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, толпа всадниковъ проскакала по водамъ подъ мостомъ, подобно тому какъ у насъ припадаютъ на пути подъ иконы, чтобы принять ихъ осѣненіе; но въ воинственномъ народѣ Закавказскомъ и самые обряды духовные носятъ отпечатокъ ихъ ратнаго духа. При звукѣ колоколовъ и громъ пушекъ погрузили животворящій

крестъ и множество народа устремилось въ рѣку, для купанія въ освященныхъ водахъ. День былъ ясный, хотя и холодный; вдали старецъ Казбекъ, въ снѣжномъ вѣнцѣ своемъ, смотрѣлъ изъ-за горнаго хребта, на сію великолѣпную картину.

Вскорѣ послѣ праздника пріѣхалъ изъ Мингреліи Владѣтель ея Давидъ Дадіанъ, недавно утвержденный въ наслѣдіи предковъ, грамотою Императорскою, послѣ кончины отца своего Левана. Въ домѣ Князя Чавчавадзе, на прекрасной дочери коего онъ женатъ, имѣлъ я случай познакомиться съ симъ пріятнымъ и образованнымъ Княземъ, который любитъ чтеніе духовное и знаетъ нашу литературу. Іерусалимъ, постоянная цѣль его желаній, послужилъ для нашего сближенія, ибо въ частыхъ о немъ бесѣдахъ мы коротко узнали другъ друга. Владѣтель звалъ меня къ себѣ въ Мингрелію, и я пользовался его обширными знаніями отечественной древности, чтобы прояснить себѣ нѣкоторыя темныя мѣста лѣтописи сего края, особенно послѣднихъ временъ; ибо тамъ все основано на преданіи, кото-

рое наиболѣе соблюдается во владѣтельныхъ домахъ. Иногда мы посѣщали вмѣстѣ святыню Тифлисскую, и однажды, въ день его Ангела, святаго Давида Возобновителя, 26 января, прямо изъ церкви Князя Намѣстника, пошли помолиться на гору Св. Давида Гареджійскаго.

Много было другихъ причинъ, кромѣ собственнаго праздника, причинъ болѣе близкихъ сердцу, которыя побуждали Дадіана идти на молитву въ гору: исцѣленіе любимой супруги, только что возвратившейся отъ вратъ смертныхъ, и рожденіе сына, наследника Мингреліи; но какъ никогда не бываетъ совершенною радость человѣческая, ибо по словамъ пѣсней церковныхъ: «кая житейская сладость бываетъ печали непричастна?» въ тотъ же день пришла ему горькая вѣсть, о кончинѣ ближайшаго родственника и друга. Медленно подымались мы, по крутой извилистой стезѣ, къ уединенной церкви, ибо труденъ горный восходъ сей, какъ всякій путь ко спасенію. Мы шли и бесѣдовали, о подвигахъ отшельника Гареджій-

скаго, который здѣсь основалъ сперва орлиное гнѣздо свое, доколѣ клевета народная не побудила его оставить неблагодарныхъ, не умѣвшихъ оцѣнить его благодатнаго между ними жительства. Когда мы останавливались иногда, на поворотахъ крутой стези, для краткаго отдыха, глазамъ нашимъ представлялась, очаровательная панорама Тифлиса, и та изящная церковь Кашветская Великомученика Георгія, которая была вновь сооружена, усердіемъ Князей Амилахваровыхъ, на самомъ мѣстѣ обличенія жены, оклеветавшей отшельника.

Отъ подвиговъ первыхъ пустынножителей, непримѣтнымъ образомъ, перешла наша рѣчь и къ новымъ искателямъ спасенія, трудною стезею иночества. Я говорилъ Владѣтелю, о устрояемой въ Мцхетѣ, послѣ многихъ годовъ ожиданія, обители женской, единственной во всей Грузіи, при бывшей келліи равноапостольной Нины, и спросилъ его: справедливо ли то, что рассказываютъ о настоятельницахъ, такъ какъ она происходитъ изъ княжескаго ро-

да Мингреліи, Пагава? Владѣтель подтвердилъ мнѣ сію трогательную повѣсть, достойную первыхъ временъ Христіанства, и она глубоко напечатлѣлась въ моемъ сердцѣ.

«Я самъ, говорилъ онъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ происшествіи, и первый открылъ ея убѣжище, а потому лучше всѣхъ могу засвидѣтельствовать истину. Вы видѣли остатки необычайной красоты, на изнуренномъ лицѣ ея, уже въ зрѣлыхъ теперь лѣтахъ, и можете судить что она была прежде. Мать страстно ее любившая, на нее возлагала всю будущую надежду своего дома, и старалась заблаговременно найти ей именитаго жениха: но Богъ судилъ иначе, и вмѣсто земнаго она обручилась небесному. По обычаю нашей земли, Княжна была помолвлена еще въ дѣтствѣ, за Князя Сванетскаго, но онъ умеръ скоропостижно. Въ другой разъ обручили ее родители съ однимъ изъ почетныхъ Князей Мингрельскихъ; но и этотъ женихъ, по несчастному случаю, убится на охотѣ. Княжна приняла это за указаніе

промысла Божія и не хотѣла болѣе связывать себя узами брака, хотя мать сильно настаивала выдать ее за мужъ. Видя непреклонность дочери, проистекавшую отъ ея чрезвычайной набожности, она отправила ее къ старшей замужней сестрѣ и, въ теченіе цѣлаго года, не велѣла пускаться въ церковь, чтобы развлечь ея благочестивую склонность. Но какъ обыкновенно бываетъ, гоненія за вѣру, только утвердили ее въ вѣрѣ.

Вѣсть о томъ дошла до моей матери, которая и прежде слышала о набожности молодой Княжны. Какъ Владѣтельница Мингреліи, она употребила свое вліяніе, чтобы освободить ее изъ заточенія; но хотя и повиновалась Княгиня, однако не переставала, домашними непріятностями, принуждать дочь свою къ замужству; уже найденъ былъ и третій женихъ, также изъ Князей Мингрельскихъ: тогда рѣшилась бѣжать изъ дома родительскаго Княжна Дарія. Въ мужеской одеждѣ успѣла она ускользнуть изъ подъ строгаго надзора и, присоединившись къ аrobщикамъ, которые

везли свои товары въ Тифлисъ, достигла съ ними Мцхета, тѣмъ же путемъ и также съ людьми чуждыми, какъ нѣкогда пришла туда и блаженная Нина. При малой келліи святой просвѣтительницы нашей обитала тогда благочестивая старица, ей соименная, и съ нею нѣсколько непостриженныхъ сестеръ, которыя питались трудами рукъ своихъ и воспитывали при себѣ малолѣтнихъ дѣвицъ, научая ихъ грамотѣ и рукодѣлю. Тутъ укрылась Княжна, рассказавъ старицѣ свои приключенія и какъ рѣшилась она наконецъ посвятить себя единственно на служеніе Богу. Не могла отказать ей въ пристанищѣ та, которая сама себя посвятила молитвѣ, и такъ протекло пять лѣтъ, въ теченіе коихъ жители убогаго селенія Мцхета, привыкли видѣть прекраснаго мальчика, который ходилъ иногда на базаръ, для закупки мѣстныхъ припасовъ ихъ малой обители.

Между тѣмъ безутѣшно было семейство Княжны, ибо всѣ поиски о ней въ Мингреліи остались тщетными: ее уже оплакивали какъ мертвую; но еще носилась од-

нако темная молва, будто она жила въ Карталиніи. Я былъ тогда при особѣ Главнокомандующаго и мнѣ пришло на мысль, остановиться въ Мцхетѣ, чтобы спросить у настоятельницы; не слыхала ли она что либо о Княжнѣ Мингрельской? При первомъ моемъ вопросѣ она смутилась и съ безпокойствомъ начала смотрѣть на одну изъ сестеръ, какъ бы спрашивая ее: открыть ли тайну? Когда же я сталъ настоятельно требовать отъ нее сознанія, добрая старица рассказала мнѣ истину и доставила случай видѣть Княжну. Она обрадовалась мнѣ, но вмѣстѣ испугалась, полагая что я хочу ее принудить возвратиться домой; но я ее успокоилъ и обѣщалъ ходатайствовать у ея матери, чрезъ посредство моей; дѣйствительно Владѣтельница убѣдила Княгиню, не тревожить болѣе своей дочери, потому что уже прошло довольно времени для ея испытанія. Съ тѣхъ поръ она оставалась при настоятельницѣ Нинѣ, до ея кончины и заступила ея мѣсто.»

«Мнѣ пріятно дополнить вамъ эту тро-

гательную повѣсть, сказалъ я. До сихъ поръ одна только община, не утвержденная на правахъ монастырскихъ, находилась при келліи Св. Нины, скудно питаясь трудами рукъ своихъ. Теперь же, по благословенію Св. Синода, Экзархъ рѣшился устроить здѣсь настоящую обитель женскую, единственную во всей Грузіи: въ день Апостола Андрея Первозваннаго, просвѣтившаго вашу Мингрелію и отечество наше свѣтомъ Христіанства, Княжна Дарія и шесть при ней сестеръ были пострижены въ соборъ Мцхета, настоятелемъ пустыни Гареджійской, благочестивымъ старцемъ Архимандритомъ Іоанномъ. Экзархъ уступилъ имъ собственный домъ Католикосовъ для жительства, пока обновится ихъ убогое жилище, и предполагаетъ обновить самый соборъ Самтаврскій, первую митрополию Иверіи, при которой будетъ находиться обитель инокинь, возникшая подлѣ келліи Св. Нины».

Бесѣдуя такимъ образомъ мы непримѣтно достигли вершины горы, гдѣ вмѣсто убогой часовни, поросшей кустарни-

комъ, основана была, въ началъ нынѣшняго вѣка, церковь во имя Преображенія. Не было священника и потому не могли мы войти въ ея внутренность, но одна изъ старицъ, при ней живущихъ, отворила намъ желѣзную рѣшетку пещернаго склепа подъ церковью. Тамъ юная и прекрасная вдова знаменитаго автора нашего, столь бѣдственно погибшаго въ Персіи, соорудила ему изящный памятникъ. Конечно она хотѣла изобразить себя, въ образъ молодой женщины, простертой, съ выраженіемъ скорби и покорности, у подножія распятаго Господа, и трогательна надпись на бронзовомъ мавзолеѣ: «творенія твои сдѣлали тебя бессмертнымъ для твоего отечества; но для чего могла пережить тебя твоя Нина!»

Всякій четвертокъ исключительно посвященъ памяти Св. Давида, потому что въ четвергъ послѣ Пятидесятницы совершается его праздникъ, и отъ ранняго утра до поздняго вечера, можно видѣть здѣсь длинную вереницу богомольцевъ, особенно женщинъ, въ ихъ бѣлыхъ покрывалахъ; онѣ

какъ тѣни живописно поднимаются и спускаются по витой стезѣ, ведущей къ горней церкви отшельника. Съ благоговѣніемъ приложились мы къ древней иконѣ Св. Давида Гареджійскаго, которая по случаю обновленія церкви, перенесена была въ подземельный склепъ; потомъ помолились и надъ прахомъ усопшаго, о спасеніи души его.

Я познакомился съ незабвеннымъ Грибоѣдовымъ, въ цвѣтушіе годы молодости, среди роскошной природы Крыма, и знакомство его оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Мы совершили съ нимъ нѣсколько пріятныхъ поѣздокъ, въ очаровательныхъ долинахъ Таврическихъ, и вмѣстѣ восходили на горный шатеръ Чатырдага. Онъ былъ тогда въ полномъ блескѣ своей литературной славы: его Горе отъ ума переходило изъ устъ въ уста и обратилось въ пословицу; но всѣ его мечты стремились въ Грузію, къ тому предмету, который одушевлялъ его восторги; онъ пламенно звалъ меня туда, за Черное, предъ нами разстилавшееся море, за снѣжные верхи Кавка-

за. . . и вотъ я исполнилъ теперь давнее его желаніе, но я стоялъ уже надъ его могилой! — Три года спустя, я увидѣлъ его, на нѣсколько минутъ въ Москвѣ, когда лѣтъ онъ курьеромъ, съ радостною вѣстію о заключеніи мира съ Персіею; потомъ еще нѣсколько минутъ, на обратномъ пути его въ Грузію, когда уже онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ Персидскомъ, и полный радостныхъ надеждъ видѣлъ предъ собою близкое ихъ исполненіе. . . онъ исполнились! — Но не прошло года, и въ Яссахъ достигла до меня горькая вѣсть о его ужасной кончинѣ. — Миръ тебѣ, кратко блеснувшій намъ геній! да успокоитъ и тебя, въ одной изъ многихъ своихъ обителей, всемилостивый Искупитель, къ ногамъ коего припала твоя плачущая вдова.

Я пригласилъ Князя взойти въ пещеру, гдѣ изъ разсѣлины утеса струится вода, испрошенная молитвою Св. Давида. Накопляясь въ сердцѣ камней, въ природномъ водоемѣ, въ которомъ можно видѣть, сквозь пробитое отверстіе, всю ея кристальную

свѣжесть ; она истекаетъ оттолѣ тонкою струею, какъ бы самыя слезы святаго отшельника, проливаемые о своихъ грѣхахъ и всего міра; это тихое журчаніе, вмѣстѣ съ отрадною свѣжестію, внушаетъ сладкое чувство, подѣ низменными сводами пещеры. Утѣшительно тамъ для души, хотя на краткую минуту, заключиться въ самой себѣ; если же и видѣть предѣ собою міръ, то не болѣе, какъ сколько открывается онъ изъ сей уединенной келліи.

Что же представилось намъ изъ устья пещеры, во глубинѣ разступившагося подѣ нами ущелія? Сперва нѣсколько виноградниковъ, уступами сбѣгавшихъ къ подошвѣ горы; потомъ, по мѣрѣ того, какъ расширялась горная разсѣлина, открылась часть города, обогнутая крутою дугой серебристой рѣки, какъ бы напряженною тетивою лука, готоваго выстрѣлить. Влажная дуга сія, блиставшая лучами солнца, простиралась отъ высокихъ тополей инженернаго сада, гдѣ погребенъ послѣдній магометанскій Царь Іессей, мимо монастыря Армянскаго, гдѣ обитаетъ нынѣшній Патріархъ

Нерсесъ, до собора Анчисхатскаго, бывшаго подворьемъ Католикосовъ Грузинскихъ. Сколько воспоминаній на столь маломъ пространствѣ! Тутъ и послѣднее безчестіе Грузіи, въ лицѣ ея невольнаго отступника Царя, зарытаго въ саду, вдали отъ гробовъ своихъ предковъ, которыхъ вѣрѣ онъ измѣнилъ. Тутъ и восточная обитель, главы духовной народа, нѣкогда сильнаго, усѣявшаго остатками своихъ столицъ, южные предѣлы наши. Тутъ же наконецъ, въ обители православныхъ Католикосовъ, одна изъ величайшихъ святынь Грузіи, икона, по мѣстному благочестивому преданію, напечатлѣвшаяся отъ прикосновенія къ подлиннику Эдесскому! Ближе къ намъ красовалась бѣлая церковь Кашветская, стройнымъ своимъ станомъ выходившая изъ прочей массы зданій. Живописная груда Азіатскихъ и Европейскихъ домовъ, между коими тянулись, на подобіе древняго Римскаго водопровода, многочисленныя арки каравансарая, дополняли собою разнообразіе своенравной картины; а вдали, позади раскинутаго по высотамъ предмѣстія Авла-

барскаго, пустынное кладбище, неминуемая цѣль человѣческой жизни, могильными своими камнями напоминало, чтобы не слишкомъ увлекались взоры, красотами житейскими.

Наступила масленица и начались увеселенія, которыхъ не было въ теченіе цѣлой зимы. Блистательный балъ данъ былъ Княземъ Намѣстникомъ, и конечно лучшіе балы сѣверной столицы должны уступить ему по оригинальности, ибо тутъ соединились Азія и Европа, со всѣми очарованіями поэтическаго Востока. Царевны и Княжны Грузинскія, въ ихъ отечественной одеждѣ, и Армянскія почетныя дамы, владѣтельные и упраздненные Ханы нѣкоторыхъ окрестныхъ ханствъ, Султаны отъ рода Гиреевъ Крымскихъ, живущіе между Черкесами, и Уцміи, происходящіе отъ Халифовъ, Беки Татарскіе, напоминающіе времена Монголовъ, и дикіе Горцы, Лезгины, Осетины, Чеченцы и Кабардинцы, въ своихъ воинственныхъ нарядахъ, составляли пеструю, но величественную массу; они знаменовали собою присутствіе Намѣстника

Великаго Царя, котораго держава, начина-
ясь отъ льдовъ Океана, простиралась до
внутреннихъ пустынь Азіи и небесной им-
періи Китая. Нигдѣ болѣе, какъ въ Тифли-
сѣ, въ залахъ Князя Намѣстника, нельзя
быть поражену, пышнымъ разнообразіемъ
столькихъ племенъ, покорныхъ манію од-
ного Владыки.

Привѣтливое обращеніе знаменитаго хо-
зяина и его благородной супруги, одуше-
вляя все сіе странное общество, соединяло
его въ одно цѣлое. Должно сказать прав-
ду: внутреннее сознаніе своего достоинства
и высокаго рода, которое никогда не мо-
жетъ уронить себя, потому что оно врож-
дено и есть неотъемлемая собственность,
внушало и здѣсь, радушнымъ хозяевамъ,
снисходительность къ низшимъ и вниманіе
къ древнимъ родамъ, равно Христіанскимъ
и Магометанскимъ; это самое пріобрѣтало
имъ любовь сихъ представителей минувша-
го величія своихъ предковъ, ибо ничто не
уважается столько на Востокѣ, какъ древ-
ность рода, восходящая часто до басно-
словныхъ временъ.

Посреди шумнаго вихря Европейскихъ танцевъ, внезапно дикіе звуки восточной музыки прерывали стройный оркестръ; звуки сіи, непріятные для нашего слуха, имѣли особенную прелесть для Азіатцевъ, и замѣтно было какъ начинали сверкать ихъ огненные глаза, при первомъ сотрясеніи струнъ роднаго инструмента. Тогда составлялся тѣсный кругъ, на срединѣ обширной залы, и лучшіе плясуны, всякаго возраста и званія, являлись одинъ за другимъ на скользкое поприще, сперва робко озираясь во всѣ стороны, а потомъ смѣлые и свободные въ своихъ движеніяхъ, какъ бы въ родномъ ущеліи предъ своимъ ауломъ. Лезгины и Чеченцы плясали свою народную пляску, въ ея начальной простотѣ, и вотъ, вслѣдъ за ними выступали юноши и дѣвы Грузинскіе, которые уже примѣнили сію дикую пляску къ болѣе образованному духу своего общества; они смягчили, выраженіемъ болѣе нѣжныхъ чувствъ, смѣлую отвагу тѣлодвиженій, которая выражала одно только стремленіе къ битвамъ. Здѣсь можно было разгадать начальное

происхожденіе пляски, у народовъ болѣ близкихъ къ первобытному ихъ состоянію, которая у насъ образованныхъ обратилась въ безцвѣтное и безотчетное увеселеніе. Когда же, при выходѣ изъ ослѣпительнаго блеска залы и ея душной атмосферы, васъ обвѣвала благовонная прохлада Грузинской ночи и надъ вами сверкало яркое звѣздное небо: эта чудная природа будто упрекала человѣка, какъ можетъ онъ равнодушно жертвовать ея чистыми наслажденіями, для насильственно изобрѣтенныхъ увеселеній, которыя по мѣрѣ образованія все болѣе и болѣе удаляютъ отъ природы.

Послѣдніе дни масляницы были до такой степени благорастворены теплотою весеннею, хотя это было въ первыхъ числахъ февраля, что уже можно было ожидать полнаго развитія весны; но холодный мартъ, безумный, какъ его называютъ Грузины, своими порывистыми вѣтрами и дождями, напомнилъ намъ, что всякая страна платитъ дань своему климату. Почти весь великій постъ прошелъ въ такомъ ненастьи, и это воспрепятствовало мнѣ со-

вершить нѣсколько поѣздокъ, въ Манглись и на развалины древней крѣпости Орбельяновъ въ Сомхетію. Однако, на шестой недѣль, возвратилось опять красное время и страстная недѣля особенно вознаградила за всѣ непогоды. Чувствуя уже въ себѣ болѣзнь, я пользовался, сколько могъ остатками силъ до Пасхи, чтобы исполнить Христіанскій долгъ говѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, въ свободныя минуты, за богослуженіемъ Церкви Армянской, въ присутствіи ея Патріарха, какъ я это дѣлалъ и въ Римѣ предъ лицомъ Папы, ибо мнѣ не могъ представиться другой болѣе удобный случай.

Особенно трогателенъ показался мнѣ обрядъ Армянскій умовенія ногъ, хотя онъ и не столь близокъ, какъ у насъ, къ точному исполненію словъ евангельскихъ. Дѣйствіе сіе происходитъ во время вечерни и довольно продолжительно, ибо составлено изъ чтенія паремій, Апостола и Евангелія, относящихся къ предмету. Возвышеніе устроено было въ церкви, наравнѣ съ алтаремъ, и двѣнадцать стульевъ поставле-

ны по сторонамъ Патріаршаго кресла. На сей разъ самъ престарѣлый Нерсесъ принялъ участіе въ священнодѣйствіи. По недостатку Епископовъ, пресвитеры заступали ихъ мѣсто; Епископы были въ мантияхъ, а священники въ ризахъ; каждый изъ нихъ садился по очереди на патріаршее мѣсто; Патріархъ же, въ полномъ облаченіи, ради смиренія сидѣлъ на коврѣ, у подножія креселъ, и омывъ ноги возсѣдавшаго на его каѳедрѣ, цѣловалъ ихъ; но мнѣ показалось страннымъ, что послѣ сего онъ ихъ еще помазывалъ масломъ, и не древеснымъ а коровьимъ, котораго употребленіе несвойственно для церкви. Когда же окончилъ умовеніе, онъ сѣлъ на свою каѳедру, и старшій изъ духовенства, Архіепископъ Тифлиса, облачившись въ свою чреду, омылъ ему ноги, въ знакъ почести, подобающей отъ ученика верховному учителю. Великолѣпіе одежды патріаршей, изъ Индѣйской парчи, и его митры, унизанной жемчугомъ, на которой вышиты подвиги святаго просвѣтителя Арменіи, соотвѣтствовало величавой наружности старца; онъ вполнѣ былъ

проникнуть совершаемымъ дѣйствиємъ и внушалъ невольное благоговѣніе.

Менѣе торжественна была церемонія великаго пятка, на которой только присутствовалъ, а не дѣйствовалъ Патріархъ. По окончаніи паремій, четыре Епископа въ облаченіяхъ съ двѣнадцатю священниками, въ свѣтлыхъ а не черныхъ ризахъ, подняли съ возвышенія алтарнаго плащаницу, совершенно нашу, ибо на ней были вышиты и буквы Славянскія. Патріархъ, въ багряной мантии, съ посохомъ въ рукахъ, слѣдовалъ за ними, сопровождаемый почетными гражданами; весь дворъ былъ наполненъ народомъ, особенно женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ. Всякое погребальное шествіе умирительно, кольми паче Христова, по воспоминанію крайняго смиренія Божественнаго страдальца, ради насъ недостойныхъ. Старецъ, духовная глава народа, долженствующій представлять для него, своимъ саномъ Того, за чѣмъ гробомъ онъ шелъ, возбуждалъ много благочестивыхъ думъ. Но самые обряды не имѣли желаннаго благолѣпія и нестройность тол-

пы безпрестанно нарушала порядокъ, ибо служба вечерняя довершалась внѣ храма, на площадкѣ предъ вратами; тутъ читано было евангеліе надгробное. Духовенство выстроилось въ два ряда, отъ дверей церковныхъ къ плащаницѣ, имѣя во главѣ Патріарха. Архіепископъ ходилъ нѣсколько разъ окадить плащаницу, клиръ и народъ, и когда приложился къ ней Патріархъ, шествіе возвратилось тѣмъ же порядкомъ въ церковь; но уже не бываетъ какъ у насъ ночнаго хода на утренни. Я даже слышалъ, что и самая плащаница не есть необходимость для богослуженія Армянскаго; вмѣсто нея носятъ обыкновенно крестъ, а на сей разъ, ради большей торжественности, употребили плащаницу, и при томъ Русскую, по ветхости или по неимѣнію въ ризницѣ собственной.

Мнѣ невозможно было присутствовать въ великую субботу, на поздней литургіи, которую совершалъ также Архіепископъ, по слабости Патріарха; она окончилась по захожденіи солнца, ибо соединена какъ у насъ съ вечернею, и наполнена чтеніемъ

паремій. Но у Армянъ она уже составляетъ начало торжества пасхальнаго, потому что, въ самую ночь Пасхи, нѣтъ у нихъ торжественной утрени нашей, столь возвышенной и глубокой, и самая литургія Пасхи не ознаменована никакимъ особеннымъ торжествомъ: оттого всѣ болѣе усердствуютъ быть на литургіи субботней, и такъ какъ на оной возглашается евангеліе о воскресеніи, тоже что и у насъ, съ нѣкоторыми воскресными гимнами: то Армянская Церковь допускаетъ послѣ литургіи нѣкоторое послабленіе поста, то есть сырѣ и лица, хотя нѣтъ еще совершеннаго разрѣшенія до слѣдующаго утра.

Свѣтло было торжество пасхальное въ соборѣ Сіонскомъ, которое совершалъ Экзархъ, съ своимъ Викаріемъ и осмью Архимандритами, Греческими, Грузинскими и Русскими, въ присутствіи Князя намѣстника, всѣхъ властей и почетныхъ дамъ Тифлисскихъ. Послѣ крестнаго хода кругомъ собора, Экзархъ, окруженный всемъ клиромъ, при свѣтѣ безчисленныхъ свѣчъ и лунномъ сіяніи, сталъ на ступеняхъ крыль-

ца и возгласилъ радостное «Христось воскресе!» и когда, при сихъ всеоживляющихъ словахъ, раскрылись врата храма, заблеставшаго внутри огнями: торжественность сего мгновенія не могла сравниться ни съ какими впечатлѣніями земными: воистинну воскресъ Христось!

КАРТАЛИНІЯ. ЦИЛКАНЪ.

Приблизилось время моего отъѣзда, которому благопріятствовала ранняя Пасха, но нечаянная болѣзнь удержала меня еще на двѣ недѣли, и можно сказать, мимо меня пролетѣли первые ароматы полуденной весны, столь быстрой и душистой. Уже отцвѣли миндальныя деревья, начальные вѣст-

ники пробужденія природы; всѣ сады Тифлисскіе одѣты были розовою пеленой распустившихся абрикосовъ, яблонь и грушъ, такъ что самая ихъ зелень мало была примѣтна, подъ роскошью древесныхъ цвѣтовъ. Окрестные сады, по теченію Веры и Куры, начинали наполняться гуляющими; во мнѣ также горѣло сильное желаніе оставить городъ и подышать опять горнымъ воздухомъ, на пути къ отечеству, въ благословенныхъ долинахъ Имеретіи и Мингреліи. Владѣтель Мингреліи, давно уже звалъ меня къ себѣ; братъ его, воспитанный въ горахъ, но проведеншій свою молодость въ сѣверной столицѣ нашей, въ блестящемъ кругу военной молодежи, вызвался быть моимъ спутникомъ, до предѣловъ своей родины.

Отрадно и вмѣстѣ полезно было для меня его общество: горецъ по рожденію, наѣздникъ и поэтъ, со всѣми пылкими порывами своей природы, но смягченной образованностію свѣтскою, онъ являлъ въ себѣ рѣдкое соединеніе сихъ двухъ совершенно противоположныхъ началъ. Благородная душа его открыта была все-

му высокому и горѣла любовью къ родинѣ; воображеніе южное облакало яркими красками каждый предметъ, и множество древнихъ преданій, о битвахъ своихъ предковъ и созданныхъ ими обителяхъ, тѣснились въ душѣ его; въ жилахъ кипѣла кровь Дадіановъ, и еще отрокомъ, въ горахъ, куда былъ отданъ на воспитаніе, по обычаю своей земли, слышался онъ воинскихъ пѣсней родной земли, и самъ сложилъ много звучныхъ стиховъ, во славу присныхъ. Воспитанный въ духъ глубокаго благочестія, которое еще такъ чисто въ неустарѣвшемъ обществѣ горныхъ сыновъ, онъ началъ свое образованіе съ псалтыря и, зная хорошо Св. писаніе, умѣлъ разбирать старыя церковныя писмена, которыя для многихъ остаются загадочными, въ опустѣвшихъ развалинахъ, потому что новый Грузинскій языкъ разнствуется буквами отъ древняго, какъ Русскій отъ Славянскаго; не многіе, даже изъ числа духовныхъ, умѣютъ читать старинныя надписи. Если же еще прибавить, что этотъ спутникъ, который ухаживалъ за мною, послѣ моей бо-

лѣзни, со всею заботливостію Горца, и служилъ посредникомъ во всякой бѣсѣдѣ, по знанію двухъ языковъ Грузинскаго и Мингрельскаго, былъ сынъ и братъ владѣтельнаго Князя, родственникъ всѣхъ первостепенныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которыя встрѣчались намъ на пути: то можно себѣ представить, сколько утѣшенія доставилъ онъ мнѣ своимъ обществомъ.

Настала минута разлуки, горькая во всякое время, и еще болѣе, когда чувствуешь, что со многими прощаешься уже навсегда. Отблагодаривъ Князя Намѣстника и его супругу, за всѣ милости, которыми меня осыпали, съ свойственнымъ имъ радушіемъ, я просилъ моихъ короткихъ знакомыхъ собраться у меня, потому что еще не въ силахъ былъ посѣтить всѣхъ. Грустно было мнѣ оставить Экзарха, котораго духовныя бесѣды служили для меня лучшимъ утѣшеніемъ, во все время долгаго моего пребыванія въ Тифлисѣ. Съ Патріархомъ простился я еще утромъ. «Зачѣмъ бѣжишь ты изъ своей родной земли? сказалъ мнѣ почтенный старецъ; не всѣ ли,

отъ подножія Арарата, разбрелись по все-
ленной? и вотъ мы только одни твердо
держимся нашей родины.» Много было
глубокаго въ этихъ краткихъ словахъ! Нѣ-
которые изъ моихъ знакомыхъ поѣхали
проводить меня за городъ и тамъ возобно-
вились прощанія: имъ предстоялъ скорый
походъ, а при такихъ условіяхъ тяжело
разставаться.

Было уже темно, когда подъѣхали мы
къ собору Мцхетскому; но мнѣ хотѣлось
еще разъ поклониться его завѣтной святы-
нѣ. Въ сумракъ, особеннымъ величіемъ, об-
леклись широкіе размѣры храма; опять,
какъ и въ первый день моего посѣщенія,
горѣло нѣсколько свѣчъ предъ тѣмъ стол-
бомъ, подъ коимъ хранился хитонъ Госпо-
день, привлекая взоры и чувства къ сему
священному мѣсту. Я помолился надъ гро-
бами Царей Ираклія и Георгія, и род-
ственного имъ Католикоса Антонія, и по-
мянулъ весь рядъ державныхъ и святите-
лей, почивающихъ подъ сѣнію тринадцати-
вѣковаго святилища. Протоіерей благосло-
вилъ меня иконою Св. Нины, молящейся у

чуднаго столба, надъ могилою Сидоніи, тутъ погребенной съ хитомъ въ рукахъ. Настоятельница вновь учреждаемой обители, бывшая княжна Мингрельская, вошла въ соборъ съ своими убогими сестрами, пожелать мнѣ счастливаго пути. Это прощаніе со святынею Мцхета, внутри его соборнаго храма, и съ убогими инокинями, которыя прильпились къ келліи святой просвѣтительницы Грузіи, умилительно было для сердца, уже потрясеннаго недавними словами разлуки. Съ ихъ молитвеннымъ напутствованіемъ оставилъ я древнюю столицу, которой внѣшняя слава такъ давно уже померкла; но никогда не угаснетъ духовный свѣтъ, отсель пролитый на всю землю Иверскую, ревностію одной смиренной жены, плѣнницы Нины.

На станціи Гартискарской остановились мы для ночлега; оттолъ расходятся дороги: одна въ Имеретію, на Гори и Сурамъ, по которой мы должны были ѣхать къ западу, вдоль Кавказскаго хребта; другая къ сѣверу чрезъ самый хребетъ. Мы отклонились немного отъ большой дороги, за 10

версть отъ Мцхета, чтобы посѣтить знаменитую нѣкогда церковь Цилканскую, гдѣ была кафедра одного изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ, Св. Іессея. Онъ взятъ былъ неволею, съ горы Зедазенской, отъ своего блаженнаго учителя Іоанна, Католикосомъ Евлавіемъ, въ Епископы Цилканской паствѣ, и прославился въ ней даромъ чудесъ. По мѣстному преданію, какъ нѣкогда Григорій великій чудотворецъ Неокесарійскій, Іессей привелъ къ своему городу теченіе Ксани, маніемъ пастырскаго жезла, которымъ указалъ новое русло покорной ему рѣкѣ. Церковь Цилканская, весьма замѣчательная по своей древности и зодчеству, во вкусѣ Эчміадзинскомъ, основана была гораздо прежде Іессея, при самомъ началѣ Христіанства Грузіи, Бакаромъ, сыномъ Царя Миріяна, для обращенія окрестныхъ народовъ; сюда принесена была изъ Царьграда чудотворная икона Божіей Матери, написанная, по преданію, Евангелистомъ Лукою, на доскѣ яслей Господнихъ. Но теперь церковь въ совершенномъ запустѣніи: южная стѣна ея отошла, куполъ по-

косился и даже входъ въ нее запрещенъ, изъ опасенія падающихъ камней. Служба продолжалась въ маломъ придѣлѣ Св. мученицы Марины, имя коей, не знаю почему, очень часто встрѣчается въ храмахъ Грузинскихъ. Наконецъ и тамъ по ветхости прекратилось богослуженіе, а чудотворная икона перенесена была въ малую храмину, гдѣ могли только служить одни молебны; нынѣшній Экзархъ, ревнуя о благѣ своей паствы, поспѣшилъ возобновить придѣльную церковь и желаетъ возстановить самый соборъ, къ которому питаютъ особенное усердіе всѣ окрестные жители, памятуя, что изъ него проистекло къ нимъ просвѣщеніе духовное.

Не смотря на запрещеніе, мы взошли въ пошатнувшійся соборъ, чтобы поклониться въ немъ гробу великаго Святителя Іессея; онъ въ жертвенникѣ и мимо его восходятъ на ступени возвышенія алтарнаго; но гробница не ознаменована никакимъ украшеніемъ и нельзя отличить простую плиту ея отъ ступени. Иконостасъ каменный, низкій, какъ въ древнѣйшихъ хра-

махъ Грузіи; на немъ вмѣсто иконъ фрески, на которыхъ едва можно распознать Деисусъ и нѣсколько ликовъ Апостольскихъ; на столбахъ, по сторонамъ иконостаса, стерты лики тринадцати отцевъ Сирскихъ, изъ коихъ еще видны три: Іосифъ Алавердскій, Исидоръ Самтавійскій и самъ Іессей Цилканскій, какъ бы сохранившійся ради памяти своего святительства въ этомъ храмѣ. Тамъ гдѣ стояла, подъ сѣнію, чудотворная икона Божіей Матери, противъ Архіерейской кathedры, чуть видны на стѣнѣ три лица: едва ли это не избраніе Св. Іессея Католикосомъ Евлавіемъ, въ присутствіи Аввы Іоанна, который передаетъ ученика своего Архипастырю? Впрочемъ такъ повреждены всѣ фрески, что уже трудно разобрать. Птицы летаютъ внутри опустѣвшаго храма.

Я просилъ, чтобы отслужили молебенъ Матери Божіей, въ той убогой храминѣ, гдѣ находилась ея чудотворная икона, напоминавшая нашу Влахернскую, и когда, послѣ молитвы, прикладывался къ ея лику, внимательно разсмотрѣлъ я сію святы-

ню. Мнѣ кажется, что самое лицо было обновлено, потому что, въ противномъ случаѣ, удивительна свѣжесть красокъ, густыми слоями положенныхъ, какъ бы лѣпная работа, въ то время какъ живопись, подъ жемчужною ризой, совсѣмъ поблекла. Впрочемъ и нѣкоторыя другія иконы, почитаемыя за самыя древнія въ Грузіи, писаны такою же грубою кистію и густыми слоями. Въ нихъ нѣтъ того темнаго колорита и строгости въ чертахъ, какими отличаются иконы Византійскаго письма. На иконѣ Цилканской примѣтно двойное украшеніе: одно весьма древнее эмалевое и жемчужное; таковы вѣнецъ на главѣ Пречистой Дѣвы и четыре кружка, въ коихъ написаны по эмали мученики Θεодоръ и Димитрій, и безсребренные Косма и Даміанъ; по сторонамъ Богоматери видны два Архангела. Второй окладъ не столь древній, изъ чеканнаго серебра, съ драгоценными привѣсками и съ ликомъ Св. Георгія, устроенъ былъ въ минувшемъ столѣтіи, Княземъ Иваномъ Мухранскимъ, изъ боковой линіи Царей Карталинскихъ, которымъ до-

селѣ принадлежитъ владѣніе Мухранъ, недалеко отъ Цилкана.

Дорога наша лежала чрезъ это обширное селеніе, гдѣ видѣнъ домъ владѣльцевъ, окруженный, на подобіе замка, деревянною стѣною, съ башнями и теремами. Быстрый потокъ Ксани, давшій свое имя Эристамъ Ксанскимъ, принялъ насъ въ свои бурныя весеннія воды, часто опасныя для путешественниковъ. Близъ Самтависа, скучная равнина Карталинская пересѣчена лѣсистымъ оврагомъ, гдѣ иногда кроются хищники Осетинскіе, въ голодное время. Селеніе Самтависъ, украшено древнею церковію Царя Вахтанга Гургъ-аслана, почти современнаго отшельнику Сирскому Исидору, который тутъ основался; она была обновлена въ 358 году Грузинскаго хроникона, или въ 1673 году нашего лѣтосчисленія, Княземъ Димитріемъ Амилахваровымъ, какъ написано на древней иконѣ Спасителя, внутри храма, и тамъ до нынѣ погребается княжескій родъ сей, имѣющій воль свои помѣстья. Ихъ старый замокъ и монастырь видны на горѣ; неподалеку се-

леніе Чалы, гдѣ хранятся, въ домовоі ихъ церкви, многія древнія иконы, перенесенныя въ смутныя времена, изъ пустыни Шіомгвинской и Мцхета. Родъ Амилахваровыхъ, одинъ изъ знаменитыхъ въ Грузіи, возведенъ былъ въ княжеское достоинство, потому что предокъ ихъ пожертвовалъ своею жизнью, для спасенія Царя Георгія VІІІ. Амилахваръ есть искаженное слово Арабское Эмиръ-ахоръ, или великій конюшій, званіе, которымъ пользовались старшіе изъ Князей сего дома, при дворѣ царскомъ.

Весьма изящна рѣзьба, на внѣшнихъ стѣнахъ храма Самтавійскаго, особенно виноградныя лозы и крестъ, изваянный со стороны алтаря, съ надписью: «да утвердитъ Господь въ вѣкъ вѣка.» Мѣстное преданіе указываетъ самое углубленіе, отколѣ исторглось пламя, во дни Тамерлана, когда свирѣпый завоеватель хотѣлъ сокрушить на стѣнѣ большой крестъ, доселѣ ее осѣняющій. Какъ утѣшительны такія преданія и какъ отрадно для народа молиться въ храмъ, ознаменованномъ столь чуд-

нымъ событіемъ! Съ такою твердою вѣрою прошла и устояла бѣдная Грузія, сквозь всѣ завоеванія, огнепоклонниковъ Персовъ, Арабовъ, Сельджукидовъ, Монголовъ Батыя и Татаръ Тамерлана, Оттомановъ и новыхъ Персовъ Шахъ - Исмаила, Шахъ-Аббаса и Надира, до нашихъ временъ. Каменная ограда, уже обветшавшая, съ башнями и бойницами, свидѣтельствуется о бранной эпохѣ; еще недавно, безъ укрѣпленія, не могла держаться никакая обитель, потому что шайки Лезгинъ безпрестанно скитались по большимъ дорогамъ, и тутъ лежалъ главный путь ихъ въ Ахалцыхъ, гдѣ продавали они своихъ плѣнныхъ. Церковь Самтавійская величественна внутри, хотя уже приходитъ въ ветхость и почти обнажена; она празднуетъ Вознесенію Господню и имѣетъ еще одинъ придѣлъ, во имя Предтечи. Замѣчательна древняя икона Спасителя, при которой хранится нѣсколько драгоценныхъ складней и крестовъ, съ частицами святыхъ мощей. Живопись ея напоминаетъ Цилканскую, свѣтлыми красками, хотя не столь густыми,

но ее почитаютъ современною Царю Вахтангу, жившему въ V вѣкѣ. Иконостасъ новый, деревянный, прислоненъ къ старому каменному, весьма низкому. Въ алтарѣ, кругомъ горняго мѣста, сохранились отчасти лики Апостоловъ и двадцати четырехъ Святителей, имена коихъ трудно разобратъ. Помость весь устланъ гробницами Амилахваровыхъ, благодѣтелей обители. Въ жертвенникѣ каменная плита знаменуетъ мѣсто погребенія Св. Исидора, пришедшаго изъ Сиріи, вмѣстѣ съ аввою Іоанномъ, но житіе коего совершенно неизвѣстно. Это былъ послѣдній изъ отцевъ Сирійскихъ, могилѣ коего я поклонился. Въ Кахетіи посѣтилъ я гробы Давида Гареджійскаго въ его пустыни, Стефана въ обители Хирской, Епископа Іосифа въ кафедральномъ соборѣ Алавердскомъ, Зинона въ уединенной церкви Икальто и Антонія Марткобскаго, среди развалинъ его монастыря, нынѣ обновляемаго. Въ Мцхетѣ мнѣ указали, подъ алтаремъ, мѣсто упокоенія Св. Авива мученика, Епископа Некрескаго, и въ пещерѣ Мгвимской пустыни

могилу ея основателя Св. Шію, а на горѣ Зедазенской, въ оставленной всѣми церкви, самый гробъ великаго аввы Іоанна, главы 13 отцевъ Сирскихъ. И вотъ, оставляя Грузію, успѣлъ я еще помолиться, надъ гробами Св. Епископа Іессея, въ Цилканѣ, и отшельника Исидора въ Самтависѣ. Остальныя три гробницы Сирскія были мнѣ недоступны; только издали увидѣлъ я церковь, гдѣ почіетъ Пирръ Бретскій; Михаилъ же Улумбійскій и Ѡаддей Степан-цминдскій были слишкомъ далеки отъ моего пути; но для меня утѣшительно и то, что изъ числа тринадцати, я могъ по крайней мѣрѣ поклониться десяти.

ГОРИ, УПЛИСЦИХЕ, АТЕНЕ, СІОНЪ.

Отъ Самтависа до Гори, на разстояніи сорока верстъ, ничего занимательнаго не представляла голая равнина Карталинская: по сторонамъ ея тянулись горные хребты, но видъ Гори уже поражаетъ издали своею необычайностію. Малый городъ приникъ къ подножію утеса, который внезапно вырастаетъ, какъ островъ изъ морской пучины, посреди ровнаго поля, и увѣнчанъ старымъ замкомъ; сама природа указала мѣсто сіе для защиты человѣка, по несчастію отъ подобныхъ себѣ. Еще недавно

однѣ только стѣны сіи могли служить спасеніемъ отъ проходящихъ шайками Лезгинъ; они осмѣливались проникать въ предместіе города, такъ что принуждены были укрѣплять отъ нихъ самыя мельницы. Русское гостепріимство ожидало насъ въ домѣ градоначальника С**. Онъ вызвался проводить насъ, на слѣдующій день, въ пещерный городъ Уплисцихе и въ очаровательную долину Атенскую, а между тѣмъ предложилъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить вышгородъ Гори. Невозможно было избрать лучшаго мѣста для крѣпости, которая совершенно пришлась по утесу, зубчатымъ вѣнцемъ своимъ, какъ иному царственному челу свойственнымъ украшеніемъ представляется корона. Основаніе крѣпости относятъ ко временамъ самымъ отдаленнымъ, но она была нѣсколько разъ обновляема, и даже при Царѣ Иракліѣ еще могла отражать напоръ враговъ. Шахъ-Надиръ чувствовалъ всю ея важность и посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Гори, властвовать надъ Грузіею. Теперь, по водвореніи мира, ничего въ ней не оста-

лось, кромѣ одной церкви, также опустѣвшей, которую относятъ, какъ все древнее, къ Царицѣ Тамари.

Весьма замѣчательна тераса, многими уступами спускающаяся къ рѣкѣ, съ крытыми ходами, для тайнаго добытія воды. Колоссальное ея устройство свидѣтельству-етъ о важности самой крѣпости, служившей ключемъ Карталиніи, на сліяніи Ляхвы и Куры. Одинъ изъ очаровательныхъ видовъ сей живописной страны, открывается съ вышгорода Гори на всю равнину, далеко бѣгущую къ снѣжному хребту Кавказа. Шумная Ляхва, раздѣляясь на многіе рукава, серебристыми полосами, блеститъ по широкому руслу, а нѣсколько далѣе бурная Кура, однимъ потокомъ, стремится поглотить въ себя сію новую данницу Кавказскаго хребта. На коническомъ утесѣ противоположнаго берега бѣлѣетъ древняя обитель креста, куда часто притекаютъ для молитвы благочестивые жители Гори; вдали раскрывается устье Атенскаго ущелья. Малый, но веселый городокъ, домами своими, облѣпиль со всѣхъ

сторонѣ осѣняющій его утесъ, какъ дѣти робко держатся за одежду матери; панорама сія достойна лучшей кисти нашихъ живописцевъ. Заходящее солнце замѣнило ихъ кисть своими лучами, съ чрезвычайнымъ искусствомъ обозначивъ ярко выдающіеся предметы сей чудной картины, и позволяя мѣстами отбѣнять ее вечернему сумраку. Долго мы любовались, доколѣ не угасло за горами свѣтило.

Между осмью церквами различныхъ исповѣданій въ Гори, одна въ особенности привлекла мое вниманіе, драгоцѣнною святынею, въ ней хранящеюся съ шестаго вѣка, когда Грузія была подвластна Императорамъ Греческимъ. Великій Іустиніанъ, столько заботившійся о распространеніи Христіанства, прислалъ владѣтелю Иверіи Стефану, возведенному имъ въ придворный санъ Куропалата, икону складную, писанную на холстѣ, Деисусъ, т. е. Спасителя, съ Божіею Матерію и Предтечею по сторонамъ. Она доселѣ сохранилась въ Успенской церкви, съ удивительною цѣлостію, хотя отчасти осыпались краски. Живопись

отличается отъ такъ называемой Византійской, X вѣка, свѣтлымъ колоритомъ и болѣе пріятными очерками. Не знаю почему образъ сей называется у Грузинъ оконіосъ, не отъ Греческаго ли слова икона? Но вотъ еще замѣчательное событіе: Императоръ прислалъ при сей иконѣ своего придворнаго іерея, Іоанникія Горгіани, и родъ его съ тѣхъ поръ поселился въ Грузіи; церковъ же и чудотворная икона потомственно переходили, отъ отца къ сыну, до нашихъ временъ. Старецъ священникъ, показывавшій мнѣ сокровище своей церкви, носитъ тоже имя Горгіани и надѣется, что его потомки сохранятъ древнее достояніе отцевъ своихъ. Какъ умилительно такое преемство въ священнодѣйствіи, не прерывающееся тринадцать столѣтій. Мудрено ли, что на такихъ твердыхъ началахъ, не поколебалась въ православіи единовѣрная намъ Церковь Иверская?

Слѣдующій день мы посвятили посѣщенію замѣчательныхъ окрестностей Гори, и начали съ Уплисцихе, внизъ по теченію Куры, за 10 верстъ отъ города. Одно сіе

имя, замокъ или крѣпость Уплоса, уже свидѣтельствуешь о глубокой древности, если вспомнить, что Уплось былъ сынъ полумиѳическаго Мцхетоса, даваго свое имя древней столицѣ, и внукъ Картлоса, котораго память сохранилась въ названіи цѣлой области. Картлосъ же имѣлъ отцемъ Ооргама, родоначальника Грузинъ и Армянъ, и считался правнукомъ Іафета, слѣдственно въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя.

Что сказать о такой древности, которой истину подтверждаетъ самая мѣстность и памятники, не похожіе на нынѣшнія жилища человѣческія. Уплись-цихе есть городъ пещеръ, выдолбленныхъ на верху утеса, какъ селились люди въ первыя времена, послѣдовавшія всемірному потопу, и какъ сохранился обычай доселѣ, въ нѣкоторыхъ младенчествующихъ племенахъ. Впрочемъ Уплись-цихе, по выгодному его положенію надъ рѣкою, долго удерживалъ жителей въ прохладѣ своихъ пещеръ, ибо по лѣтописи Грузинской извѣстно, что Царь Арсакъ, жившій въ эпоху завоеваній Римскихъ,

предъ самымъ рождествомъ Христовымъ, много украсилъ сей подземный городъ, и слѣды украшеній видны, въ правильно изваянныхъ аркахъ съ лѣпной работою. Благочестіе Христіанское воспользовалось столь необычайнымъ убѣжищемъ на скалахъ, чтобы помѣстить алтари свои въ опустѣвшихъ уже пещерахъ; каменная Армянская церковь, весьма древняя, единственное зданіе Уплисъ-цихе, служить доказательствомъ, что еще въ средніе вѣка тутъ было населеніе. Жители ближайшихъ деревень доселѣ сходятся туда, на второй день Пасхи.

Отдѣльный утесъ, какъ бы отторгшійся отъ береговаго хребта, который состоитъ весь изъ своенравныхъ наростовъ мягкаго камня, служить основаніемъ Уплисъ-цихе. Кура отступила теперь отъ его подножія, но и доселѣ одна только узкая тропа, изсѣченная въ скалѣ, открываетъ входъ на ея вершину, сквозь остатки городскихъ воротъ. Легко было защищать такую крѣпость. Отъ привратной башни, выдолбленная стезя восходитъ все выше, образуя мно-

гія вѣтви или улицы, по сторонамъ коихъ видны слѣды лавокъ также въ скалѣ, и этотъ каменный базаръ какъ будто ожидаетъ купли; мѣстами есть и протоки для дождевой воды, чтобы удобно стекала она съ утеса въ осеннее время. Всего лучше сохранилась такъ называемая царская арка или палата, на самомъ краю утеса, отколѣ открывается великолѣпный видъ на все теченіе Куры и противолежащія Тріалетскія горы. Арка высока, съ правильнымъ полусводомъ въ Римскомъ вкусѣ, и открываетъ входъ въ глубокую пещеру, которая служила пріемною залой, а по сторонамъ есть еще два подземныхъ покоя, вѣроятно жилые. Дадіамъ увѣрялъ меня, будто въ каждомъ изъ лѣпныхъ украшеній арки есть надпись Грузинская, но нельзя было это ясно разобрать; выпретенная тераса примыкала къ сему жилищу, вѣроятно царскому, ибо оно на лучшемъ мѣстѣ, и есть слѣды ограды, его отдѣлявшей отъ прочихъ. Другая, столь же замѣчательная подземная палата, съ каменною стѣнкой впереди, уцѣлѣла на самой срединѣ города, недалеко

отъ церкви, и служитъ теперь для загона скота: такъ измѣняется мірская слава! Передняя часть обрушилась, но еще сохранилась просторная зала, обнесенная съ трехъ сторонъ арками, высѣченными въ камень; брусья изваяны на плоскомъ потолкѣ, какъ бы въ подражаніе дереву; позади сихъ аркъ много жилыхъ келлій, и есть углубленія въ стѣнахъ; отверстіе въ сводѣ служило для воздуха и свѣта. Дадіанъ прочелъ надпись Грузинскую на боковой аркадѣ: «я Шавтели потрудился здѣсь и, работая по цѣлымъ днямъ, не точилъ моего рѣзца въ продолженіе цѣлой недѣли». Годъ хроникона Грузинскаго означенъ 1110, но по немъ нельзя ясно опредѣлить эпоху, ибо это лѣтосчисленіе весьма сбивчиво. Если же тутъ предполагается послѣдній хрониконъ, то число сіе будетъ соответствовать 1425 году.

Выше сей залы есть церковь, высѣченная въ той же скалѣ, съ престоломъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ подъ окномъ, и съ отдѣльнымъ жертвенникомъ; такое расположеніе святилища, обращеннаго къ востоку,

свидѣтельствуеть, что оно принадлежало православнымъ. Около него выдолблено много келлій, соединенныхъ между собою, и нѣсколько пониже есть еще малые покои, съ лѣпнымъ украшеніемъ на сводѣ и алтаремъ въ углубленіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ былъ монастырь и даже многолюдный; но кѣмъ онъ основанъ и когда оставленъ?—лѣтописи молчатъ, а камни не возглаголютъ. Такъ все утрачено въ бѣдной Грузіи, раззоренной столькими нашествіями варваровъ. Есть еще много жилищъ, разсѣянныхъ по всему пространству города до внѣшняго гребня скалы, гдѣ была градская стѣна, но они не заслуживаютъ особеннаго вниманія; ничего нѣтъ и въ каменной церкви Армянской, ибо всѣ иконы ея новыя. Мы спустились изъ пустыннаго города, не по прежней стезѣ, но сквозь широкое отверстіе, посреди его площади, которое выдолблено улиткою въ сердцѣ скалы, для добытія воды, и многими ступенями сводило къ тайному водоему, когда рѣка омывала еще подножіе утеса; и теперь, въ полноводіе, она подсту-

паетъ къ сему подземному устью, которое не могло быть замѣтно непріятелю. Такова чудная крѣпость Уплоса, напоминающая близость потопной эпохи!

Трудная переправа предстояла намъ черезъ Куру, на двойномъ чолнѣ, который долженъ былъ поднять наши дроги и всѣхъ насъ; лошадей пустили вплавъ и быстрое теченіе унесло ихъ, вдоль противоположнаго каменистаго берега, на песчаный островъ; насъ ожидала таже участь; но не было другаго средства переправиться черезъ Куру, съ большимъ трудомъ причалили мы къ тому же острову и перенесены были на рукахъ жителей, черезъ узкій рукавъ рѣки, до ихъ селенія; старшина принялъ насъ съ большимъ радушіемъ и съ свѣтскою непринужденностію. «Есть ли у тебя чѣмъ угостить насъ?» спросилъ его Дадіанъ.— «Взойдите только въ саклю, отвѣчалъ онъ, разстилая ковры въ ея преддверіи, теперь уже вы въ моихъ рукахъ и я угощу чѣмъ богатъ. Конечно, такіе дорогіе гости, сколько бы я ихъ ни звалъ, не согласились бы посѣтить меня, еслибы ихъ не выну-

дилъ къ тому случай.» Дѣйствительно его угощеніе было весьма прилично, потому что всѣ сосѣди на перерывъ посылали къ нему все, что только находили у себя готового для пищи. Скажу еще одно слово о честности сего добраго народа: при затруднительномъ спускѣ изъ Уплисцихе оборвался у меня золотой лорнетъ, и я не замѣтилъ своей потери, доколѣ не нагналъ меня мальчикъ и не возвратилъ мнѣ найденной вещи, хотя по блеску и вѣсу металла очень могъ судить о ея цѣнѣ.

Отдохнувъ не много, мы продолжали путь въ Атенское ущеліе и мимоходомъ посѣтили, противъ Уплисцихе, еще подземелье, съ Армянскою внутри его церковью Св. креста. Говорятъ, что весьма пространны были подземные проходы сего потаеннаго жилья, и пустота земли, отзывавшаяся подъ ногами, подтверждала истину сказанія. Этотъ плоской утесъ есть какъ бы продолженіе того, въ которомъ изсѣчена древняя столица внука Картлосова; она открывается отсель во всей ея своеобразной красотѣ, съ просвѣтами своихъ величествен-

ныхъ аркъ, зіющая глубокими устьями пещеръ, какъ бы поглотившихъ все населеніе и ожидающихъ себѣ новыхъ жертвъ.— Видно, что тутъ былъ городъ, но какъ бы инаго допотопнаго поколѣнія людей, давно уже стертаго съ лица земли.

Отъ селенія Хидиставъ, гдѣ находился древній мостъ черезъ Куру, теперь уже обрушенный, начинается роскошное ущеліе Атенское, вверхъ по теченію рѣки Таны. Оно открывало единственный путь, сквозь Тріалетскія горы, къ Ахалциху и потому кипѣло жизнью въ цвѣтущіе времена Грузіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ доселѣ остатки замковъ и храмовъ, безпрестанно встрѣчающіеся на берегахъ потока. Все опустѣло въ послѣднюю бѣдственную эпоху, когда при слабости ея раздѣлившихся Царей, вторглись Лезгины въ ихъ беззащитное царство и сдѣлались полными его обладателями. Царь Ираклій, едва освободившись отъ Персовъ, боролся съ Лезгинами всю свою жизнь и ничего не могъ сдѣлать. Славный воитель Кавказа, Генералъ Ермоловъ, первый удержалъ шай-

ки хищниковъ, расположивъ военные штабы на самыхъ опасныхъ точкахъ; чувствуя всю важность Атенскаго ущелья, онъ ввѣрилъ оное храброму Князю Эристову, надѣливъ его тамъ многими землями. Съ тѣхъ поръ прекратились грабежи и мало по малу возвращающіеся жители могутъ наслаждаться спокойствіемъ въ своихъ виноградникахъ. Почтенный старецъ, встрѣтилъ насъ наканунѣ въ Гори, и отъѣзжая въ Тифлисъ, поручилъ племянникамъ угостить насъ въ своемъ Атенскомъ владѣніи; тамъ ожидала утомленныхъ гостепріимная трапеза, въ его сельскомъ домикѣ.

Ущеліе Атенское одно изъ самыхъ живописныхъ, какія я только видѣлъ въ Грузіи, потому что не имѣетъ суровой дикости, обыкновеннаго характера горныхъ проходовъ, но привѣтливо улыбается путнику, и какъ бы манитъ его, шумомъ водъ своихъ, въ своиравные изгибы стѣсняющихся горъ; онъ безпрестанно открываютъ взорамъ новыя красы природы, заграждая каменною стѣною позади все что

уже пройдено ; но стѣна сія усѣяна виноградниками и селеніями, увѣнчана храмами и древними замками, которые такъ поэтически сошлись въ это ущеліе , чтобы оживить его воспоминаніями минувшаго. А между тѣмъ бурный потокъ Таны несетя по камнямъ, то подмывая какуюнибудь старую башню, отважно ставшую посреди его волнъ, то падая шумно съ утесовъ, тамъ гдѣ они дерзнули преградить ему тѣсный путь, или разливаясь по зеленому лугу, подъ навѣсомъ яворовъ и липъ, если гдѣ либо раздвинулось ущеліе, чтобы дать мѣсто усадьбѣ, на какомънибудь уединенномъ холмѣ. Такова самая Атена, съ тремя ея церквами, бывшая нѣкогда городомъ и оставившая сладкое свое имя всему ущелію. Замѣчательно повтореніе Греческихъ названій Аѳинъ, Коринѳа, Олимпна и еще другихъ, во многихъ мѣстахъ Грузіи.

Версты за двѣ отъ Атенъ, далѣе во глубину ущелья, стоитъ на обрывѣ утеса, надъ шумнымъ потокомъ, во всей поэтической красотѣ своей, древняя опустѣвшая

обитель Сіонская, отзывающаяся лучшими временами Грузіи, когда Цари ея, по родственнымъ связямъ съ Императорами, могли выписывать зодчихъ изъ Царьграда.— Багратъ II основалъ храмъ сей, во имя Успенія Богоматери, и далъ ему сладкое имя Сіона; ибо въ благочестивой Грузіи искони, какъ я уже сказалъ, Сіонами назывались всѣ храмы, посвященные успенію Богоматери. Славная своими бѣдствіями Царица Русуданъ, дочь Тамари, обновила церковь; лице ея изваяно также какъ и лики Баграта и его супруги, на внѣшнихъ стѣнахъ, въ одеждахъ восточныхъ, съ другими невѣдомыми лицами, быть можетъ изъ царскаго двора, ибо они представлены благоговѣйно стоящими, съ опущенными руками. Есть и нѣкоторыя изображенія изъ ветхаго завѣта: Самсонъ, раздирающій львиную пасть, и изъ житія святыхъ, Евстаѣій на ловлѣ олѣней, и нѣсколько надписей Греческихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ. Одинъ изъ путешественниковъ, Дюбуа, говоритъ будто видѣлъ и Славянскую, но я ее не замѣтилъ, потому

что не былъ предварень. Армянская называетъ зодчимъ нѣкоего Павла, быть можетъ находившагося при дворѣ царскомъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что церковь сія никогда не могла принадлежать Армянамъ, какъ по внутреннему своему устройству, такъ и потому, что сюда не доходила ихъ область.

Вотъ что разобралъ Дадіанъ, изъ древней Грузинской надписи, сохранившейся на южной вѣшней стѣнѣ, ближе къ алтарю: «Во имя Бога, я Григорій, рабъ Миріана сына Тарханова, начальникъ Атенской крѣпости, воздвигъ дома и города, тогда какъ прославилъ Богъ Всемогуцій, Царя Царей, Баграта, который приказалъ праху своему Миріану, повелителю моему а своему вельможѣ, сооружать зданія въ селахъ и городахъ. Помощникомъ въ томъ Богъ и счастье Царя, и какъ пожелало царствіе его, такъ я и воздвигъ оныя; помиловало насъ царствіе его, и щедро пожаловало дома и города, въ потомственное владѣніе, Миріану и подданнымъ его, которые въ силахъ были воздвигнуть сіи зданія. Я

воздвигъ дома, города и пожертвовалъ Св. Сіону Атенскому, празднующему Богоматери, для вѣчнаго поминовенія Царя Царей Баграта Севаста и сына его Георгія. Такъ равно и для поминовенія Миріана праха его, а моего господина и воспитателя, учредилъ совершать литургію въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста, въ день Св. Θεодора, чтобы совершалъ оную настоятель обители и кто по немъ будетъ».

Внутренность храма Сіонскаго величественна и состоитъ изъ четырехъ полукружій, крестообразно расходящихся отъ четырехъ основныхъ столбовъ, которые поддерживаютъ сферическій куполъ, весьма легкій и пріятный для глазъ. Все зданіе еще крѣпко и не трудно его обновить; алтарь отдѣленъ, какъ мнѣ случилось видѣть въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Кахетіи, низкою стѣнкою, на которой поставлены малые столбы, связанные арками; средняя служила для царскихъ вратъ. Столбы сіи въ Сіонскомъ храмѣ лучшаго мрамора; есть изваянія на боковыхъ аркахъ, гдѣ были сѣверныя и южныя двери;

алтарь возвышенъ на трехъ ступеняхъ, равно какъ и горнее мѣсто, на коемъ еще есть слѣды каѳедры. Мѣстами весьма хорошо сохранилась живопись, можетъ быть не современная основанію храма, но лучшей Византійской кисти; особенно въ среднемъ окнѣ алтаря замѣчательна икона Предтечи и напротивъ нѣкоего Аввы въ кукулѣ, быть можетъ великаго Антонія; иконы сіи какъ будто только что вышли изъ подъ кисти; Апостолы и десять Святителей, кругомъ горняго мѣста, повредились отъ сырости. Въ правомъ крылѣ болѣе уцѣлѣли фрески: сонъ Іосифа, срѣтеніе Господне и благовѣщеніе, въ которомъ фигура Ангела замѣчательной красоты и была бы достойною новѣйшихъ художниковъ.

Ущеліе Атенское произвело на меня впечатлѣніе самое пріятное, какъ по красотѣ мѣста и весенняго вечера, такъ быть можетъ и потому, что я впервые испытывалъ свои силы послѣ болѣзни. Молодой мѣсяцъ освѣтилъ намъ возвратный путь къ Хидиставу и мы могли перейти пѣшкомъ по новому мосту, который строить

заботливый градоначальникъ Гори, на старыхъ каменныхъ основаніяхъ, уже испытанныхъ долгимъ временемъ и бурными водами Куры. Онъ сдѣлалъ этотъ мостъ, мѣстными средствами, не требуя никакой помощи и надѣялся такъ его довершить, что не только конные, но и малые экипажи могли бы по немъ ѣздить. Путешественникъ, которому такимъ образомъ облегчаютъ путь, не долженъ молчать, по чувству благодарности. Въ Гори, мы нашли владѣтельнаго Князя Абхазіи Михаила Ширвашидзе, который прибылъ въ Тифлисъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда, и условился совершить съ нами часть дороги, не стѣсняя насъ однако многочисленностію своей свиты, при недостаткѣ лошадей. Онъ предложилъ мнѣ присутствовать, на праздникъ Великомученика Георгія въ Хони, за Кутаисомъ, гдѣ есть его древняя церковь, а я звалъ его съ собою въ обитель Гелатскую; мы дали другъ другу слово съѣхаться въ Кутаисъ, чтобы совершить обѣ поѣздки, и еще нѣсколько разъ встрѣчались опять на дорогѣ.

СУРАМЪ. ИМЕРЕТІЯ.

Можно было опасаться, чтобы разлитіе быстрой рѣки Ляхвы, умноженной дождями, не преградило намъ дороги въ Имеретію, но съ помощію рукъ человѣческихъ благополучно переправились мы черезъ многочисленные рукава ея. Малая отрасль горъ отдѣляетъ долину Ляхвы отъ низменной равнины, простирающейся до Сурама, по теченію Куры. Здѣсь послѣднія селенія Карталинскія, нѣкогда богатые, но пришедшія въ упадокъ, въ послѣднія времена опустошеній Лезгинскихъ.

Мы посѣтили древній городъ Урбнисъ, извѣстный уже во дни Македонскаго завоевателя; тамъ останавливалась Св. Нина, на пути въ Грузію, и долго существовала каѳедра одного изъ Архіереевъ Карталинскихъ. Теперь это убогое селеніе на берегу Куры, замѣчательное только по своей древней церкви, основанной Вахтангомъ Гург-асланомъ. Она празднуетъ Архидіакону Стефану, коего часть мощей тамъ хранится, но мы не могли проникнуть въ ея внутренность, по отсутствію священника. Архитектура внѣшняя совершенно простая, безъ всякаго украшенія и безъ купола; фронтоны треугольные, какъ въ древнихъ базиликахъ Римскихъ; зданіе обширно, съ окнами неправильно расположенными въ два яруса: на немъ лежитъ печать глубокой старины; была ограда, но обрушилась, уцѣлѣла надворотная башня, служившая архіерейскимъ теремомъ, и нѣсколько келій; на дворѣ опрокинута каменная древняя купель, продолговатой формы, и около храма, какъ вообще на всемъ пространствѣ стараго города, жители находятъ много монетъ Греческихъ и Римскихъ.

За три версты отъ Урбниса, на большой дорогѣ, лежитъ селеніе Руисъ, самое богатое во всей окрестности, которое было также городомъ; здѣсь имѣлъ пребываніе великій Царь Давидъ возобновитель, когда еще Тифлисъ былъ въ рукахъ Сарацинскихъ; здѣсь созвалъ онъ, при своемъ воцареніи, соборъ всѣхъ Епископовъ Грузіи, для исправленія безпорядковъ церковныхъ. Не думаю, чтобы нынѣшній храмъ Руисскій, хотя и древній, восходилъ до временъ Царя Давида; основаніе его, или быть можетъ обновленіе, приписываютъ Царю Александру, послѣ котораго раздѣлилась Грузія; вторичное обновленіе Царю Симону, воителю противъ Турковъ, въ рукахъ коихъ окончилъ дни свои. Но величайшее сокровище Давида хранится до нынѣ въ храмѣ: большія серебряныя складни, съ чеканною на нихъ иконой Богоматери, въ полтора или два аршина высоты; внутри же большая часть животворящаго креста, съ тремястами частицъ святыхъ мощей. — Сколь ни богата Грузія, посреди денежнаго своего убожества, подобны-

ми сокровищами, Руисское едва ли не превосходить всѣ прочія, и нельзя не удивляться усердію древнихъ ея Царей, которые вступая въ родственныя связи съ Императорами Греческими, ничего другаго себѣ не просили какъ только святыни. Такимъ образомъ дѣдъ Давида, Багратъ, женатый на дочери Императора Романа, Елень, многое пріобрѣлъ своему царству, и самъ Давидъ²⁰⁴, имѣвшій въ супружествѣ Греческую Царевну Ирину, завѣщалъ также Грузіи нѣсколько драгоценныхъ залоговъ.

*Возобнови
тебя*

Далѣе за Руисомъ, не далеко отъ первой станціи, стоитъ влѣво у самой дороги, малая церковь селенія Саволаскеви, которая заключаетъ въ себѣ церковную утварь опустѣвшей обители Улумбійской, одного изъ Сирскихъ отцевъ. Тутъ чудотворная икона Божіей матери Улумбійской съ младенцемъ на рукахъ, напоминающая нашу Иверскую, болѣе нежели въ полтора аршина высоты, но письма свѣтлаго, лучшихъ временъ живописи Византійской, и вовсе не обновленнаго. Удивительно, какъ мо-

гла она такъ долго и хорошо сохраниться. Здѣсь можно еще лучше судить о древнемъ характерѣ письма Греческаго, предшествовавшаго среднимъ вѣкамъ. На сей иконѣ двойной окладъ, какъ и на Цилканской, и есть драгоценные камни; новѣйшій серебряный устроень усердіемъ Князя Амирадже, при Царѣ Иракліѣ въ 1767 году, и на немъ вычеканены рождество Богоматери, благовѣщеніе и обрученіе Св. Дѣвы Іосифу. Мнѣ кажется слѣдовало бы перенести такую богатую и замѣчательную икону, изъ пустынной убогой церкви, стоящей далеко отъ малаго селенія, въ какой либо городской соборъ или обитель, потому что здѣсь можетъ она когда либо подвергнуться похищенію. Даже въ Руисѣ она была бы болѣе сохранна; а между тѣмъ въ той же церкви есть еще много другихъ древнихъ иконъ, перенесенныхъ изъ той же обители Улумбійской; онѣ не писаны, но вычеканены изъ серебра и разставлены поверхъ иконостаса, на которомъ уже нѣтъ для нихъ мѣста. Замѣчательны между ними: вербное торжество Спа-

сителя, благовѣщеніе, срѣтеніе и цѣлованіе Елисаветы, крещеніе и вознесеніе. — Есть еще одна писанная, небольшая икона Спасителя, съ мощами въ задней доскѣ, но уже ликъ почти стерся отъ древности, равно какъ и Греческая надпись.

Напротивъ убогой церкви, заключающей въ себѣ столько сокровищъ Улумбійскихъ, или Олимпійскихъ, по Греческому началу сего имени, видна въ право отъ большой дороги, на разстояніи не болѣе двухъ верстъ, другая малая церковь Бретская, гдѣ почиваетъ блаженный Пирръ, одинъ изъ тринадцати отцевъ Сирскихъ: но не смотря на все мое желаніе посѣтить его гробницу, время не позволяло намъ отклониться въ сторону. Мысленно поклонился я пустынному отцу, который посвятилъ себя духовному просвѣщенію страны ему чуждой, не оставивъ по себѣ однако никакой памяти благихъ своихъ дѣлъ, въ-домыхъ единому Богу, но не записанныхъ въ преданіяхъ человѣческихъ.

Самая скучная и пустынная дорога пролегала до Сурамскаго поста, по низмен-

нымъ равнинамъ заливаемымъ Курою, гдѣ нѣтъ поселенія, потому что лѣтомъ угрожаетъ лихорадка. Раздумье взяло меня на этомъ постѣ, гдѣ раздѣляются дороги въ Ахалцихъ и Имеретію? не ѣхать ли мнѣ вверхъ по теченію Куры, чрезъ живописное ущеліе Боржомское, въ древнее Саатабаго или область Атабековъ, обращенную въ пашаликъ Ахалцихской? Красота ущелія, усѣяннаго остатками замковъ на утесахъ, которые подмываетъ сердитая Кура; крѣпость Ахалцихская, прославленная кровопролитнымъ приступомъ нашихъ войскъ; древній великолѣпный монастырь Сафарскій, опустѣвшее нынѣ мѣсто погребенія славныхъ Кваркваровъ и Манучаровъ изъ рода Атабековъ, которые долго служили оплотомъ Грузіи противъ Турковъ; самая ихъ область, исполненная памятью великой Царицы Тамари, гдѣ даже предполагаютъ ея могилу въ пещерномъ замкѣ Вардзи, — все привлекало меня въ Ахалцихъ; но время мнѣ измѣнило: болѣзнь въ Тифлисѣ похитила у меня двѣ недѣли; пароходъ, ожидалъ меня на берегу Мин-

греліи перваго Мая и слово, данное Владѣтелю Абхазіи, посѣтитъ вмѣстѣ съ нимъ Гелатъ, удержало меня отъ любопытной поѣздки; скрѣпя сердце поворотилъ я къ Сураму, на Имеретинскую дорогу.

Грустнымъ показался мнѣ вышгородъ Сурамскій, на своемъ отдѣльномъ утесѣ, облѣпленномъ городскими домами, малое подобіе Гори. Это была крайняя точка Карталинская и поприще частыхъ состязаній Царей ея съ Имеретинскими, послѣ несчастнаго раздѣленія Грузіи на три царства. Здѣсь великій Царь Соломонъ, пришедшій на помощь Ираклію, съ малымъ числомъ войскъ, разбилъ большое полчище Лезгинское и тѣмъ навсегда освободилъ свое царство отъ ихъ набѣговъ, болѣе направленныхъ на Грузію. Горный хребетъ, поросшій лѣсомъ, отдѣляетъ предѣлы Карталиніи отъ Имеретинскихъ и служитъ природною между ними границею; она рѣзко обозначена, не только противоположнымъ направленіемъ всѣхъ рѣчныхъ истоковъ, но даже нравами и одеждою жителей. Имеретія, по собственному смы-

слу слова , значить: по ту сторону горы, и это вполне выражается тяжелымъ переваломъ. Дождливая погода умножала трудность пути; едва могли мы подняться на горный хребетъ. Достигнувъ самой вершины, мы стали спускаться въ Имеретію, по теченію малой рѣчки, Чхерули. Ночь застигла насъ въ горахъ; подлѣ насъ съ утеса на утесъ, падала рѣка обозначая узкую дорогу въ горной расщелинѣ, какъ бы нарочно проложенную для сообщенія Америкъ или Грузинъ съ Имерами, т. е. горцевъ по сю сторону съ горцами по ту. Шумный ливень преслѣдовалъ насъ, по скользкимъ обрывамъ; съ радостію достигли мы наконецъ малой станціи Молитвы, наполненной проѣзжими, которые также искали въ ней укрыться отъ непогоды.

Еще цѣлый день продолжалось путешествіе наше до Кутаиса, которое можно было назвать прогулкою, при благопріятной погодѣ, по самымъ очаровательнымъ ущеліямъ и долинамъ Имеретіи. Дорога слѣдовала по теченію рѣчки Чхерули, которая пробивала себѣ каменное ложе въ

самомъ сердцѣ горы, представляя съ обѣихъ сторонъ виды, то самые дикіе, то смѣющіеся: иногда громада скалъ, поросшихъ мрачными соснами, висѣла надъ пѣнистымъ потокомъ; иногда напротивъ открывалась какая либо смѣющаяся поляна, съ сельскимъ домикомъ и пасущимися около стадами, напоминавшими Швейцарію. На поворотъ ущелія, тамъ гдѣ наиболѣе сосредоточились его ужасы, крѣпкій замокъ Чхари, сталъ твердою стопою на выдавшемся утесѣ, обросшемъ чащею лѣса, такъ что съ вершины бойницъ его далеко можно было слѣдить мимоходившихъ путниковъ, по сей единственной неизбѣжной стезѣ. Ущеліе стало расширяться при впаденіи Чхерули въ широкую Квирилу; намъ открылись въправо на высокой горѣ обширные остатки крѣпости Римской Шаропанъ, временъ Помпея и Митридата, или лучше сказать укрѣпленнаго стана сихъ завоевателей вселенной, которые вездѣ оставили по себѣ неизгладимые слѣды. Нельзя было избрать мѣста болѣе крѣпкаго и удобнаго, господствующаго надъ теченіемъ

двухъ большихъ рѣкъ : это ключъ Имеретіи, и геній Римскій проявляется изъ самыхъ развалинъ.

Мы переѣхали на паромъ быструю и глубокую Квирилу, древній Фазисъ, который подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ Римскому міру, и даже удерживалъ его и послѣ своего соединенія съ Ріономъ. Но болѣе смиренная Квирила уступаетъ громкому имени сего мощнаго потока, въ волнахъ коего теряется близъ Кутаиса. Ничего нельзя представить себѣ очаровательнѣе долинъ Имеретинскихъ, исполненныхъ растительной жизни и самыхъ роскошныхъ даровъ природы. Здѣсь совершенно другое царство нежели Грузія, носящее свой особенный характеръ, согрѣтое теплымъ дыханіемъ полдня, какъ это обыкновенно случается съ поморіемъ, обращеннымъ къ западу. — Красота природы все болѣе и болѣе умножается, съ приближеніемъ къ древней столицѣ Имеретіи. Изъ очарованной долины Квирильской мы поднялись на высоты, оперенныя густымъ лѣсомъ, чтобы потомъ опять спуститься въ другую доли-

ну такъ называемой Красной рѣчки, на верховьяхъ коей стоятъ двѣ знаменитыя обители, Гелать и Моцамети. Это любимое мѣсто вечернихъ прогулокъ жителей Кутаиса. Наконецъ, при захожденіи солнца, открылся намъ бывшій вышгородъ Царей Колхидскихъ и Абхазскихъ. Бѣлая стѣна его обрушеннаго собора, какъ призракъ, подымалась изъ вечерняго тумана надъ новымъ городомъ, который опять возраждался у подножія той же завѣтной твердыни, вмѣстѣ съ нимъ испытавшей столько истребительныхъ бурь.

КУТАИСЬ.

Митрополитъ Давидъ Имеретинскій, изъ княжескаго рода Церетелли, дядя по матери Дадіану, будучи извѣщенъ о прибытіи нашемъ, просилъ одного изъ почетныхъ гражданъ Кутаиса, принять насъ у себя въ домъ, потому что не было у него помѣщенія въ убогомъ жилищѣ на вышгородѣ. Всѣ князья Имеретинскіе, собранные тогда въ Кутаись, по случаю открытія губерніи, поспѣшили видѣть давняго своего знакома Дадіана, и домъ нашъ наполнился гостями; я почелъ первымъ дол-

гомъ, на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, посѣтитъ старца Митрополита, посвященнаго въ санъ сей еще при послѣднемъ Царѣ Соломонѣ. Перейдя каменный мостъ черезъ Ріонъ, бурно біющій волнами въ его древнія арки; я поднялся по крутой тропѣ, съ камня на камень, въ старый вышгородъ, который еще помнитъ баснословные дни золотого руна Язона. Недавно лишенный своего чуднаго собора и крѣпкихъ стѣнъ, стоитъ онъ, отовсюду открытый на скалахъ и, въ обнаженномъ величіи, еще господствуетъ надъ новымъ городомъ и шумною рѣкою и дальнею окрестностію, какъ будто бы все ему покорно, отъ горнаго хребта и до моря.

Грустно поразила меня бѣлая высокая развалина собора Багратова, но прежде нежели осмотрѣть его поэтическіе остатки, иззубренные временемъ, сокрушаемые людьми, я поспѣшилъ принять благословеніе Владыки. Вмѣстѣ съ нимъ взошли мы въ нынѣшнюю соборную церковь Успенія, убого пріютившуюся, въ южномъ преддверіи древняго великолѣпнаго храма. По крайней мѣ-

рѣ уцѣлѣла нѣкоторая святыня внутри сей малой церкви, какъ останки снастей послѣ страшнаго кораблекрушенія. Утѣшительно мнѣ было приложиться къ древней чудотворной иконѣ Кутаисской Божіей Матери, прославленной еще при двухъ Багра-тахъ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Судя по величинѣ образа онъ долженствовалъ быть мѣстнымъ; его серебряная чеканная риза, съ позолотою, тогоже времени: сверху изваянъ Деисусъ и Ангелы, Апостолы по сторонамъ, а внизу три Святителя и Николай Чудотворецъ, съ мученицами Екате-риною и Мариною, По надписи видно, что украшеніе иконы возобновлено при Царѣ Александрѣ сынѣ Георгія, уже послѣ раз-дѣленія Грузіи. Къ большой иконѣ Кутаи-ской прислонена малая, но гораздо древнѣй-шая, Божіей Матери съ предвѣчнымъ Мла-денцемъ, въ позлащенной ризѣ съ драгоцѣн-нымъ вѣнцомъ; она перенесена была изъ упраздненной Палеостомской обители, что близъ Поти. Сохранился и серебряный ки-вотъ съ образа Пицундской Богоматери, на которомъ изображена она вмѣстѣ съ вер-

ховными Апостолами. Списокъ сей знаменитой иконы украшенъ былъ великолѣпно Католикосами, послѣ ея перенесенія въ Гелать, чтобы и Кутаисская ихъ каѳедра не лишена была столь драгоценнаго сокровища. Это серебряныя позлащенные складни, съ изображеніями всѣхъ священныхъ воспоминаній храма Пицундскаго: великій Императоръ Іустиніанъ основалъ его во имя Пречистой Дѣвы, для обращенія Абхазіи, гдѣ нѣкогда проповѣдывали Апостолы Андрей Первозванный и Симонъ Кананитъ, и куда хотѣли сослать Златоуста. Посему оба Апостола и Златоустъ, съ Ангеломъ своимъ Предтечею, представлены по сторонамъ Божіей Матери стоящей, которая держитъ въ рукахъ своихъ божественнаго младенца, сходно съ тѣмъ, какъ у насъ пишутъ ея икону радости всѣхъ скорбящихъ.

Еще одно сокровище, утѣшительное для сердца Русскаго, показалъ мнѣ Митрополитъ: серебряный малый кивотъ, съ частицами святыхъ мощей и окончаніемъ одного изъ гвоздей Господнихъ, въ масти-

къ. Онъ сказалъ мнѣ, что когда сынъ Царя Грузинскаго Вахтанга Шахъ-Наваза, Арчилъ, нѣсколько разъ возводимый на престолъ Имеретинскій, бѣжалъ въ послѣдній разъ изъ своего непрочнаго царства въ единовѣрную Россію, онъ взялъ изъ сего кивота священный гвоздь, чтобы принести его въ даръ царственнымъ своимъ покровителямъ. Тогда бывшій Католикосъ Абхазіи, скорбя объ утратѣ такого сокровища для родной земли, нагналъ Царя Арчила за вратами города, и умолилъ его отломить, хотя малую частицу священнаго гвоздя, на память его долгаго храненія въ соборъ Кутаисскомъ. Мѣстное преданіе, записанное въ лѣтописяхъ Грузинскихъ, свидѣтельствуетъ, что гвоздь сей послужившій къ распятію Господню, прислалъ былъ въ даръ Императоромъ Константиномъ первому Христіанскому Царю Грузіи Миріану, при его крещеніи, чрезъ Св. Евстаѳіа Епископа Антіохійскаго, вмѣстѣ съ подножіемъ честнаго креста; святыня сія была положена въ великолѣпномъ соборѣ Манглисскомъ, развалины коего еще существуютъ за со-

рокъ верстъ отъ Тифлиса. Императоръ, Ираклій, воюя въ VII вѣкѣ противъ Хозроя Персидскаго, унесъ съ собою въ Царьградъ Манглійское сокровище, за не покорность тогдашняго властителя Грузіи Стефана; но въ XI вѣкѣ Багратъ IV, женившись на дочери Императора Романа Аргира, Еленѣ, испросилъ себѣ обратно завѣтную святыню, принадлежавшую его предкамъ, вмѣстѣ со многими другими, которыми обогатилъ онъ свое царство, и положилъ честной гвоздь въ довершенномъ имъ соборѣ. Гвоздь сей теперь хранится въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, а въ ризницѣ есть позлащенный вѣнчикъ или кивотъ, устроенный въ половинѣ тринадцатаго вѣка, Царемъ Иверскимъ и Абхазскимъ Наринъ-Давидомъ, сыномъ Русудани, какъ начертано на вѣнчикѣ Грузинскими буквами.

Митрополитъ велѣлъ открыть сѣверныя двери Успенской церкви и ввелъ меня на середину бывшаго великокопнаго собора, нынѣ обращеннаго въ почетное кладбище. О суета суетствъ! храмъ, для котора-

го два великіе Баграта истощили сокровища своего царства и искусство лучшихъ художниковъ Греціи, ибо дѣйствительно, судя по остаткамъ, это былъ самый превосходный изъ всѣхъ храмовъ Грузіи, теперь служить усыпальницею, предѣлы коей обозначены стѣнами бывшаго храма! Нельзя и доселѣ довольно надивиться тонкости высокихъ стѣнъ, которыя однако поддерживали такое большое зданіе, и красотъ наружныхъ изваяній, мѣстами уцѣлѣвшихъ около аркъ и оконъ, особенно со стороны алтаря. Одинъ только рисунокъ можетъ ихъ изобразить, потому что онѣ неуловимы словомъ, и отъ времени до времени все болѣе истребляются. Входной портикъ, противоположный алтарю, напоминалъ древніе притворы базиликъ Римскихъ съ колоннами; но теперь это безобразная масса обрушенныхъ капителей и камней, съ остатками изваяній. Сѣверная стѣна храма болѣе другихъ уцѣлѣла и на ней еще сохранилось подъ окномъ, обвитымъ изящными арабесками, изображеніе знаменія Богоматери Греческаго письма, пострадавшаго отъ времени.

Есть и отрывки надписей кое-гдѣ по стѣнамъ, какъ бы прерванныя рѣчи, окаменѣвшій отголосокъ минувшаго: «о Царь, повелѣвающій всѣми Царями, превознеси мощнаго Баграта Куропалата, Царя Абхазскаго и Карталинскаго, и родителей его и Царицу и сына его! аминь.» Какъ умилительно такое молитвенное воззваніе, въ пустотѣ обрушеннаго собора Багратова, и тутъ же какъ скромно выражено созиданіе храма: «когда положено было основаніе круговращался годъ пасхальный 223.» (1003 нашего лѣтосчисленія). Можнобы добавить стольже кратко и выразительно: «когда совершено было раззореніе круговращался годъ 1691.» Есть еще умилительная надпись: «и зодчій сего храма воскреснетъ также! Господи помилуй раба твоего Моисея.» Теперь, когда самый храмъ сдѣлался кладбищемъ, едва ли не всѣхъ приличнѣе смиренныя слова сіи, выражающія упованіе почившихъ нѣкогда около церкви, какъ нынѣ упокоивающихся внутри оной. Но время, этотъ поэтическій украшитель всякой развалины, замѣнилъ на стѣнахъ собор-

ныхъ роскошныя ваянія Багратовы, зеленою мантией, которая великолѣпнѣе его порфиры, какъ превосходятъ, по словамъ Господнимъ, лиліи сельныя всю пышность облаченій Соломоновыхъ. Оно одѣло густымъ плющемъ, какой только можетъ произрастать благословенная природа юга, съверную стѣну храма: повсюду разбѣжавшіяся вѣтви смягчаютъ иззубренныя окраины, обвивая ихъ, доколѣ, поднявшись съ арки на арку, не положили дикаго вѣнца природы, на развѣнчанную главу святилища Багратова.

Кто же нанесъ святотатную руку на великолѣпное зданіе?—Чтобы понять возможность такого событія, во времена столь близкія къ нашимъ, надобно взглянуть на бѣдственную исторію послѣднихъ трехъ вѣковъ царства Имеретинскаго, со времени раздѣленія Грузіи послѣ великаго Царя Александра. Кахетія и Карталинія иногда соединенныя въ одно царство, имѣли почти всегда одинаковую участь и боролись только между собою или съ превозмогавшею силою Шаховъ Персидскихъ; шай-

ки Лезгинскія начали опустошать ихъ не ранѣе минувшаго столѣтія. Но Имеретія, т. е. другая сторона горъ, отдѣлившихъ собственно Грузію отъ поморія Чернаго, кромѣ одного царства, не опредѣленнаго въ своихъ границахъ, распалась еще на пять владѣній, болѣе или менѣе сильныхъ. Первое мѣсто занимали Дадіаны Мингрельскіе, какъ обладавшіе болѣе обширнымъ участкомъ, древнею Колхидою, и нерѣдко смѣняли слабыхъ Царей; второе Атабеки, или владѣтели одной изъ древнѣйшихъ частей Грузіи, гдѣ столько памятниковъ ея начальнаго Христіанства. Кварквары и Манучары, славнѣйшіе изъ Атабековъ, долго служили оплотомъ Имеретіи противъ возрастающей силы Турковъ, хотя сами часто воевали съ единовѣрными, доколѣ княжество ихъ не обратилось въ пашалыкъ. Между Атабеками и Дадіанами возникли Гуріели, отъ родоначальника ихъ Маміи, и безпрестанно вмѣшивались въ дѣла Имеретинскія. Владѣтель Абхазіи на поморіи, опустошаемомъ Турками, и Князь Сванетовъ въ горахъ, у подошвы Эльборуса,

были менѣе страшными сосѣдями для Имеретіи; но за то Цари Грузинскіе, поддерживаемые силою Шаховъ, старались покорить себѣ соперниковъ Имеретинскихъ, и нерѣдко въ лицѣ ихъ состязались двѣ болѣе сильныя державы, Турція и Персія, которыя радовались пролитію крови Христіанской, воздвигая оружіе своихъ данниковъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, между столькихъ сосѣдей, можно вообразить, что должна была испытать несчастная Имеретія. Горькимъ доказательствомъ внутреннихъ и внѣшнихъ ея смятеній можетъ служить то, что въ теченіе 370 лѣтъ, отъ основанія отдѣльнаго царства въ Кутаисѣ и до подданства его Россіи, смѣнилось на престолѣ Имеретинскомъ тридцать Царей, изъ коихъ весьма немногіе умерли на своемъ мѣстѣ, ибо въ числѣ ихъ семь погибли насильственною смертію, три были ослѣплены, двадцать два свергнуты съ престола, на который восходили опять иногда до семи разъ. Чего можно было ожидать отъ такого царства? — Изложу только вкратцѣ главные его перевороты, чтобы яснѣе была сія кровавая картина.

Багратомъ, дальнимъ потомкомъ Давида сына Русудани, начинается, въ 1455 году, рядъ отдѣльныхъ властителей Имеретіи, при которыхъ испытала она столько бѣдствій, и это имя, вмѣстѣ съ именами Георгіевъ и Александровъ, почти безпрестанно повторялось, славно или позорно, на престолѣ Имеретіи, до двухъ послѣднихъ Соломоновъ. При Багатъ начались уже междоусобія съ Царями Грузіи, которыя продолжались и при его преемникѣ Александрѣ. Внѣшніе враги воспользовались раздорами внутренними и нахлынула орда Татарская, въ 1509 году, раззорившая Кутаисъ и обитель Гелатскую, мѣсто погребенія его предковъ; одинъ только вышгородъ столицы спасся отъ иноплеменныхъ. Багатъ II, его сынъ, является счастливымъ воителемъ противъ Атабековъ; онъ беретъ лучшее ихъ сокровище, чудотворную икону Божіей матери Ацкурской, изъ ущелія Борджомскаго и ставитъ ее въ Гелать; тамъ же, въ крѣпости монастырской, заключаетъ двухъ своихъ соперниковъ Атабека Кварквара и Левана Дадіана. Это

самая блестящая эпоха малаго царства. Багратъ участвовалъ и въ славномъ походѣ Палестинскомъ современныхъ ему Царей Карталиніи и Кахетіи, Георгія и Лео-она. Георгій, его наслѣдникъ, мирится съ Атабеками и со славою отражаетъ первое нападеніе Турковъ. По смерти сильнаго Георгія, безпокойные сосѣди Дадіаны и Гуріели начали вступаться въ престолонаслѣдіе его дѣтей и внуковъ. Правнукъ его Александръ III, славнѣйшій изъ Царей Имеретіи, возстановилъ на краткое время благосостояніе своего царства. Не только побѣдилъ онъ сосѣдей, дерзнувшихъ съ нимъ состязаться, но даже властно распоряжался собственнымъ ихъ наслѣдіемъ, замѣнилъ Липарида Дадіана Вамекомъ, а Гуріеля Кайхозрова Димитріемъ, сокрушилъ и полки Грузинскіе, пришедшіе къ нимъ на помощь. Чувствуя однако, что не можетъ держаться безъ помощи болѣе сильныхъ союзниковъ, просилъ ее отъ едино-вѣрной державы Русской. Торжественно принялъ онъ у себя посланника Царя Алексѣя Михайловича, и присягнулъ ему на

вѣрность. Но вмѣстѣ съ великимъ Александромъ, погребеннымъ въ Гелатъ, погребено было навсегда и благоденствіе его царства. Наступила самая позорная эпоха, въ 1660 году, съ воцареніемъ юнаго Баграта, его сына, которому суждено было испытать на себѣ всѣ бѣдствія, какія только могутъ обурѣвать Царя и человека.

Виною всѣхъ золъ была новая Гоѳолиа или Мессалина позднѣйшихъ временъ, вторая жена Александрова, Нестаръ-Дареджанъ, дочь Кахетинскаго Царя Александра. Она начала съ кровосмѣшенія, женивъ пятнадцатилѣтняго пасынка Баграта, на родной своей племянницѣ Кетевани, дочери Теймураза, и потомъ, забывъ всякій стыдъ, предложила юношѣ расторгнуть бракъ сей, чтобы обвинчаться съ нею самой. Отринувшій ее Царь былъ ослѣпленъ мачихой, лишился и жены и царства; сама она овладѣла престоломъ и раздѣлила его съ избраннымъ ею въ супруги, изъ подвластныхъ Князей, Вахтангомъ. Раздраженные Имеретины призвали на помощь Вамека

Дадіана , который ослѣпилъ Вахтанга : какъ вороны на трупъ налетѣли всѣ сильныя сосѣди на потрясенное царство. Атабеки уже не существовали; но Асланъ-Паша Ахалцихскій вмѣшался вмѣсто нихъ въ дѣла Имеретинскія , возстановилъ слѣпаго Баграта и взялъ съ собою въ плѣнъ его неистовую мачиху, съ мужемъ и племянницею, хотя она была супругою Царя. Тѣмъ не окончились его бѣдствія , ибо слѣпому владыкѣ суждено было дѣлаться непрестаннымъ игралищемъ столь же слѣпой судьбы. Шахъ-Навазъ Царь Грузіи, будучи зятемъ великаго Дадіана Левана, котораго родъ отрѣшилъ отъ престола отецъ Багратовъ , двинулся противъ Вамека и мимоходомъ низложилъ Баграта. Онъ поставилъ на его мѣсто своего сына Арчила, котораго также перебрасывала судьба съ одного престола на другой, изъ Имеретіи въ Кахетію, минуя всегда прямое наслѣдіе его Грузію. Взаимныя условія Порты Оттоманской съ Персіею, заставили Шахъ-Наваза вызвать сына Арчила изъ Кутаиса , гдѣ въ третій разъ воцарился Ба-

гратъ. Казалось онъ могъ бы оставаться покойнымъ, но вотъ вспыхнула война съ новымъ Дадіаномъ, заступившимъ мѣсто Вамека, и побѣдитель Багратъ, по коварному совѣту Епископа Гелатскаго, взялъ за себя жену плѣнника Левана, выдавъ за него собственную сестру.

Совѣтникомъ и распорядителемъ дѣлъ царственныхъ является нѣкто Сехніа-Чекадзе, человѣкъ закоснѣлый въ злодѣйствахъ, выдавшій сперва Царя Вахтанга Вамеку, а потомъ крѣпость Кутайса Туркамъ, на краткое однако время, ибо весь ихъ гарнизонъ вырѣзанъ былъ Имеретинами. Коварная Дареджанъ не преставала строить новые ковы въ Ахалцихъ; богатыми дарами убѣдила она Султана, возвратить ей царство и отмстить за честь своихъ воиновъ въ Кутаисѣ. Съ мечемъ въ рукахъ проникла Царица въ бывшую область, окруженная дружинами Турецкими, Мингрельскими и Гурійскими, и опять выдала вышгородъ Туркамъ. Багратъ бѣжалъ, но сами Имеретины, возбужденные Сехніей, отмстили Царицѣ за всѣ ея ужа-

сы. Какъ нѣкогда Гооолія въ преддверіи Соломонова храма, такъ во вратахъ крѣпости, въ виду собора, умерщвлена была нечестивая жена.

Слѣпой мужъ ея Вахтангъ выданъ былъ ослѣпленному имъ Баграту, который въ ярости, съ помощію чужой руки, самъ нанесъ смертный ударъ въ сердце своего врага. «Ты мнѣ вырвалъ очи, я тебѣ вырву сердце», воскликнулъ онъ, довершая месть свою. Опять вмѣшались Дадіанъ и Гуріель въ дѣла Имеретинскія и свергли Баграта; Гуріель занялъ его мѣсто. Имеретины просили помощи у Шахъ-Наваза Грузинскаго, но Царь, заботясь болѣе о сынѣ своемъ Арчилѣ, старался поссорить подданныхъ съ Багратомъ, и съ помощію Дадіана хотѣлъ покамѣсть воцарить у нихъ злодѣя Сехнію. Однако на сей разъ слѣпой Багратъ, поддерживаемый вѣрными подданными, одолѣлъ Дадіана и Шахъ-Наваза, и самъ воцарился въ пятый разъ. Сехнія былъ умерщвленъ, но вскорѣ опять Паша Ахалцихскій увелъ на два года въ плѣнъ несчастнаго Баграта, уступивъ мѣсто его Да-

діану. Возстановленный въ шестой разъ онъ еще однажды былъ свергнутъ Царемъ Арчиломъ, и только съ помощію Паши Эрзрумскаго, возсѣлъ въ седьмой и послѣдній разъ на шаткій свой престолъ, на которомъ однако успѣлъ скончаться, потому только что недолго пожилъ; Гуріель немедленно захватилъ его наслѣдіе. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, Имеретія испытала столько переворотовъ, сколько иногда не случается и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Не болѣе счастья ожидало и сына Багратова Александра IV, хотя Гуріель уступилъ ему законное наслѣдіе. Неблагодарностію заплатилъ онъ сему владѣтелю, и самъ былъ сверженъ съ престола Арчиломъ. Годъ спустя, въ 1691 году, Паша Ахалцихскій возстановилъ Александра, но дорого заплатило его царство за такую помощь. Великолѣпный соборъ Кутаискій былъ взорванъ на воздухъ варварами, которые не въ силахъ будучи сокрушить крѣпкаго зданія, подложили по угламъ порохъ; время и люди довершили его истре-

бленіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, Имеретины, какъ бы въ отмщеніе Царю своему за допущенное ими раззореніе собора, выдали его Царю Грузіи, который удавилъ своего плѣнника, и потомъ они еще два раза воцаряли у себя Арчила, бѣжавшаго наконецъ въ Россію. Протекло еще болѣе 50 лѣтъ, бѣдственныхъ для Имеретіи, ибо Гуріели и Паши Ахалцихскіе безпрестанно возводили и свергали дѣтей и внуковъ несчастнаго Александра, доколѣ не воцарился наконецъ правнукъ его, сынъ другаго Александра, Соломонъ, прозванный великимъ, по своимъ доблестямъ, истинно царскимъ.

Свѣтлое лице его является предъ началомъ новой эпохи для Имеретіи, подобно какъ и лице великаго Ираклія въ Грузіи, какъ бы для того, чтобы достойнымъ образомъ заключить тысячелѣтній рядъ Багратидовъ на трехъ престолахъ Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи. Но и Соломонъ испыталъ много бѣдствій, доколѣ не утвердился въ достояніи предковъ. Турки, опасаясь силы его характера, возму-

тили противъ него собственныхъ его подданныхъ, подъ предводительствомъ могущественнаго Эристава Рачи, (или верхней Имеретіи) и поставили Царемъ двоюроднаго брата его Теймураза. Изгнанный владѣтель долженъ былъ скитаться по лѣсамъ, съ немногими присными, и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ Пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благодетельный Царь торжествовалъ однако, какъ могъ, великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и, съ малымъ числомъ вѣрныхъ, трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ».

Вспомнивъ примѣръ одного изъ величайшихъ своихъ предковъ, Царя Александра, вступившаго въ дружескую связь съ Россіею, Соломонъ просилъ въ свою очередь помощи у великой Екатерины, и храбрый генералъ Тотлебенъ былъ посланъ очистить Имеретію отъ Турковъ. Но воинственный Царь началъ съ ними сражать-

ся еще прежде пришествія союзниковъ, и самъ выгналъ стражу Оттоманскую изъ своей столицы. Отрядъ Русскій довершилъ начатое имъ пораженіе, совершенно изгнавъ непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Тогда, по общему совѣту съ союзниками, Царь Соломонъ рѣшился взорвать на воздухъ вышгородъ Кутаиса и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности Туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Полезно, быть можетъ, но грустно было для Имеретіи, паденіе ея завѣтной твердыни Кутаиса, которая, отъ самыхъ первыхъ временъ царства Абхазскаго, почиталась неодолимымъ оплотомъ. Сильною рукою отразилъ Соломонъ и закоснѣлыхъ хищниковъ Грузіи, Лезгинъ, близъ Сурама; но не довольно долго царствовалъ, чтобы упрочить начатое имъ благосостояніе своей земли. Онъ умеръ въ 1782 году, бездѣтнымъ. Князья Имеретинскіе избрали двоюроднаго брата его Давида, сына Георгіева; но Царь Грузинскій Ираклій вмѣшался въ дѣла чуждаго царства; убѣжденный просьбами другаго родственнаго ему

Давида, сына Арчила, брата Соломонова; онъ посадилъ его на престолъ, подъ именемъ Соломона II, болѣе лестнымъ для Имеретіи. Соперникъ его бѣжалъ къ Туркамъ; но сему послѣднему Соломону суждено было пережить свое царство. Принявъ сперва подданство Россіи, онъ началъ вступать въ тайныя сношенія съ Турками, противъ законно признанной имъ власти. Вызванный въ Тифлисъ Царь бѣжалъ оттуда въ Требизондъ и тамъ скончался въ 1815 году. Съ нимъ пресѣклась линія Имеретинскихъ Царей, но княжескій родъ Багратіоновъ Имеретинскихъ, происходящій отъ различныхъ вѣтвей царственнаго колѣна, доселѣ существуетъ въ предѣлахъ Россіи. Такова краткая, но печальная лѣтопись послѣднихъ временъ Имеретіи, вся написанная самою драгоцѣнною кровію ея Царей, князей и народа, доколѣ наконецъ не водворился въ ней глубокій миръ, подъ сѣнію Русскаго орла.

За нѣсколько шаговъ отъ развалинъ собора, къ востоку, другія развалины древняго вышгорода, который подъ именемъ

Ухимеріона былъ еще славенъ, во дни Царей Лазовъ, и почитался неприступною твердынею Царей Абхазскихъ, когда они властвовали надъ всею Грузіею. Восточная часть ихъ владѣній, по мѣстному, болѣе открытому положенію, часто дѣлалась жертвою Персовъ, Монголовъ и Татаръ. Здѣсь же наипаче держались властители Иверскіе за оплотомъ горъ Сурамскихъ, ихъ отдѣлявшихъ отъ равнины Карталинской, и до времени паденія державы Греческой, по моріе Черное благопріятствовало ихъ дружескимъ сношеніямъ съ Императорами. Царь Соломонъ самъ разрушилъ основное гнѣздо своихъ предковъ, какъ бы предчувствуя, что вскорѣ уже не будетъ предстоять въ немъ нужды. Теперь видны только одни печальные слѣды минувшей силы: остатки большаго зданія, служившаго дворцомъ во времена Лазовъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ крѣпости; ямы и погреба, свидѣтельствующія о прежнемъ населеніи, и древняя церковь Космы и Даміана, бывшая мечетью при владычествѣ Турковъ, уже не освященная послѣ ихъ изгнанія,

ибо Царь Соломонъ жилъ въ нижнемъ городѣ, какъ и его предшественники. Крытый ходъ, изсѣченный въ скалѣ, сводитъ многими ступенями къ живому ключу, біющему у подножія утеса, который оmyвается Ріономъ; такіе ходы существуютъ во многихъ вышгородахъ Закавказскихъ. Отъ цитадели расположена была, по вершинѣ горы, другая крѣпость, которая заключала въ себѣ соборъ Багратовъ и царскія палаты; теперь на мѣстѣ ихъ убогій деревянный домъ Митрополита; нѣсколько старыхъ башенъ съ каменными пристройками, обращены въ жилья для духовнаго училища; высокія каменные ворота одиноко стоятъ на пустырь бывшей крѣпости; здѣсь, какъ полагаютъ, убита была неистовая Дареджанъ. Развѣсистые яворы, величаво растущіе посреди крѣпостнаго луга, осыняютъ теперь проходящихъ, въ знойные дни, искать прохлады подъ ихъ навѣсомъ, тамъ гдѣ нѣкогда надежда на вѣрную защиту собирала жителей Кутаиса въ сей бывшій оплотъ ихъ царства.

Но какой очаровательный видъ, одно
Часть III.

лишь чего время и люди не могли лишить древняго Ухимеріона, открывается съ развалинъ вышгорода на всю горную и дольную окрестность! — Ріонъ кипитъ у подошвы его утеса, сердито исторгаясь изъ дальняго ущелія; какъ разъяренный конь, весь покрытый пѣною, скачетъ онъ бѣлыми клубами по камнямъ и подмываетъ берега свои, одѣтые роскошною зеленью. Напротивъ былъ увеселительный дворецъ послѣднихъ Царей, прозванный зеленымъ цвѣтомъ по богатству своей растительности; теперь одна только башня указываетъ его мѣсто. Весь нижній городъ въ садахъ обвитъ, какъ змѣинымъ кольцомъ, своею правымъ теченіемъ Ріона; вверхъ по лѣсистому ущелію рѣки величаво представляется древняя обитель Гелатская. Но это еще только ближніе виды; какая кисть изобразитъ очарованіе дальнихъ? Къ сѣверу предъ вами снѣжная цѣпь Кавказа: горы Лечгума тянутся по небосклону, иногда исторгаясь исполинскими вершинами изъ прочей семьи гигантовъ; между ними господствуетъ кристалловидный Квамли. Правѣе дикій хре-

бетъ Рачи съ горою Фазиса или Фазисмта, откуда истекаетъ сей бурный соперникъ Ріона, теряющійся въ его волнахъ подъ Кутаисомъ. Къ югу склоняются болѣе смиренныя высоты Ахалциха и Гуріи, въ объемъ коихъ роскошно разостлалась до моря вся цвѣтущая долина Имеретіи и Мингреліи, и посреди сего благодатнаго Эдема, исполненнаго всѣми дарами природы, отрадно катятся соединенныя воды Фазиса и Ріона, замѣнившія ему райскія рѣки Тигра и Евфрата.

Осмотрѣвъ вышгородъ, спустился я въ нижній городъ, собственно Кутаисъ, гдѣ мало однако сохранилось предметовъ для любопытства. Не только дома, но и самыя церкви, которыхъ очень немного, всѣ новыя и не представляютъ никакого благолѣпія ни внутри, ни снаружи: это каменные свидѣтели той бурной эпохи, сквозь которую прошла, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, бѣдствующая столица Имеретіи. Малая церковь во имя обновленія храма Іерусалимскаго, служила придворною; если кто взглянетъ на ея голыя стѣны, сведен-

ныя аркою, и потомъ на великолѣпные остатки собора Багратовъ, тотъ не повѣритъ, что тутъ царствовали ихъ потомки. Колокольня имѣетъ болѣе характера древности и при ней существовалъ малый придѣлъ. Тутъ же видны слѣды царской усадьбы, отъ которой осталась каменная тераса надъ Риономъ и вѣковыя липы, подъ сѣнію коихъ искали себѣ прохлады властители Имеретіи. Еще стоитъ, на берегу рѣки, такъ называемый золотой чердакъ, или пріемная зала царская, гдѣ представлялся Царю Александру, въ 1654 году, посланникъ Царя Алексѣя Михайловича, Никифоръ Толченновъ; но это зданіе лишено теперь своихъ золотыхъ украшеній и стѣнной живописи, ибо оно уже давно обращено въ складочное мѣсто. Нѣсколько далѣе еще довольно обширныя развалины, слывущія также дворцомъ: кто разгадаетъ всѣ сіи обломки, въ нынѣшнемъ ихъ запустѣніи? — Но еще сохранился, въ своемъ привольномъ просторѣ, подлѣ двора царскаго, прежній мейданъ, или зеленый лугъ, гдѣ совершались конскія ристалища воинственныхъ Име-

ретинъ, предъ лицомъ ихъ Царей, ибо это было любимое ихъ упражненіе. Тутъ нерѣдко рѣшалась и судьба малаго царства, смятеніями народными, особенно во время послѣднихъ переворотовъ, когда уже непрочные властители, изгнанные Турками изъ вышгорода, не были ограждены стѣнами внутри своей столицы. Богатый растительностію садъ прилегаетъ къ сей замѣчательной площади и къ берегамъ пѣнистаго Ріона, дополняя красотами природы то, что неумолимое время, рукою людей, похитило у древней столицы Колхиды.

Вечеромъ пріѣхалъ въ Кутаисъ Владѣтель Абхазіи, Князь Михаилъ, и мы согласились съ нимъ, на другой день, посѣтить обитель Гелатскую. Митрополитъ Давидъ, по своимъ родственнымъ отношеніямъ къ Дадіану, предложилъ намъ сопутствовать и пригласилъ насъ къ себѣ на трапезу въ вышгородъ, прежде отправленія въ Гелатъ. Мы воспользовались симъ случаемъ, чтобы просить старца отслужить торжественную литургію, въ наступающій день тезоименитства Государыни Императрицы, въ древней

обители, и старецъ съ любовію принялъ нашу просьбу. Ему самому хотѣлось показать намъ великолѣпный храмъ Царя Давида возобновителя, во всемъ его блескъ, исполненнымъ славою церковною, хотя и при малыхъ средствахъ какими самъ пользовался. Поѣздка сія въ Гелать и Моцамети, съ Митрополитомъ Имеретіи и Владѣтелемъ Абхазіи, была весьма замѣчательна и оставила во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное.

МОЦАМЕТИ.

Весенній вечеръ благопріятствовалъ нашей конной поѣздкѣ; гористая дорога пред-

ставляла на каждомъ шагу живописные виды; отовсюду вѣяло на насъ благовоніями южной природы, которая была въ полномъ цвѣтѣ; особенно благоухали высокіе желтые цвѣты, на подобіе сельскихъ лилій, которые тамъ называются ели, у насъ же неизвѣстны. Владѣтель Абхазіи съ своею воинскою свитою, въ блестящемъ вооруженіи, дополнялъ поэзію мѣстности, украшенной развалинами башенъ на скалахъ и въ ущеліяхъ. Я видѣлъ себя посреди феодалнаго быта времени давно уже минувшихъ, со всѣми ихъ оттѣнками, какіе мы только привыкли читать въ рыцарскихъ легендахъ; воображеніе сильно играло во мнѣ, какъ въ самые ранніе годы, и я давалъ ему просторъ, чтобы наслаждаться свѣжестію впечатлѣній.

На половинѣ дороги Гелатской мы поворотили въ право, мимо селенія, черезъ прилегавшіе сады и чащу лѣса, къ пустынной обители Мучениковъ, или Моцамети, которая стоитъ въ самомъ дикомъ уединеніи, на утесахъ Красной рѣки. Тутъ существовалъ нѣкогда городъ, раззоренный

Арабскимъ завоевателемъ , и нельзя было избрать мѣста болѣе приличнаго для безмолвія иноческаго. Между нависшимъ утесомъ и пѣнистымъ потокомъ проникли мы, сквозь малое отверстіе бывшей ограды, на нижній дворъ монастырскій , а потомъ, поднявшись по утесу , переступили на другую скалу , которая служитъ основаніемъ обители ; подъемный мостъ , защищаемый башнею, единственное ея сообщеніе съ міромъ. Вокругъ шумная рѣка обогнула все тѣсное пространство монастыря ; остался одинъ только узкой перешеекъ и тотъ укрѣпленъ башнею на обрывистомъ утесѣ. Нѣсколько убогихъ келлій тѣснятся около сихъ бойницъ ; съ колокольни открывается строгій, но чудный видъ на лѣсистое ущеліе Красной рѣки, которая съ шумомъ разбиваетъ всѣ преграды и будто хочетъ вторгнуться въ убогое гнѣздо отшельниковъ. Кругомъ все пусто и дико , камни и лѣсъ и бурныя волны, все говоритъ тебѣ : «молись, здѣшняя жизнь обнажена предъ тобою какъ эти скалы ; ищи вѣчной !» Съ сердечнымъ умиленіемъ , которое невольно

раждается въ такихъ мѣстахъ, какъ бы предназначенныхъ для молитвы, взошли мы въ древнюю церковь Св. мучениковъ Давида и Константина и поклонились ихъ ракъ.

Церковь, малая и тѣсная, празднуетъ благовѣщенію, а два ея придѣла нерукотворенному образу Спасову и успенію Богоматери. Она была основана въ XI вѣкѣ великимъ Царемъ Багратомъ, который перенесъ въ нее, изъ подземнаго склепа, мощи царственныхъ мучениковъ; глубокая ея древность отзывается въ самомъ зодчествѣ и иконахъ. Только недавно ее расширили, когда вмѣсто глухихъ стѣнъ, отдѣлявшихъ боковые придѣлы, устроены были арки; но, по тѣсотѣ главнаго алтаря, престолъ его приставленъ къ стѣнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ святилищъ Грузіи. На горнемъ мѣстѣ написанъ Спаситель съ символами Евангелистовъ и Архангелами; на сводахъ церкви большой крестъ и по шести Апостоловъ, сѣдящихъ съ каждой стороны, а въ малыхъ кругахъ Пророки. Прочая живопись отчасти стер-

лась. Между древними иконами замѣчательна знаменіе Богоматери, напоминающая чертами и колоритомъ ту, которая чествуется въ Цилканѣ. Храмовой образъ благоговѣщенія написанъ съ ликами мучениковъ Давида и Константина; глубокой древности принадлежитъ и выпуклая среброкованная икона рождества Христова, которому поклоняются вокругъ Ангелы, пастыри и волхвы.

Въ алтарь показали намъ древній выходной крестъ, носимый предъ Архіереями, чеканнаго серебра, съ изваяніями Спасителя, Богоматери, мучениковъ и надписью, которую не могли разобрать по ветхости. Самая рака мучениковъ въ правомъ придѣлѣ Спаса, весьма недавняя хотя и въ древнемъ вкусѣ, стоитъ на двухъ, рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, поддерживающихъ саркофагъ. Мнѣ пріятно было слышать, что ее устроилъ нашъ соотечественникъ, нѣкто Султановичъ, который долгое время надзиралъ за больницами Кутаиса, и питая особенное уваженіе къ сему мѣсту, пожертвовалъ раку съ тѣмъ, чтобы его по-

гребли въ обители: исполнилось его благочестивое желаніе. Достойно вниманія, что во всей Грузіи и Имеретіи одни только мощи сихъ мучениковъ, открыто почиваютъ, какъ у насъ въ Россіи; прочіе всѣ подъ спудомъ.

Владѣтель Абхазіи, исполненный богоговѣнія къ святынь мощей, которыя впервые посѣтилъ, просилъ почтеннаго старца, Игумена Порфирія, отслужить для него молебень мученикамъ; невольно палъ онъ на колѣни, со всѣми своими вооруженными людьми, когда, при открытіи раки, необычайное благовоніе повѣяло отъ мощей на всю церковь. Я не зналъ дотолъ, о усердіи Владѣтеля къ угодникамъ Божиимъ, и съ удовольствіемъ услышалъ отъ Игумена, сколько пожертвовалъ Князь въ пользу обители: она почти вся обновлена на его деньги и подаваніемъ матери его изъ рода Дадіановъ. По окончаніи молебна, сложивъ всякое оружіе, мы подходили прикладываться къ мощамъ, вслѣдъ за Княземъ Михаиломъ, и это мнѣ напомнило нашу благочестивую родину. Оба мученика ле-

жатъ рядомъ въ одной ракъ, подъ общимъ покровомъ, который осѣненъ большимъ крестомъ и не подымается съ ихъ нетлѣннаго лика; но ясно обозначены ихъ честныя главы и все тѣло.

Кто же сіи царственные мученики, уединенно почіющіе въ пустынной обители? это владѣтели Аргветскіе, братья по плоти, дѣвственники хотя и воители, ибо крѣпость ихъ тѣла обращена была на борьбу съ врагами видимыми и невидимыми, а не на потворство слабостямъ постыднымъ, и громки были, въ день брани, имена Князей Давида и Константина. Когда въ половинѣ VIII столѣтія Халифъ Мирванъ глухой наступилъ, съ полчищами Арабскими, на Иверскую страну, владѣтели сѣверной части Имеретіи не убоялись, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣтить и разбить его передовыя дружины. Раздраженный Халифъ двинулся противъ нихъ со всѣми силами и велѣлъ непременно схватить отважныхъ витязей. Плѣнниками предстали они въ Кутаисѣ предъ лице побѣдителя. Тамъ сперва, льстивыми рѣчами, хотѣлъ онъ при-

влечь ихъ въ свою вѣру, но мужественные воины Господа Іисуса Христа, съ презрѣніемъ отвергли всѣ его предложенія и были брошены въ темницу, въ той надеждѣ, что томительное заключеніе, изнуливъ ихъ тѣлесныя силы, поколеблетъ и нравственныя. Въ продолженіе девяти дней терзали ихъ всякими пытками и послѣ сего подосланы была Халифомъ его Имамы, для вторичнаго искушенія вѣры исповѣдниковъ, но они нашли ихъ стольже твердыми какъ и въ первый разъ; тогда мучитель повелѣлъ исполнить надъ ними жестокой приговоръ.

Сперва подвергли обоихъ братьевъ позорному біенію, привязавъ ихъ головою внизъ; потомъ повѣсили имъ на шею тяжелые камни, чтобы бросить ихъ въ Ріонъ со скалы вышгорода. Царственные мученики просили только дать имъ время на молитву и нѣсколько облегчить тяжелое бремя, чтобы они могли поднять взоры свои къ небу; тогда свергнули ихъ въ Ріонъ; но громъ прокатившійся по небу, какъ бы отголоскомъ ихъ пламенной молитвы, устрашилъ мучителей; они разбѣжались, а меж-

ду тѣмъ, не смотря на тяжесть камней, не погрузились тѣла, но легко носились по водѣ, не увлекаемыя потокомъ и разрѣшенныя отъ всѣхъ узъ. Къ вечеру таинственный свѣтъ озарилъ подвижниковъ и чудное сіяніе привлекло на берегъ четырехъ воиновъ изъ ихъ дружины. Они услышали голосъ, повелѣвавшій имъ взять изъ воды тѣлеса мучениковъ и нести ихъ для погребенія, отъ зари и до зари, по направленію къ востоку, до того мѣста, гдѣ ихъ настигнетъ денница; утро застало ихъ на развалинахъ города, раззореннаго Халифомъ, тамъ гдѣ теперь обитель. Въ древнемъ погребальномъ склепѣ положили они священную ношу, и триста лѣтъ спустя, ради непрестанныхъ исцѣленій, истекавшихъ отъ сего мѣста, великій Царь Багратъ, по явленіи мучениковъ, выстроилъ церковь надъ склепомъ, куда и перенесъ страдальческіе останки. Церковь празднуетъ ихъ память 6 Октября. Недалеко отъ обители доселѣ показываютъ на скалахъ слѣды ихъ крови, а подъ крестомъ, воздвигнутымъ на пути, самые камни висѣвшіе на ихъ выѣ.

ГЕЛАТЬ. ГРОБЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

Возвратившись тою же каменистою тропою, отъ Моцамети на дорогу Гелатскую, мы переѣхали въ бродъ Красную рѣку, въ виду самой обители, и поднялись къ ней мимо монастырскаго селенія, по крутому скату, усѣянному садами. Митрополитъ прежде насъ прибылъ въ Гелать. Игуменъ съ братією встрѣтили во вратахъ Владѣтеля Абхазіи и сейчасъ ударили въ колоколъ къ вечерни, ибо насъ ожидали для начатія службы; но уже такъ смерклось, что нельзя было ничего разобрать въ обширномъ

храмъ. Мы только приложились къ древнимъ чудотворнымъ иконамъ и, утомленные долгимъ путемъ, вошли въ приготовленные для насъ покои прежнихъ Митрополитовъ Гелатскихъ. Съ дубовой террасы, ихъ окружавшей, взоры погружались въ обширную долину, простирающуюся до Кутаиса по ущелію Красной рѣки: вечерній туманъ плавалъ по вершинамъ горъ и молодой мѣсяцъ блѣдно озарялъ предметы, серебристымъ свѣтомъ поборая краски потухавшей зари.

Мнѣ хотѣлось въ тотъ же вечеръ, поклониться гробу святаго Царя Давида возобновителя, основавшаго Гелать, и меня привели къ прежнему полуденному входу въ монастырь, съ упраздненной церковью, который напоминалъ наши святыя врата. Церковь замыкалась нѣкогда желѣзными вратами Дербента, которыя велѣлъ поставить надъ собою воитель; на прагъ обители, смиренно, избралъ онъ себѣ мѣсто покоя, чтобы и по смерти охранять ее, невольно извлекая у мимоходящихъ молитву за душу Царя, черезъ могилу коего

переступали. Большая гранитная плита досель лежитъ поперегъ привратной церкви, но кости святаго Царя были перенесены, великимъ Соломономъ, въ тайное мѣсто надъ сводами жертвенника соборнаго, чтобы спасти ихъ отъ хищности Лезгинъ. «Се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ и» начертано, большими Грузинскими буквами, на камнѣ. Какъ умилительна сія псаломская надпись, избранная самимъ Давидомъ, изъ словъ другаго Царя Давида, его предка! Тутъ была и еще надпись, ямбическими стихами, гласившая, какъ бы отъ лица усопшаго Царя, о его неумирающей славѣ; но ее нельзя уже теперь разобрать, и она сохранилась только въ преданіи:

Нѣкогда, въ Начармачевѣ, семерыхъ Царей пиромъ
я угощалъ,
Турковъ, Персовъ, Арабовъ, изъ предѣловъ царства
моего изгналъ,
Рыбы изъ рѣкъ Амерскихъ въ рѣки Имерскія я пересадилъ,
Все же сіе совершивъ, руки на персяхъ кончаясь
сложилъ.

Одна половина желѣзныхъ вратъ уже

не существуетъ; говорятъ будто бы ее употребили для гвоздей на крышу церковную. Арабская куфическая надпись гласитъ: «что они были скованы, во имя Бога благаго и всемилосердаго, славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году эгиры.» (т. е. 1063). Нѣкоторые предполагаютъ, что врата сіи были взяты Давидомъ не изъ Дербента, но изъ покоренной имъ Армянской столицы Ани, гдѣ властвовалъ родъ Шавира. Во всякомъ случаѣ прилично осѣняютъ они собою гробницу великаго Царя, какъ замогильный трофей его славы.

Изъ всѣхъ властителей Иверіи не было лица болѣе свѣтлаго, и до такой степени ярки лучи сего царственного свѣтила, что они осіяли впередъ цѣлое столѣтіе, до послѣднихъ дней славной его правнуки Тамари. Давидъ и Тамаръ, вотъ два крѣпкія звѣна, на коихъ держалось все благоденствіе ихъ царства! Давидъ вызвалъ изъ запустѣнія все свое царство, отъ моря и до моря, свѣялъ съ него пепель созженныхъ селъ и городовъ, и стеръ съ лица

родной земли ея безчестіе. Какъ нѣкогда святой его предокъ, Царь и Пророкъ Израилевъ, еще отрокомъ занесшій пращу противъ исполина Филистимскаго, рано вооружился и сей Давидъ противъ полчищъ иновѣрныхъ. Долго лилась до него кровь Христіанская, но при немъ она оплодотворила свою родную землю, усѣянную костью невѣрныхъ; въ ужасъ стали предъ нимъ и обратили тылъ вожди Сельджукидовъ, не вѣдавшіе дотолъ пораженія, Мелекъ-Шахъ и Мелекъ-Султанъ. Сорокалѣтнее царствованіе Давида, сходное числомъ лѣтъ и обиліемъ славы, съ владычествомъ Царя Израилева, было однимъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, ибо онъ непрестанно взывалъ къ Богу отцевъ своихъ, о помощи свыше. Видимо содѣйствовалъ Царю святой Георгій, покровитель соименной ему земли, и, на бѣломъ конѣ своемъ, не разъ являлся въ пылу его битвъ съ Агарянами, златою своею иконою отражая, на самыхъ персяхъ Давида, меткія ихъ стрѣлы.

Ратные его подвиги были отголоскомъ крестовыхъ; вѣсть о взятіи Іерусалима ис-

полнила его новою ревностію. Много сокровищъ, послалъ онъ въ святой градъ своихъ предковъ, для обновленія его храмовъ; многіе воздвигъ и у себя изъ ихъ печальныхъ развалинъ, такъ что имя Возобновителя было ему усвоено потомствомъ. Если стоятъ еще великолѣпныя святилища, на скалахъ Иверіи, если встрѣчаются чудные ихъ остатки въ дебряхъ и лѣсахъ, гдѣ только думаешь напасть на какой либо слѣдъ дикаго звѣря, — всѣ сіи величественные памятники или Давидовы или Тамарины! Повсюду ихъ звонкія имена и свѣтлые лики. Одною рукою Давидъ сокрушалъ враговъ, другою подымалъ опрокинутое ими, и что всего достойнѣе удивленія: онъ, который провелъ всю свою жизнь въ тревогахъ ратныхъ и казалось долженъ бы только умѣть владѣть мечемъ, онъ былъ и величайшимъ богословомъ своего времени, какъ достойный ученикъ блаженнаго Аввы Арсенія Икальтскаго.

Ничего не желалъ онъ столь пламенно, какъ мира церковнаго внутри своихъ предѣловъ, и ничего такъ не любилъ, какъ

чтеніе Св. Отцевъ. Однажды , когда еще древняя столица его предковъ , стонала подъ игомъ невѣрныхъ , и онъ искалъ , съ малымъ числомъ воиновъ , удобнаго мѣста для приступа , внезапная жажда овладѣла Царемъ въ виду непріятеля , но не жажда воды , а слова Божія ; и что же ? забывъ то , что было цѣлію его прихода , онъ слѣзъ съ коня , сѣлъ подъ тѣнію дерева и углубился въ чтеніе божественной книги , которую всегда имѣлъ при себѣ. Пронзительный вопль мгновенно пробудилъ его отъ глубокихъ думъ : мимо его бѣжали его воины , преслѣдуемые врагами , и опасность ему угрожала. Тогда только опамтовался Царь и , отдавъ книгу оруженосцу , схватилъ мечъ , чтобы отразить Агарянъ : они узнали Давида !

При самомъ началѣ царствованія искалъ онъ умиротворить Церковь , но сынъ браней не мѣшался въ пренія Святителей , какъ нѣкогда и великій Константинъ , а только укрѣплялъ своею властію ихъ священные каноны. Столица Армянская Ани пала предъ его оружіемъ , очищенная имъ отъ

Сарацынъ, и внутри обновленнаго собора, откликнулась ему, гласомъ благодаренія, бабка его Царица, изъ глубины могилы.

Благочестивый Давидъ хотѣлъ водворить церковное согласіе, между древними и новыми своими подданными, и хотя не достигъ желанной цѣли, по упорству противниковъ, однако глубокимъ своимъ познаніемъ въ дѣлахъ вѣры, возбудилъ невольное удивленіе даже въ разномыслящихъ.

И вотъ, еще въ силѣ возраста и въ полномъ цвѣтѣ надеждъ, приближается къ нему умиротворительный часъ смерти: крестообразно сложилъ онъ мощныя руки свои, бывшія мечемъ и щитомъ царству, и возлегъ отдохнуть отъ великихъ дѣлъ своихъ, въ созданной имъ обители Гелатской: — «Се покой мой въ вѣкъ вѣка,» воззвалъ онъ, словами праотца своего къ Богу отцевъ своихъ, и какъ отголосокъ великой души его, жаждавшей мира, онъ напечатлѣлись на его гробѣ. — Стали надъ нимъ и затворились, желѣзными своими запорами, добытыя имъ нѣкогда Дербентскія врата Кавказа, символомъ заключившейся для

него временной жизни; но свѣтло раскрылись предъ нимъ райскія врата небеснаго царствія, и благодарная Церковь Иверіи вписала сего новаго Давида, въ число царственныхъ угодниковъ Божіихъ, предводимыхъ предкомъ его Царемъ-Пророкомъ.

ХРАМЪ И ИКОНЫ ГЕЛАТА.

Митрополитъ Давидъ совершалъ самъ на слѣдующее утро торжественную литургію, съ молебствіемъ о здравіи Императрицы, въ присутствіи Владѣтеля Абхазіи и всѣхъ насъ, собравшихся на молитву въ соборномъ храмѣ въ Гелатѣ. Памятуя, какъ свѣтло празднуется радостный день сей въ сѣверной столицѣ, я еще съ большимъ

умиленіемъ молился въ уединенной обители, посреди людей мнѣ чуждыхъ, съ которыми сошелся въ краю отдаленномъ. Самое богослуженіе на языкѣ незнакомомъ, въ пустотѣ обширнаго собора, съ величественными обрядами архіерейскими, при нынѣшнемъ убожествѣ Церкви Имеретинской, производило глубокое впечатлѣніе на сердце. Все минувшее Иверіи какъ бы встало и олицетворилось предъ моими глазами, ибо если измѣнился гражданскій бытъ ея, не измѣнился церковный, вѣрный чрезъ столько лѣтъ Греческому образцу своему. Весьма ограничено было число священнослужителей, особенно діаконовъ при Митрополитѣ, но величественная его осанка соотвѣтствовала богатству облаченія древнихъ временъ, извлеченнаго изъ ризницы Гелатской. Четыре пѣвчихъ составляли весь хоръ, весьма монотонный, но не пронзительный для слуха, исключая нѣкоторыхъ начальныхъ нотъ, похожихъ на жалобные тоны и часто повторяемыхъ. Но вотъ что замѣчательно; во всей Имеретіи и Мингреліи хоръ, вмѣсто Грузинскаго: «Господи по-

милуй, отвѣчаетъ по Гречески: «Кириелейсонъ», и это знаменуетъ ближайшее сообщеніе Имеровъ, т. е. Горцевъ по сую сторону хребта съ Греками, которые легче могли съ ними сносятся черезъ Черное море, нежели съ болѣе отдаленными Грузинами. Признаюсь звучное «Кириелейсонъ» было гораздо отраднѣе, нежели Грузинское: »Упалó Шегвицкгаде» къ которому я никогда не могъ привыкнуть.

По окончаніи службы, пока приготовлялась въ нашихъ покояхъ гостепріимная трапеза Митрополита для его посѣтителей, я воспользовался временемъ, чтобы осмотрѣть во всей подробности обитель Гелатскую, ибо она, по особому счастью, болѣе другихъ сохранила древность церковную и въ нее постепенно сносили, изъ раззоряемыхъ церквей, всѣ уцѣлѣвшія сокровища. Католикосы Абхазскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣленные отъ Иверскихъ, будучи угрожаемы оружіемъ Турковъ на берегу Чернаго моря, перенесли кафедру свою, въ половинѣ XVII вѣка, изъ Пицунды въ болѣе отдаленный Ку-

таисъ; главную же святыню довѣрили они Гелату, который сдѣлался любимымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. Послѣ упраздненія Католикосовъ обитель сія продолжала быть каѳедрою особаго Митрополита; послѣдній изъ нихъ, осмидесятилѣтній старецъ Евѳимій, выѣхалъ въ Россію въ 1820 году, когда уже царство Имеретинское поступило въ подданство Имперіи. Тогда только Гелатъ перешелъ въ непосредственное вѣденіе Митрополитовъ Имеретинскихъ, и былъ ими избранъ для лѣтняго жилища.

Три церкви, одна за другою, стоятъ по направленію отъ запада къ востоку, въ оградѣ монастырской; главная изъ нихъ празднуетъ успенію Богоматери, и величественна своею Византійскою массою, съ папертями и притворами, которые украшены изваяніями, и съ остроконечнымъ куполомъ, вѣнчающимъ все зданіе; она напоминаетъ собою большую часть храмовъ Грузинскихъ. Но на ней не лежитъ особаго отпечатка изящества, какой поражаетъ доселѣ въ развалинахъ собора Багратова. Давидъ возобновитель и Католикосъ Евде-

монъ избрали себѣ другой образецъ, великолѣпный соборъ Пицунды, но выполнили его во вкусъ Грузинскомъ, а позднѣйшіе довершители исказили пристройками наружную простоту храма. Камни, изъ котораго складено зданіе, огромны, особенно по угламъ; въ одномъ изъ нихъ болѣе двухъ сажень длины и одна ширины. Мѣстная легенда, обыкновенно любитъ превозносить подвиги основателей, ибо они всегда кажутся исполинами въ сравненіе потомковъ, не имѣющихъ довольно силы, чтобы поддержать созданное ими; она гласитъ, что этотъ громадный краеугольный камень положилъ мощною рукою самъ Давидъ, и кто увидитъ его перстень, тотъ отчасти сему повѣритъ.

Но если наружность собора не поражаетъ красотою, за то внутренность, сохранившая всѣ строгіе размѣры зодчества Іустиніанова, вполне удовлетворяетъ взоры, стройною гармоніею всѣхъ частей; она напоминала мнѣ устройство нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, Софійскаго и Печерскаго, современныхъ Гелату. Изъ внѣшняго

притвора, тремя дверями, входятъ, подъ навѣсомъ хоровъ, во внутренность самаго храма, который простирается на одиннадцать сажень, отъ преддверія до иконостаса. Форма его крестообразна, потому что хоры продолжаются и по бокамъ, какъ у насъ въ Кіевѣ; но поперечная вѣтвь креста, длиною въ семь сажень, свободна отъ втораго яруса и придаетъ много легкости храму, чего недостаетъ въ лавръ Печерской и у Св. Софіи. Олтарь раздѣленъ, по древнему чину, на три части; иконостасъ каменный и низкій; поверхъ его отрадно поражаетъ взоры, какъ въ Софійскомъ соборѣ, мозаическое изображеніе Матери Божіей, достойное лучшихъ временъ мозаики Венеціанской, хотя это весьма древній даръ Императора Алексія Комнина Царю Давиду возобновителю. Я не могъ оторвать взоровъ отъ сего чуднаго изображенія, гдѣ самый вѣрный рисунокъ выполненъ камнями, со всею легкостію кисти, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражено, строгими очерками и цвѣтами, высокое достоинство предмета.

Матерь Божія изображена въ золотомъ

полъ, стоящую на багровой землѣ; она легко поддерживае́тъ свое зеленое покрывало, на которомъ сидитъ ея божественный младенецъ, благословляющій одною рукою, имѣющій свитокъ въ другой. Такъ обыкновенно изображались Влахернская и наша Печерская иконы. Три звѣзды на челѣ и раменахъ Пречистой Дѣвы; золотая бахрама по краямъ покрывала, искусно обозначаетъ волнистое движеніе сей одежды, которая спускается до самыхъ ногъ и обливае́тъ стройный высокій ея станъ. Зеленый однообразный цвѣтъ гораздо приличнѣе тѣхъ яркихъ красокъ, голубой и багряной, которыя сдѣлались какъ бы необходимою принадлежностію ризъ Богоматери; но пурпурныя сандаліи показываютъ царственное ея достоинство. Весь въ бѣломъ сидитъ предвѣчный Младенецъ на лонѣ своей земной Матери, и такъ отрадны оба лика, что слѣдовало бы ихъ списать для подражанія въ нашихъ храмахъ. Два преклоненныхъ Архангела, Гавріилъ и Михаилъ, стоятъ по сторонамъ, въ голубыхъ діаконскихъ стихаряхъ, въ знаме-

ніе служительскаго своего назначенія; крестообразно опоясанные орари ихъ какъ бы осыпаны драгоцѣнными камнями; оконечности бѣлыхъ крилъ блещутъ радужными цвѣтами, а въ рукахъ благоговѣйно держать они монограмъ человѣческаго имени Сына Божія, въ свѣтлыхъ кругахъ, ІС. ХС., которое нѣкогда Архангелъ возвѣстилъ Дѣвѣ. Какъ все это исполнено мысли и красоты! — Вечеромъ, когда подымается во мракъ паникадило, предъ самый ликъ Богоматери, онъ сіяетъ особеннымъ свѣтомъ, при отблескѣ золотого поля вокругъ.

Таковъ драгоцѣнный даръ сей, достойный обоихъ державныхъ. Но прежде нежели войти во внутренность алтаря, я остановился предъ святынею иконостаса, являющаго цѣлый рядъ древнихъ чудотворныхъ иконъ, которыя почитаются залогомъ спасенія всей Иверіи. Первая и болѣе всѣхъ именитая, привлекающая благоговѣйное вниманіе, есть икона Хахульской Божіей Матери, писанная по преданіямъ Евангелистомъ Лукою и принесенная Царемъ Давидомъ, изъ одного древняго хра-

ма, области Кларджетской; начало же ея восходитъ до первыхъ временъ Христіанства на поморіи Черномъ, гдѣ проповѣдали Апостолы Андрей первозванный и Симонъ Кананитъ. Пречистая Дѣва представлена безъ божественнаго Младенца, темнымъ колоритомъ, какъ наша Владимірская, и совершенно сходна съ тою иконою, которая теперь находится въ алтарь придворной церкви зимняго дворца. (Сія послѣдняя почитается руки Евангелиста и привезена изъ Патраса, что въ Морей; на задней доскѣ ея есть Императорскій гербъ Палеологовъ.) Имя Хахульской сохранилось иконѣ отъ знаменитой обители Царя Баграта II, уже раззоренной нынѣ, и что весьма замѣчательно, она не утратила ни одного изъ драгоцѣнныхъ украшеній, которыми осыпали ее Цари, отъ временъ Давида.

Если разобрать сіи различныя украшенія, скопившіяся въѣками и всѣ надписи, то много лѣтописнаго и поэтическихъ преданій присоединится къ внутреннему достоинству святыни. Такимъ образомъ жемчужная

риза, облакающая Пречистую Дѣву, и нѣкоторые изъ крупныхъ перловъ пожертвованы Царемъ Давидомъ возобновителемъ, по его завѣщанію, въ которомъ онъ настоятельно сіе повелѣваетъ сыну своему Димитрію. Четыре огромныхъ лала и семь малыхъ, сіяющихъ въ вѣнцѣ, составляли повязку славной его внуки, Царицы Тамари, и каждый лалъ имѣетъ свое имя, что весьма звучно по Грузински: «обола, кедела, медега»; оболà т. е. сиротка, большій изъ всѣхъ лаловъ и потому сирый, что нѣтъ ему равнаго; кедела, или преграда, лалъ, отдѣляющій сиротку отъ другихъ меньшихъ, и медега, или приближающійся по величинѣ своей къ главному. Трогательна самая легенда о пожертвованіи сихъ камней. Тамаръ, въ торжественный день, собиралась идти въ соборъ Гелатскій къ обѣднѣ, и прикрѣпляла лалы къ царской своей повязкѣ, когда пришли ей сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать докучливой нищей и когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла

подать ей милостыню, нищую не могли уже найти. Смущенная Тамарь, упрекая себя что отказала, въ лицѣ убогой жены, самому Господу Іисусу, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, царскую свою повязку изъ лаловъ, и надѣла ихъ на вѣнецъ Богоматери, болѣе достойной такого украшенія. Что можетъ быть выше сего царственного смиренія? Если разрыть лѣтописи Грузинскія и прислушаться къ преданіямъ народнымъ, сколько подобныхъ примѣровъ можно бы внести въ нравственную сокровищницу исторіи!

Чего ни коснешься въ драгоцѣнной иконѣ Хахульской, все отзовется древнею славою Грузіи; взгляните на богатое ожерелье изъ крупныхъ перловъ: это опять приношеніе Царицы Тамари, но уже совершенно по иному случаю. Оно принадлежало Эмиру Арабскому Кіасъ-Султану, предводителю войскъ Халифа Багдадскаго, которые были разбиты ея супругомъ, Давидомъ Сосланомъ или прекраснымъ. Драгоцѣнные сіи монисты, вмѣстѣ со знаменемъ Халифа, принесены были благодарною Царицею, въ

даръ небесной Царицѣ, какъ о томъ гласить въ стихахъ надпись на иконѣ; она почти не переводима по трудности древняго языка.

«Небеса небесъ устроившее Богоначаліе,
Сынъ, пребывай искони и во вѣки,
Духъ Божій, совершай все изъ небытія,
Троица совершенная во единомъ Божествѣ!
Создавъ изъ земли первороднаго человѣка,
Ты промыслила паки обратить къ себѣ ослушника,
Когда сей уклонился отъ безсмертія къ смерти.
Рожденный тобою сподобилъ насъ возродиться
Изъ тьмы во свѣтъ и озариться свѣтомъ,
Самъ пострадавъ за насъ и исцѣливъ наши страсти,
Тобою, глаголю, рожденный, о Дѣва, о коей Давидъ
Радовался, предвидя Сына Божія быть твоимъ Сы-
номъ.

Ты меня, Тамаръ, — твой прахъ, нынѣ и присно,
Сподобила быть помазанною и тебѣ усвоенною
Въ горнемъ Эдемѣ! — Я же, на югъ и на сѣверъ
Обладая царствомъ, приношу тебѣ въ даръ
Халифовъ знамя, купно съ ожерельемъ,
Изъ добычи ревнителей лжепророка.
Давидъ стрѣлецъ, подобно сынамъ Ефреимъ
Вооружась, разбилъ Султана съ Атабагомъ,
Въ Иранѣ воевавшихъ на него.
Вопны наши, на тебя уповающіе, Невѣста,
Сокрушили и стерли Агарянъ.
Изъ ратной ихъ корысти часть сію
Тебѣ въ даръ приношу, да умолишь за меня Бога и
Сына твоего.

Вотъ и еще одна ямбическая надпись на той же иконѣ, трогательно выражающая, вмѣстѣ съ смиренною молитвою Царицы, нѣжную любовь ея къ сыну своему Георгію Лашъ, единственной ея отрасли. Тамаръ какъ бы напоминаетъ Пречистой Дѣвѣ о ея Предвѣчномъ младенцѣ, чтобы преклонить милость ея къ своему отроку; не оставляетъ она тутъ же припомнить и о родствѣ своемъ съ Царемъ Пророкомъ, которымъ всегда столько гордились всѣ Багратиды.

Невѣста всечистая, промысломъ Вышняго,
Отъ дѣвическихъ кровей Твоихъ таинственно зачен-
шая Сына Божія

И родившая Его во спасеніе человѣкамъ! —
Ты, украшая украсила и величая возвеличила меня,
Тамаръ, отъ именитаго племени Давидова:
Сего ради и я нынѣ возжелала украсить Твой образъ,
Матери съ Сыномъ, да храниши мать и сына.

Окладъ Хахульской иконы изъ чистаго золота и на ободкѣ оной эмалевые круги, съ ликами Спасителя, Ангеловъ, трехъ Святителей, Николая чудотворца, Безсребренниковъ и великомученика Пантелеймона; во-

кругъ еще одинъ ободокъ съ ликами Апостоловъ. Икона, малая сама по себѣ, вставлена въ широкое золотое поле, усыпанное крупными бирюзами, перлами и лалами; оно также украшено эмалевыми изображеніями Господа, Ангеловъ и нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, расположенныхъ правильными полукружіями около средней иконы, промежду драгоценныхъ камней, а внизу изображены знаменіе Богоматери и Архангелы. Все сіе богатство эмали, жемчуга, лаловъ, гранатъ и яркой бирюзы, поражаетъ взоры великолѣпіемъ, нынѣ необычайнымъ въ Грузіи. Сверхъ сего оклада есть еще обширный серебряный кивотъ, столь же богато украшенный; на немъ изваяны Спаситель и Ангелы, а внизу, между трехъ чеканныхъ золотыхъ бляхъ, лики Евангелистовъ. Апостолы и мученики изображены эмалью на складняхъ, въ которыя вставлены драгоценные кресты. Я хотѣлъ, съ возможною подробностію, представить все богатство сей завѣтной иконы, чтобы могли судить, каково было благолѣпіе храмовъ Грузинскихъ, во вре-

мена славы Царей Давида и Тамари, и позже, доколь рука завоевателей не расхитила святыни. Еще одна надпись на иконѣ, весьма темная по смыслу, свидѣтельствуєтъ, что и Царь Димитрій, сынъ Возобновителя исполнилъ завѣщаніе отца, украшеніемъ ввѣреннаго ему залога: вотъ сколько историческихъ памятниковъ на одной иконѣ. Надпись сія также въ стихахъ и есть какъ бы молитвенное воззваніе отъ лица Димитрія, названнаго новымъ Соломономъ, къ Пречистой Дѣвѣ, которой онъ напоминаетъ родство свое съ праотцемъ ея Давидомъ, общимъ ихъ родоначальникомъ; но вѣроятно она начертана послѣ Димитрія, ибо нельзя такъ о себѣ выражаться:

«Между древнимъ Богоотцемъ (Давидомъ) и новымъ Царемъ Соломономъ (т. е. Димитріемъ), ты процвѣла, о Царица! (если считать тысячелѣтнее разстояніе отъ Богоматери къ Царю-Пророку обратно и почти столько же впередъ къ сему Царю Грузіи.) По происхожденію (отъ того же рода) и по праву (царскому) су-

губо сими дарами облеченъ Димитрій. Онъ, подобно небесному солнцу, озарилъ богатыми утварями видъ твоего храма (Гелатскаго), и нынѣ, какъ отрасль Давидова, тебѣ (той же отрасли) о Богородице! обладательницѣ всего міра, съ душею и тѣломъ и симъ храмомъ, передаетъ себя твоему милосердію».

Это священное родство, которому такъ тепло вѣрили обладатели Иверіи, ведущіе родъ свой отъ Давида, послѣ плѣненія Вавилонскаго, и это родственное участіе, которое они испрашивали, почти въ каждой молитвенной надписи, на украшаемыхъ ими иконахъ Пречистой Дѣвы, исполнено младенческой простоты и вмѣстѣ глубокой поэзіи, проникающей сердце. При богатомъ кивотѣ Хахульской иконы привѣшено на цѣпи золотое изваяніе, въ видѣ кадильной крыши, осыпанное жемчугомъ и четырьмя огромными ладами, съ ликами Спасителя, Божіей Матери и Ангеловъ, которые вычеканены на золотѣ между дорогихъ камней. Оно висѣло нѣкогда надъ большимъ крестомъ честнаго древа, и по преданію

вылито изъ того золота, которое принесли Волхвы изъ Персиды, родившемуся въ Вифлеемъ Царю, когда увидѣли звѣзду его на Востокъ. — Конечно нельзя ничѣмъ утвердить достовѣрность такихъ преданій, но какъ умилительно встрѣтить ихъ въ пустынь и слѣдовать за ихъ постепенностію, по крайней мѣрѣ отъ временъ Тамари, Давида и Баграта!

Подлѣ иконы Хахульской, какъ бы подлѣ сѣнію священнаго сокровища обители Гелатской, хранится, въ лѣвомъ углу иконостаса, святыня мощей, уцѣлѣвшихъ въ эпоху раззоренія. Это часть черепа побѣдоносца Георгія и великомучениковъ Дмитрія и Θεодора Стратилата, и кости Самсона страннопріимца, съ нѣкоторыми другими уже безыменными. Тутъ же, подлѣ стекломъ деревяннаго кивота, заключена въ золотомъ сердцѣ, осыпанномъ жемчугомъ и дорогими камнями, часть сударя Господня, коимъ было обвито чело его при погребеніи и который обрѣтенъ, по словамъ евангельскимъ, свитымъ особо во гробъ, по воскресеніи Христовомъ. Какая

святыня! и кому она извѣстна въ уединеніи Гелата? а безъ сомнѣнія она была принесена Царевнами Греческими, Еленою или Ириною, когда они вступали въ супружество съ великими Баграторъ и Давидомъ.

Если продолжать описаніе драгоценныхъ иконъ Гелатскихъ, отъ лѣвой руки къ правой, по стѣнѣ иконостаса, какъ обыкновенно читаются писмена хартій, то и здѣсь опять представится много лѣтописной древности, хотя и не всегда въ одинаковомъ великолѣпіи, ибо ничто не можетъ сравниться, съ богатствомъ иконы Хахульской. Подлѣ нее первое мѣсто занимаетъ икона Ацкурской Божіей матери, которую славный воитель Палестинскій Царь Багратъ, перенесъ изъ города Ацкура, принадлежавшаго Атабекамъ въ Борджомскомъ ущеліи. Живопись ея не имѣетъ никакого сходства съ такъ называемымъ Греческимъ письмомъ; скорѣе можно назвать оное Персидскимъ, по яркости и пестротѣ красокъ и по самому облику, ибо совершенно восточная красота блистаетъ въ чертахъ пречи-

стой Дѣвы и божественнаго Младенца; даже цвѣтъ волосъ ея и бровей черный, вмѣсто обыкновеннаго русаго. На иконѣ золотая риза и она вставлена, подобно Хатхульской, въ другое позлащенное поле, на коемъ изображены эмалью успеніе, три Святителя, Апостолы и двѣнадцать праздниковъ по сторонамъ. Внизу надпись, что Царь Царей Георгій и супруга его Тамаръ, съ сыномъ Александромъ, пожертвовали на икону золотую ризу. Это долженъ быть второй Георгій, по списку Имеретинскихъ Царей, братъ Ростомъ и сынъ Константина, который царствовалъ въ началѣ XVII вѣка. Соломонъ великій, по словамъ той же надписи, устроилъ второй позлащенный окладъ; а въ задней доскѣ иконы вставлено много святыхъ мощей, весьма древнихъ но неизвѣстныхъ.

Третія икона, собственно Гелатской Божіей матери съ Младенцемъ, сидящимъ на ея колѣнахъ, и Архангелами по сторонамъ, подобна Влахернской; она не писана, но вычеканена изъ позлащеннаго серебра, и гораздо древнѣе Ацкурской. Цари

Багратъ и Елена, но не великіе предки Возобновителя, а тѣ, которые царствовали въ XVI вѣкѣ, устроили для нее большой серебряный кивотъ со складнями, на которомъ изваяны страсти Господни и нѣкоторые изъ двѣнадцати праздниковъ. На задней доскѣ также много частицъ неизвѣстныхъ мощей.

По другую сторону царскихъ вратъ, не замѣчательныхъ потому что онѣ новыя, поставлена большая икона Спасителя, въ серебряномъ окладѣ, безъ надписи, но вѣроятно Греческая и временъ Давида возобновителя, ибо въ евангеліи, которое держитъ Господь, начертано по Гречески: «Азъ есмь свѣтъ міру.» Рядомъ съ нею еще большая икона Спасова, въ позлащенномъ окладѣ, съ правильно благословляющею рукою и Греческою надписью: «Царь славы;» она украшена въ XIII вѣкѣ, усердіемъ Царя Давида Нарина, сына Русудани, дочери великой Тамари. Возлѣ, уже внѣ иконостаса, прислонена къ нему весьма большая и драгоценная икона Божіей Матери стоящей, съ младенцемъ на рукахъ, въ золотомъ

и отчасти серебряномъ полѣ, котораго листы отпадаютъ отъ ветхости. На вѣнцѣ Богоматери весьма крупные гранаты, жемчуги и бирюза. Царь Багратъ великій, основатель собора Кутаискаго, стоитъ на колѣняхъ предъ Богоматерью, ибо онъ устроилъ сію икону и это вѣрный портретъ Царя, замѣчательной красоты. Онъ отличается отъ новѣйшаго Баграта Іерусалимскаго, который написанъ на стѣнахъ храма, съ окладистою черною бородою. На немъ голубая мантия, подбитая горностаемъ, поверхъ краснаго полукафтанья съ золотыми застежками. Корона его совершенно похожа на ту, которую доселѣ хранятъ въ ризницѣ Гелатской подъ его именемъ. Дважды была украшаема сія замѣчательная икона, имѣющая кромѣ святыни еще достоинство историческое портрета. Это видно по двойному числу круговъ, по ней разсыпанныхъ съ ликами Святыхъ: двѣнадцать болѣе древнихъ изъ эмали, двѣнадцать новѣйшихъ чеканнаго серебра. Подъ великолѣпною иконою Баграта стоятъ двѣ малыя, изъ выпуклаго серебра, великомученика Георгія

и Св. Маманта, сидящаго на лѣвѣ съ крестомъ въ рукахъ. Тутъ же еще одинъ небольшой образъ Спаса, въ золотомъ окладѣ, съ ликами верховныхъ Апостоловъ и Евангелистовъ на эмали, который былъ устроенъ, судя по надписи, новѣйшею Царицею Тамарью изъ рода Дадіановъ,

Послѣ священныхъ иконъ, привлекающихъ къ себѣ благоговѣйное вниманіе, невольно устремляются взоры на историческія и церковныя фрески, доселѣ украшающія стѣны собора. Неизвѣстно, когда были они обновлены, но конечно по древнимъ рисункамъ, и если принять въ соображеніе, что тутъ написанъ Католикосъ Захарія, перенесшій кафедру въ Гелатъ, при великомъ Царѣ Александрѣ въ половинѣ XVII вѣка, то къ сему времени можно отнести и стѣнную живопись храма, вѣроятно имъ обновленнаго и едва ли опять обновляемаго въ смутную эпоху междоусобій. Съ лѣвой стороны иконостаса гдѣ изображены равноапостольные Цари Константинъ и Елена, какъ первые храмоздатели, замѣчательна бѣлая фигура Католикоса Аб-

хазскаго Евдемона; онъ строилъ въ XI вѣ-
кѣ соборъ Гелатскій по образцу своей Пи-
цундской кафедрѣ, вмѣстѣ съ великимъ
Царемъ Давидомъ возобновителемъ. Самъ
Давидъ представленъ держащимъ въ ру-
кахъ церковь Гелата, въ зеленой далматикѣ
и коронѣ, въ Греческомъ вкусѣ. Длинная
борода отличаетъ его отъ послѣдующихъ
ликовъ царскихъ, и въ сравненіи съ ними
замѣтенъ исполинскій ростъ его. Лѣвѣе
стоятъ Багратъ и супруга его Елена, но не
великіе предки Давида, потому что въ ихъ
время еще существовала обитель Гелатская.
Это славный освободитель Іерусалима, вто-
рой изъ Багратовъ по списку отдѣльныхъ
Царей Имеретіи, властвовавшій въ началѣ
XVI вѣка; далматика его подобна Давидо-
вой, но багрянаго цвѣта, а корона иной
остроконечной формы; длинные усы вмѣ-
сто бороды обличаютъ уже другую эпоху.
Онъ написанъ рядомъ съ Возобновителемъ,
потому что много благодѣтельствовалъ его
обители и принесъ сей въ даръ икону Ац-
курскую, Цари же Имеретинскіе, до него
бывшіе, мало замѣчательны. Кто была

супруга его Елена? я не могъ дознаться въ лѣтописяхъ. Она также въ коронѣ, съ бѣлой фатою и въ голубой далматикѣ. У обоихъ въ рукахъ кресты, такъ какъ и у двухъ послѣдующихъ изображеній Царя Георгія, сына Багратова, и супруги его Русудани, дочери Черкесскаго Князя, одѣтыхъ совершенно такъ же какъ и ихъ царственные родители. Между ними написанъ малолѣтній сынъ ихъ, въ розовомъ платьѣ съ серебряными по немъ кругами, и въ шапкѣ похожей на вѣнецъ. Онъ названъ тутъ Багратомъ; но по лѣтописи у Георгія было только два сына, Константинъ и Леонъ; не ошибка ли это живописца, или быть можетъ представленъ какой-либо не царствовавшій ихъ отрокъ.

Поверхъ сихъ державныхъ ликовъ написана на стѣнѣ большая картина входа Господня во Іерусалимъ, быть можетъ имѣющая нѣкоторое отношеніе къ торжественному вшествію Баграта во Св. градъ, съ побѣдоносными своими союзниками, Царями Грузіи и Кахетіи. Надъ нею воскресеніе Христово, которое въ древности не изобра-

жали иначе, какъ изведеніемъ изъ со-
крушеннаго ада душъ ветхозавѣтныхъ вѣ-
рующихъ праотцевъ; ибо прежніе иконо-
писцы не отваживались представить таин-
ственной минуты воскресенія, которая со-
крыта была даже отъ Мүроносицъ и Апо-
столовъ; теперь же смѣлѣе сдѣлалась кисть
художниковъ, и вмѣсто того, чтобы пред-
ставлять воиновъ, помертвѣвшими отъ зем-
летрясенія по словамъ евангельскимъ, ихъ
представляютъ спящими, какъ они о себѣ
солгали по наущенію Фарисеевъ, или даже
смотрящими въ лице воскресшему, чего не
могли сами Апостолы. Въ простѣнкахъ,
между боковыхъ оконъ, лики двухъ вели-
комучениковъ Θεодора Тирона и Стратила-
та. Еще выше Спаситель, осѣняющій омо-
форомъ, и около него на двѣнадцати пре-
столахъ, Апостолы, судіи земли. Противу-
положная стѣна посвящена вся благоговѣй-
нымъ воспоминаніямъ пречистой Дѣвы.
Она представлена, въ темной одеждѣ, съ-
дящею на одрѣ посреди ликовъ пророче-
скихъ и праведныхъ. Царь Давидъ, въ вѣн-
цѣ подобномъ Багратову, играетъ на псал-

тиръ, который походитъ на Греческую лиру. Надъ симъ торжественнымъ соборомъ Матерь Божія изображена опять на одрѣ, но уже лежащею, въ минуту блаженнаго ея успенія, окруженная Апостолами, срѣтаемая самимъ Господомъ. Въ простѣнкахъ оконъ другіе два великомученика, Георгій и Димитрій, а повыше таинственное собраніе Апостоловъ, которыхъ приносятъ облаки, для возданія послѣднаго долга пречистой Дѣвѣ, уже отшедшей къ божественному Сыну своему.

На столбахъ, поддерживающихъ хоры, по древнему обычаю, написаны мученики и мученицы, положившіе кости свои въ основаніе вселенской Церкви, а на двухъ основныхъ столбахъ, на коихъ лежитъ куполь, колоссальныя изображенія Предтечи и отца его Захаріи, и двухъ праведныхъ женъ Анны и Елисаветы; тутъ и четыре столпника, изъ коихъ два Симеона, старшій и младшій. Подлѣ бывшаго мѣста Католикосовъ, написанъ знаменитый Захарія, перенесшій сюда свою кафедру, и неизвѣстный Митрополитъ Гелата, а на хо-

рахъ, гдѣ существовали два придѣла, есть еще полустертые лики Святителей и двѣ иконы знаменія Богоматери. Но всего умильнѣе были для меня фрески олтаря, который исполненъ славою Богоматери; тамъ изображены рождество ея и введеніе во храмъ, цѣлованіе Елисаветы и срѣтеніе Симеономъ, и праведные ея родители съ Ангельскимъ соборомъ.

Подъ великолѣпною мозаикою Комнина, начертана Греческими буквами, вокругъ всего горняго мѣста, Херувимская пѣснь, и она олицетворена таинственною картиною, въ которой хотѣли представить: какъ должны мы образовать изъ себя Херувимовъ, непрестанно воспѣвающихъ трисвятую пѣснь. Поелику мы должны, отложивъ всякое житейское попеченіе, поднять Царя всѣхъ, носимаго Ангельскими чинами, и такъ какъ при погребеніи всегда поется: «Святый Боже,» то и здѣсь изображены небесные чины, вмѣсто насъ погребящими Сына Божія, въ образъ человѣческомъ. Всѣ они облечены въ діаконскія служебныя ризы, съ крестообразно сло-

женными орарями: предшествующіе несутъ церковныя хоругви, свѣтильники и кадила; послѣдующіе плащаницу, подъ сѣнію рипидъ, и торжественно обходятъ гробовой утесъ, поставленный на срединѣ ихъ шествія, а внутри его уже возстаетъ изъ мертвыхъ Спаситель. Какая высокая мысль и какъ назидательно поражаетъ она взоры священнодѣйствующаго у престола! Тройное окно проливаетъ свѣтъ, съ горняго мѣста, на весь алтарь: по сторонамъ его изображено, какъ въ нашихъ древнихъ святилищахъ, пріобщеніе Апостоловъ подъ двумя видами и съ двумя ликами Спасителя. Онъ подаетъ съ одного края трапезы божественное тѣло свое шести ученикамъ, облеченнымъ въ священническія фелони, и опять онъ же даетъ вкушать, съ другаго края, божественную чашу прочимъ шести Апостоламъ; трапезу же охраняютъ Ангелы, въ видѣ діаконовъ, съ рипидами въ рукахъ. Такое ясное указаніе, на узаконенный самимъ Господомъ образъ преподанія святыхъ его таинъ, не есть ли сильное обличеніе противъ Римлянъ, и не для того ли

картина сія всегда писалась въ древнихъ алтаряхъ, чтобы никогда не могли поколебаться Православные въ этомъ основномъ чиноположеніи литургіи? Вездѣ проглядываетъ мысль и всегда глубокая.

Горнее мѣсто возвышено на четыре ступени отъ помоста, для сидѣнія Епископовъ и пресвитеровъ, и на восемь для Католика. Кругомъ написанъ сонмъ Святителей, древнихъ таинниковъ благодати, изливающейся на служителей алтаря: три великихъ Іерарха, Аѳанасій и Павелъ Александрійскіе, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Акраганскій, часто встрѣчающійся въ храмахъ Грузинскихъ, хотя мѣсто его подвиговъ въ Сициліи, и первомученикъ Архидіаконъ Стефанъ. На престолѣ лежитъ древнее евангеліе Грузинское, переведенное и писанное въ IX вѣкѣ Св. Георгіемъ Аѳонскимъ, знаменитымъ своею ученостію отшельникомъ Иверскаго монастыря на Св. горѣ; оно великолѣпно писано на пергаментѣ, съ раскрашенными по золоту картинами на каждой страницѣ, лучшей живописи Византійской, и не уступаетъ рос-

кошью тѣмъ Греческимъ книгамъ, которыя я видѣлъ въ библіотекѣ Ватиканской. На концѣ есть Греческая приписка руки Св. Георгія, о употребленіи надстрочныхъ знаковъ, и молитва его о томъ, чтобы не исправляли вновь исправленнаго имъ тщательно евангелія. Видѣлъ я и другое евангеліе того же Святаго, въ церкви Св. Георгія, но оно гораздо меньше и не столь великолѣпно.

РИЗНИЦА И ПРИДѢЛЫ.

Если же кто желаетъ видѣть остатки утвари, царственной и церковной, еще уцѣлѣвшей отчасти послѣ столькихъ воинскихъ бурь, пусть попроситъ чтобы ему раскрыли ризницу Гелатскую, въ бывшемъ отдѣленіи діаконикона. Тамъ, между новѣй-

шими сокровищами, особенно замѣчательны золотые диски и чаша, осыпанные бирюзою, Католикоса Виссаріона, который любилъ великолѣпіе, и митра, осыпанная жемчугомъ, послѣдняго Католикоса Максима, скончавшагося въ Кіевѣ въ 1795 году. Митрополитъ Давидъ служилъ въ ней обѣдню и говорилъ мнѣ, что другую подобную ей митру увезъ съ собою Католикосъ въ Россію; она должна находиться въ ризницѣ Софійской или Печерской. Златокованный поясъ съ перлами и ризы, шитыя жемчугомъ, соотвѣтствуютъ сей митрѣ, но уже ихъ не употребляютъ отъ тяжести. Особенно великолѣпенъ омофоръ, съ ликами святыхъ, Спиридона и Кирилла, и двѣнадцатью праздниками, которые всѣ шиты жемчугомъ, равно какъ и Греческія ихъ надписи. Неизвѣстно къ какому времени можно отнести сіе богатое облаченіе Католикосовъ, но вѣроятно оно еще среднихъ вѣковъ, до паденія Царьграда.

Изъ старыхъ вещей показали мнѣ косяной посохъ святительскій и два креста Царя Баграта: одинъ сломанный изъ

корналина, съ камнями большею частію выпавшими. Тутъ же и корона великаго Баграта, которую можно узнать на всѣхъ его ликахъ. Она изъ дорогой парчи, въ видѣ шапки и вся унизана жемчугомъ; на шести ея зубцахъ по малому кресту, составленному изъ перловъ и лаловъ; седьмой крестъ болѣе другихъ, изъ такихъ же камней, вѣнчаетъ остроконечную вершину; на верхней части, вышитой жемчугомъ, Спаситель, три Іерарха и четыре Евангелиста, а внизу, подъ зубцами короны, тайная вечеря, пріобщеніе Апостоловъ и умовеніе ногъ, для всегдашней памяти о заповѣданномъ смиреніи и общеніи тѣла и крови Господней. Какъ много чувства въ избраніи сихъ предметовъ евангельскихъ, для украшенія вѣнца! и едва ли есть, гдѣ-либо въ мірѣ, другая корона, съ умовеніемъ ногъ надъ царскимъ челомъ.

Вотъ еще одно неоцѣненное сокровище, выражающее, до какой степени были проникнуты любовію къ святынь, древніе владетели Иверіи: перстень Царя Давида возобновителя, съ мощами Св. Георгія вчу-

три и прекрасно вырѣзаннымъ ликомъ Великомученика сверху для печати. Такимъ образомъ, не только его священнымъ ликомъ, но даже святынею его мощей, запечатлѣвалъ Царь Давидъ всѣ свои царственные акты, и сколько надобно было стараться направлять ихъ по заповѣдямъ евангельскимъ, чтобы потомъ дерзнуть утвердить такою печатію! Великая душа Давида заключалась въ исполинскомъ тѣлѣ, судя по огромности перстня, въ который два моихъ пальца свободно входили. Послѣ сего можно повѣрить всѣмъ легендамъ о его необычайной силѣ, и о тѣхъ громадныхъ камняхъ, какіе собственноручно положилъ въ утвержденіе создаемаго имъ храма. Къ сожалѣнію не могъ я отыскать житія сего великаго мужа церкви и царства, которое было написано ученымъ духовникомъ его Арсеніемъ. Рукопись сія была взята Митрополитомъ, для брата своего Князя Церетели, и послѣ его смерти осталась въ рукахъ племянника, у котораго не могутъ ее найти. Я просилъ однако и Митрополита и Дадіана, употребить всѣ воз-

можныя старанія къ отысканію сей драгоценной рукописи, ибо другаго списка нѣтъ въ цѣлой Грузіи. Тамъ только, со всею подробностію, можно прочесть подвиги славнаго Царя. Отъ невниманія иноковъ утрачено и другое писменное сокровище: подлинное завѣщаніе Давида, составленное со словъ его духовникомъ Арсеніемъ, юному сыну Царю Димитрію; въ немъ проявляется благочестивый духъ Давида, а можетъ быть есть и нѣсколько словъ, прибавленныхъ самимъ Арсеніемъ въ пользу Церкви. Подлинникъ, какъ я слышалъ, у Генералъ-лейтенанта Князя Багратіона, и не погрѣшилъ бы онъ, еслибы возвратилъ въ обитель священный актъ сей, хранившійся въ ней столько столѣтій. Къ счастью есть списки и я предлагаю здѣсь переводъ, сдѣланный съ одного изъ нихъ Дадіаномъ.

«Повелѣваетъ и напоминаетъ Царь Царей Давидъ, въ день смерти и во время исхода его изъ міра, чрезъ уста наши, недостойнаго и смиреннаго богомольца своего, аввы инока, вамъ всѣмъ вельможамъ и зна-

менитымъ царства его Католикосамъ, Епископамъ, Эриставамъ и всѣмъ въ милости у него бывшимъ. Былъ я отъ природы любителемъ безсмертія, славы и владычества, и не памятовалъ о таковомъ днѣ, навсегда сводящемъ меня въ могилу; не могъ я разстаться съ суетою временной жизни, доколь сама она меня не оставила и, обремененнаго множествомъ грѣховъ, скорбнымъ не представила къ Судіи, многія милости явившему мнѣ въ семъ мірѣ. Во первыхъ далъ онъ мнѣ сына сего Димитрія, который мудростію, доблестями, храбростію и благочестіемъ, лучше меня и воистинну таковымъ надлежало Царю быть, данному отъ Бога живущимъ въ православіи на землѣ. Отхожу предъ Судію, отъ коего воспріялъ царство, утѣшенный, что отрокъ сей всегда дѣйствовалъ по тайной мысли моего сердца. И прежде желалъ я отдохнуть отъ заботы житейской, возведя его на царство, о чемъ Богу только, мнѣ и духовнику моему извѣстно уже два года; но мгновенность превозмогла и, по силамъ ожидаемое многолѣтіе, измѣнило; мнѣ въ воз-

мездіе дана та же скорбь моего отца: краткость житія сего, отъ которой отвращалъ я мои взоры. Нынѣ, промысломъ правосуднаго Бога, отзываюсь я, а на царство наслѣдственное призывается онъ, и на вновь пріобрѣтенное, трудами моими и вашими, отъ Никопсіи до моря Дербентскаго, и отъ Осетіи до Соера и Арагаца. Я поручилъ ему чадъ и Царицу, призывая посредникомъ на сіе Бога, дабы брата своего младшаго воспиталъ, и если по милости Божіей явится способнымъ, да поставитъ Царемъ послѣ себя надъ моимъ наслѣдіемъ, и сестрамъ да оказываетъ по честь, яко чадамъ моимъ любезнымъ. Все совершилъ я, силою честнаго животворящаго древа, и ему вручаю сіе осчастливившее меня знаменіе, и мои царскіе доспѣхи, и сокровища верхнія и нижнія; пѣнызи же да наслѣдуетъ Константинъ младшій, а мои собственные драгоценные каменья и жемчуги жертвую Хахульской Богоматери. Дукаты и вотиніаты Атенскаго сокровища, кровію моею пріобрѣтенныя, если не пожалѣетъ Царь Димитрій, всѣ да передастъ

духовнику моему; иначе, хотя половину ихъ предъ Богомъ отъ него требую, дабы, если какіе монастыри наслѣдія моего я обидѣлъ, духовникъ мой ихъ бы вознаградилъ, они же да молятся обо мнѣ. Еще остался у меня монастырь, погребальное мѣсто для костей моихъ и дѣтей моихъ, не довершеннымъ, и печаль сія со мною пребудетъ; нынѣ сынъ мой Царь Димитрій, да довершитъ оный, для вѣчнаго поминовенія меня и его самага съ потомствомъ. Что уже роздано мною, того отнюдь да не коснется; какія же мною пріобрѣтены мѣста, необитаемыя и населенныя, и тѣ, какъ авва Арсеній и Католикось разсудятъ, такъ да пожалуетъ ихъ Царь Димитрій, выдавъ на оныя грамоты безъ малѣйшаго закоснѣнія».

Исполненный памятію великаго Давида, прежде нежели оставить сооруженный имъ соборъ, поклонился я, въ трапезной части, гробу послѣдняго изъ царственныхъ его потомковъ, который почіетъ подъ свѣнію Гелатскаго храма. Великій Соломонъ, одинъ только изъ всѣхъ Царей Имеретинскихъ, погребенъ внутри самой церкви, вѣроятно

по глубокому къ нему уваженію народа; два послѣднихъ Царя скончались въ Трапезондѣ, а всѣ предшественники, по примѣру основателя Давида, устраивали для себя за живо особыя придѣлы, или ихъ хоронили въ основанныхъ прежде, ближайшими родственниками. Сколько была проникнута великая душа Соломона, царственнымъ величіемъ своего рода, о томъ можно судить, по украшеніямъ его богатырскаго меча, который доселѣ хранится въ Мингреліи у Дадіана: на позлащенныхъ ножнахъ изображенъ Пророкъ Наѳанъ, предсказывающій Царю Пророку Давиду, о грядущей славѣ сына его Соломона и о утвержденіи престола въ родѣ его вѣчно. Но Пророкъ таинственно возвѣщалъ, въ лицѣ Соломона, вѣчное царство Мессіи, которое позднѣйшіе потомки Давида отнесли къ временному продолженію царскаго своего племени.

Въ боковомъ придѣлѣ, съ правой стороны собора, посвященномъ Первозванному Апостолу, показываютъ одну именитую могилу, которую три мѣста оспариваютъ другъ

у друга, — столь велика слава погребенной! это гробъ великой Царицы Тамари. Нѣкоторые ищутъ его въ горахъ Сванетіи; другіе украшаютъ именемъ ея гробницу въ пещерной церкви Вардзи, за Ахалцихомъ, потому что тамъ существуютъ ея лѣтніе чертоги, изсѣченные въ скалѣ; но такъ какъ извѣстно по исторіи, что Царица скончалась близъ Кутаиса, въ замкѣ своемъ Тамарисцихе, то гораздо правдоподобнѣе, что ее погребли въ обители, созданной ея предкомъ, потому что въ Грузіи свято соблюдается обычай родовой усыпальницы. Зачѣмъ было нести тѣло Царицы, по непроходимымъ горамъ и ущеліямъ, въ дальній Вардзи? Въ лѣтописи Вахуштія сказано, о погребеніи въ пещерѣ Вардзійской Царя Константина II, убитого въ сраженіи противъ Турковъ, въ 1417 году. Весьма естественно и то, что ее положили въ особомъ придѣлѣ Гелатскаго собора, съ южной стороны, какъ и предокъ ея Давидъ почиваетъ отдѣльно въ привратной церкви. Если же придѣлъ устроенъ во имя Первозваннаго, то кромѣ глубокаго уваженія къ

просвѣтителю сихъ мѣстъ, можно предпо-
лагать, что первый супругъ Тамари, сынъ
Андрея Боголюбскаго, соорудилъ придѣлъ
сей въ честь Ангела своего родителя. Ми-
трополитъ Давидъ увѣрялъ меня, что до
времени Царя Александра, отца Соломоно-
ва, ежегодно, въ день памяти Царицы Та-
мари, подымали гробовую плиту ея и слу-
жили панихиду; а такое постоянное пре-
даніе должно быть на чемъ нибудь осно-
вано. Очень можетъ быть, что обычай сей
прекратился съ тѣхъ поръ, какъ Царь Але-
ксандръ похоронилъ здѣсь супругу свою
Марію, изъ рода Дадіановъ, какъ видно изъ
надписи на дорогой иконѣ, имъ пожертво-
ванной. Онъ избралъ для себя мѣсто упо-
коенія въ томъ же придѣлѣ, а до того не
видно: былъ ли кто погребаемъ подлѣ ве-
ликой Тамари, ради глубокаго къ ней ува-
женія? Супруга Соломона Марія и мало-
лѣтній сынъ его, лежатъ въ другомъ смѣж-
номъ придѣлѣ Св. Марины, и написаны
на стѣнахъ, вмѣстѣ съ другими Царицами
и Царевнами, которыя тутъ же погребены.

Съ лѣвой стороны собора, придѣлъ во

имя Спаса, избранъ былъ усыпальницею многихъ великихъ Царей. Тамъ славный воитель Багратъ и супруга его Елена написаны на стѣнахъ, и оба Георгія; изъ новѣйшихъ же Ростомъ и Симонъ, не много царствовавшіе въ бурную эпоху. Вѣроятно и первый Александръ между сими усопшими, хотя уже нельзя различить его портрета на стѣнѣ. Славный Католикосъ Захарія, обновитель Гелата, смиренно положенъ у входныхъ дверей сѣвернаго притвора, который исписанъ ликами пустынножителей Греческихъ и Грузинскихъ; одинъ изъ нихъ одѣтъ въ тростниковую рясу, съ Греческою надписью: «травою облеченъ и ею питался». Великій Царь Александръ II, и жестокая жена его Дареджанъ погребены, судя по ихъ портретамъ, въ западномъ преддверіи храма, гдѣ устроенъ придѣлъ благовѣщенія надъ гробомъ Католикоса Іосифа, брата Соломонова. Въ той же паперти есть еще придѣлъ Св. Марины, гдѣ также погребались царственные усопшіе, но лики ихъ стерты и перемѣшаны съ пустынножителями.

Противъ западныхъ вратъ собора стоитъ небольшая церковь Святителя Николая, ничѣмъ не замѣчательная: алтарь во второмъ ярусѣ, а въ низу живетъ невѣдомый молчальникъ, уже тридцать лѣтъ посвятившій себя столь трудному подвигу. Недалеко отъ сей церкви была обширная трапеза, отъ которой уцѣлѣли только наружныя стѣны и довольно красивый входъ. Къ востоку отъ собора, древнѣйшая изъ всѣхъ церковь Св. Георгія, основана Царемъ Давидомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ явился Великомученикъ и указалъ ему строить, ибо прежде Царь думалъ основаться нѣсколько выше. Духовникъ Царя Арсеній, вмѣстѣ съ нимъ молившійся въ минуту чуднаго явленія, слышалъ только небесный голосъ и видѣлъ, что преклоняется на землю Давидъ, но не удостоился созерцать лицомъ къ лицу Великомученика. Церковь не обширна и на ней лежитъ отпечатокъ глубокой древности. Въ иконостасѣ высоко вставлена чудотворная икона Пицундской Божіей Матери, основаніе Христіанства всей Абхазіи, перенесенная сюда Католи-

косомъ Захаріею. Она не велика и одѣта золотою ризою съ драгоцѣнными камнями, лалами, жемчугомъ и бирюзою. Божія Матерь стоитъ, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, по сторонамъ ея Архангелы и Предтеча съ Златоустомъ. На задней доскѣ вложено честное древо и много частицъ Св. мощей неизвѣстныхъ. Надпись свидѣтельствуесть о неоднократномъ ея украшеніи.

«И прежде предрекли о тебѣ, нетлѣнная, лики Пророковъ: Давидъ назвалъ тебя кивотомъ чистоты, Соломонъ вмѣстилицемъ, Исаія облакомъ, родительницею Эмануила; я же вѣруя сему приступилъ къ украшенію святаго твоего образа, дабы мнѣ удостоиться стать одесную Сына твоего, подобно Пророкамъ. Я всего съвера и Абхазіи Католикосъ Евдемонъ Чхетисдзе, оковалъ и украсилъ сей образъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно-дѣвы Маріи съ Сыномъ; самый образъ золотомъ и драгоцѣнными камнями и жемчугомъ свѣтло украсилъ, а поле и дверцы серебромъ, и поставилъ въ храмъ Пицундской Божіей Матери, для моленія

и всегдашняго поминовенія, прощенія и утѣшенія грѣшной моеѣ души и оставленія грѣховъ моихъ, аминь. — Христе! помилуй душу Маміи Дадіана, и будь покровителемъ его во вѣки и сына его Дадіана Леона прославь Господи въ сей и другой жизни, аминь. Окованъ и окончанъ сей образъ хроникона 256, отъ сотворенія міра въ 7406 году, отъ Р. Х. 1568, индикта 11-го.

Другая икона, столь же драгоцѣнная, есть вѣрный списокъ съ Пицундской, съ тѣми же ликами святыхъ. На второмъ серебряномъ ея окладѣ изображены Апостолы, Предтеча, Златоустъ и Николай чудотворецъ, а на складняхъ благовѣщеніе; тутъ же и лики Царей Георгія и Тамари, богато ее украсившихъ въ началѣ XVII вѣка. На горнемъ мѣстѣ тѣснаго алтаря написаны знаменіе Богоматери, два верховные Апостола и что весьма странно три отрока Вавилонскихъ. На стѣнахъ фрески гораздо лучшей кисти нежели въ соборѣ; онѣ не уступятъ живописи Сіонскаго въ Атенскомъ ущеліи. Царь Багратъ и супруга его Елена, съ сыномъ, особенно замѣ-

чательны; лице Баграта выражаетъ мужественную красоту. Напротивъ его неизвѣстные Царь и Царица, вѣроятно Георгій и Русуданъ, и еще Царевичъ Александръ, бывшій въ послѣдствіи Царемъ, и Теймуразъ сынъ Баграта. Трудно различить и привести въ лѣтописный порядокъ сіе родословіе въ лицахъ, полустертыхъ на стѣнахъ храма.

Владѣтель Абхазіи, съ особеннымъ благоговѣніемъ, приложился къ иконѣ Пицундской Божіей матери, сему древнему достоянію его народа, и просилъ меня списать для него надпись съ задней доски. «Если когда либо, говорилъ онъ мнѣ, возобновится опять опустѣвшій храмъ Пицунды и туда возвратятъ нашу священную икону, то я могу васъ увѣрить, что всѣ мои подданные обратятся къ Христіанству, ибо они до сихъ поръ уважаютъ святое мѣсто, даже и Магометане. Самая вѣра начала упадать въ нашихъ предѣлахъ съ тѣхъ поръ только, какъ унесли оттуда Пицундскую Божію мать». Такія слова, въ устахъ владѣтельнаго Князя Абхазіи, были весьма замѣчательны и достойны вниманія.

Возвратясь изъ храма, мы сѣли за трапезу Митрополита, въ обширной дубовой залѣ настоятельскихъ покоевъ. Трапеза сія опять напомнила мнѣ феодальныя времена: Владыка сидѣлъ въ верхнемъ концѣ; по сторонамъ его Владѣтель Абхазіи и Дадіанъ, съ ближайшими ихъ родственниками и присными; противоположный конецъ занимала свита до послѣдняго чело-вѣка, ибо никто не былъ исключенъ изъ гостепріимной трапезы; оруженосцы и конюшіе, наравнѣ съ своими владѣтелями, ѣли хлѣбъ соль Владыки, но только сидѣли ниже. Прислуга Митрополита приносила блюда и сама себя угощала за особымъ столомъ, въ той же залѣ: это была сцена изъ рыцарскаго романа.

Послѣ трапезы мы стали собираться въ обратный путь и еще однажды зашли въ соборъ, поклониться чудотворнымъ иконамъ Хахульской, Ацкурской и Гелатской Богоматери. Я посѣтилъ опять могилу великаго возобновителя Царя Давида, прощаясь съ нимъ какъ бы съ живымъ, ибо такіе люди не умираютъ и геніемъ своимъ

всегда присутствуютъ тамъ, гдѣ наиболѣе совершили великихъ дѣлъ. Братія проводила своего владыку за врата. Немного по выше посѣтили мы еще малую женскую обитель Преображенія, основанную Царемъ Давидомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сперва хотѣлъ онъ строить Гелать. Церковь тѣсна и убога; тамъ сохранились четыре древнія иконы Спасителя и Богоматери, изъ выпуклаго серебра. Нѣсколько убогихъ инокинь вышли принять благословеніе Митрополита; но, въ ихъ одеждѣ и въ полуобрушенныхъ келліяхъ, ничего не было похожего на бытъ монастырскій. Самая обитель Гелатская, хотя и богатая церквами и утварію, скудна помѣщеніемъ для братіи и числомъ монашествующихъ. Настоятель ея живетъ при архіерейскомъ домѣ въ Кутаисѣ, и когда бы самъ Владыка не посѣтилъ монастыря съ своею свитою, то древняя обитель Давидова предстала бы намъ въ запустѣніи, тѣмъ болѣе грустномъ, если вспомнить времена ея славы и кто былъ ея основателемъ.

ТАМАРИСЦИХЕ.

Солнце садилось , когда мы возвратились въ Кутаисъ , утомленные не столько дорогою , сколько внимательнымъ осмотромъ всѣхъ древностей Гелата. Слѣдующій день былъ назначенъ для отдыха , но я воспользовался утреннимъ временемъ , чтобы посѣтить за 10 верстъ отъ города , въ обширной долинѣ Ріонской , остатки бывшаго дворца Тамари или Тамарисцихе , гдѣ она скончалась. Груда развалинъ , какъ бы нѣкій холмъ , показываетъ , что зданіе было обширно , но уже нельзя разобрать

всѣхъ его частей подъ обломками; уцѣлѣла до половины круглая зала, сложенная изъ кирпича, въ самомъ центрѣ палатъ; стройный, высокій полусводъ еще виситъ надъ нею, угрожая ежечаснымъ паденіемъ, но отважные и доселѣ поднимаются на его вершину, чтобы оттолѣ насладиться обширнымъ видомъ на Ріонъ и окрестныя горы. Подлѣ развалинъ дворца стоитъ полуобрушенная придворная церковь, съ малыми остатками стѣнной живописи. Вся алтарная часть ея поросла густымъ плющемъ, который пустилъ толстые корни вверхъ по стѣнамъ и скрѣпляетъ ихъ, какъ бы желѣзными связями. Природа милостивѣе людей и сжалилась надъ остатками палатъ великой Царицы, которыя по частямъ и не весьма давно разобраны были для строенія новаго города. — И такъ вотъ гдѣ отдыхала Тамаръ отъ своихъ славныхъ подвиговъ! Не думаю, чтобы въ какой-либо исторіи существовало царственное лице, до такой степени сосредоточившее въ себѣ всѣ преданія, предшествовавшихъ и послѣдующихъ временъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь

свѣтлое и чистое отъ всякой укоризны, какъ сія Тамарь.

Двѣ знаменитыя поэмы, одна при жизни, другая по смерти, были написаны въ честь великой Царицы, лучшими поэтами Грузіи. Самая поэзія страны сей, изобразивъ въ пѣсняхъ своихъ славную ея владычицу, какъ бы отказалась воспѣвать что либо иное, и вдохновеніе эпическое угасло вмѣстѣ съ Тамарью; одни только лирическіе порывы, отъ времени до времени пробуждались въ пѣсняхъ народныхъ, въ которыхъ однако часто опять звучало ея волшебное имя. — Я слышалъ, что одна изъ сихъ поэмъ, собственно Тамаріяда, замѣчательна болѣе преодолѣніемъ трудностей языка, нежели духомъ поэзіи, ибо въ ней непрестанная игра словъ и часто повторяются рифмы, по срединѣ и на концѣ стиха. Но другая поэма, Барсова кожа, Шоты Руставеля, придворнаго пѣвца Царицы, который, какъ гласитъ преданіе, писалъ по вдохновенію любви къ сей недоступной владычицѣ его сердца, отзывается симъ нѣжнымъ чувствомъ и исполнена дѣвствен-

наго огня поэзіи. Я ознакомился въ переводѣ только съ первою ея пѣснью, но могъ оцѣнить по ней красоту всей поэмы.

Руставель перенесъ поприще ея въ счастливую Аравію и, не дерзая прямо указывать на царственные лица, изящными чертами представилъ ихъ, въ образъ иныхъ властителей вымышленнаго имъ царства. Могущественный Царь Георгій, оставляющій престолъ свой единственной дочери Тамари, является подъ именемъ славнаго Царя Ростевана, а юная дочь его Тиватина, солнце востока, есть поэтический образъ Тамари.

Въ Аравіи былъ Ростеванъ, Государь взлелѣянный
Богомъ,
Великій и щедрый и кроткій, мощный народомъ и
войскомъ,
Прозорливый умный судья, любившій и правду и
милость,
Умѣвшій владѣть и меча и рѣчей властительной
силой.

Имѣлъ онъ одну только дочь, юное солнце Востока,
Которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ
блеска;

Она отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце и душу;
Хвалить ее могъ лишь мудрецъ, языкомъ многозвуч-
нымъ высокимъ.

Царевна звалась Тинативой, и вотъ когда перси
прекрасной
Вполнѣ развились и стала она соперницей солнца;
Возсѣвъ величаво на тронъ, посреди визирей своихъ
вѣрныхъ,
Повелъ съ ними ласковый Царь благосклонныя цар-
скія рѣчи:

«Когда въ ароматномъ саду засохнетъ увядшая роза,
На мѣсто исчезнувшей тамъ появится роза иная;
Свѣтило ужъ гаснетъ и вотъ вы видите сумракъ без-
лунный.

Не лучше ль на тронъ возвести младую соперни-
цу солнца?»

Вельможи сказали Царю: «Государь, что смущаетъ
васъ старость?

Когда бы царица садовъ и увяла, довольны мы ею;
Ея ароматъ и краса плѣняли насъ долго и пышно,
И можетъ ли спорить звѣзда съ потухающей полной
луною?»

Сколько восточной поэзіи въ сей искрен-
ней бесѣдѣ Царя съ своими подданными!
Не забылъ и себя влюбленный поэтъ, подѣ

роскошными чертами юноши Автандила,
плѣненнаго Тинатиной.

Рожденъ отъ вождя, Автандиль, былъ первымъ вож-
демъ Ростевана.
Онъ станомъ стройнѣй кипариса, а ликомъ и свѣ-
телъ и ясенъ,
Еще безбородъ, но душею подобенъ кристаллу ал-
маза.
Густыя рѣсницы Царевны терзали въ немъ пылкую
душу.

Таилъ онъ на сердцѣ любовь и, въ долгой разлукѣ
съ прекрасной,
Лавить его розы гасили свой пурпуръ, но встрѣтись
Румянцемъ онъ вспыхивалъ вновь и рана опять рас-
крывалась.
Печальна нѣмая любовь, мертвить она юное серд-
це.

Юношу радуетъ возведеніе на царство
предмета его любви; онъ надѣется чаще
видѣть Тинатину, хотя и на престолѣ, окру-
женную всемъ блескомъ царскимъ. Между
тѣмъ Царь Ростеванъ объявляетъ всенарод-
но, о избраніи своей дочери, и самъ возво-
дитъ ее на тронъ.

Она почитала себя недостойною отчаго трона,
И полонъ слезою росы садъ пышно рдѣющей розы;
Отецъ говоритъ Тинатинѣ, а сладки отцовскія рѣчи:
«Пока не сбылось это, жегъ непрерывный огонь
мою душу!

На прахъ и на розу равно сіяетъ роскошное солнце,
И ты изливай свою милость равно на могущихъ и
слабыхъ,

Щедротой привяжешь ты всѣхъ, и тотъ, кто при-
вязанъ, ужь связанъ;

Щедроты Царей даютъ плодъ, какъ чинары цвѣ-
тущаго рая;

Напитки и яства полезны, но тщетно хранить ихъ
безъ нужды:

Подашь ихъ — себѣ же въ добро; чего не подашь,
то пропало »!

Радостно принимаетъ Тинатина роди-
тельскіе совѣты и въ тотъ же день открыва-
етъ свою сокровищницу подданнымъ, что-
бы ничего изъ принадлежавшаго Царевнѣ
не оставалось у Царицы.

Въ тотъ день раздарила она хранимое съ равняго
дѣтства,

Такъ, что исчерпалась вся кошница сокровищъ
обильныхъ.

Расхитили все, что дано, какъ будто добычу отъ боя:
И тучныхъ арабскихъ коней, и груды камней мно-
гоцѣнныхъ...

Такъ вихри метаютъ и рвутъ даянье обильное снѣ-
га....

Никто не забыть на пиру, нѣтъ гостя съ пустыми
руками!

Послѣ роскошнаго пира, внезапною ду-
мою омрачилось чело Царя. Старшій изъ
вельможъ, по совѣту Автандила, поднялся
съ кубкомъ въ рукахъ, разсѣять тайную
грусть владыки Арабовъ, и спросилъ его:
не отъ того ли мраченъ, что дочь его рас-
тратила щедрою рукою его богатства, и
не сокрушается ли о ея избраніи на цар-
ство? Улыбнулся Ростеванъ и благодарилъ
визиря за хитрость; въ рѣчахъ его отзы-
вается все благородство его духа:

«Кто говорилъ, что я скупъ, тотъ вѣрно хотѣлъ ска-
зать шутку;

Не то огорчаетъ насъ, нѣтъ, на сердцѣ иная забота:
Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, исчерпала дни
молодые,

А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
Кто могъ бы меня замѣнить вамъ навывкомъ рат-
наго дѣла.

Одна у меня только дочь, Царица, возросшая въ нѣгѣ,
А сына Богъ не далъ, и то печалью мой вѣкъ со-
кращаетъ....

Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ или въ мячъ игро-
ка удалаго!

Еще Автандилъ..... да и онъ отъ того, что воспи-
танъ былъ мною.»

Молча и гордо внималъ юноша царскія рѣчи,
И тихо склонясь улыбнулся; — прекрасенъ былъ
смѣхъ Автандила,

Блеснула зубовъ бѣлизна и рассыпался лучъ ея въ
полѣ.

Чтобы понять всю прелесть сего выра-
женія, которое можетъ казаться усилен-
нымъ, надобно посмотреть на смуглое ли-
це Арабское, когда улыбкою раскроется
жемчугъ зубовъ; и можно ли выразить
съ большею поэзіею дѣйствіе старости надъ
Царемъ?

«Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, исчерпала
дни молодые».

Автандилъ, довѣряясь милости Царя,
предлагаетъ ему смѣлый вызовъ: помѣ-
риться съ нимъ въ полѣ, предъ лицомъ все-
го войска, игрою въ мячъ или метаніемъ
стрѣлъ на ловлѣ, съ тѣмъ, чтобы побѣж-
денный ходилъ три дня безъ чалмы. Ми-

лостиво принять вызовъ. Царь назначаетъ себѣ для прислуги двѣнадцать оруженосцевъ, Автандилъ одного только вѣрнаго Шермандина; охотникамъ велѣно устроить обширную облаву и высмотрѣть больше звѣрей. На разсвѣтъ Автандилъ, весь вооруженный, въ золотой чалмѣ и пурпуровой одеждѣ, явился на бѣломъ конѣ, подъ окномъ Царя, и звалъ его на ловлю. Толпы любопытныхъ наполняли поле; Государь велѣлъ своимъ придворнымъ вести вѣрный счетъ выстрѣламъ и сравнивать раны на охотѣ. Описанія ея достойны эпической кисти старца Омира.

Вотъ ужъ стекается дичь, гонимая шумной облавой...
Пестро и огромно все стадо: тутъ прыгаютъ легкія серны.

Вѣтвисторогатый олѣнь и канджаръ и пугливья козы;

Соперники прянули къ нимъ.... смотрите картина прекрасна!

Вотъ луки и стрѣлы въ рукахъ, вращаемыхъ съ ловкою силой;

Копытами взрытая пыль клубится и день омрачаетъ,
Свистящія стрѣлы летятъ, окровавляють все поле,
Пустые колчаны Царя и вождя наполняютъ стрѣлами;

Подстрѣленный звѣрь недвижимъ, онъ падаетъ тутъ
же на мѣстѣ.

Помчались по лугу, согнали звѣрей въ необъятную
кучу,
И били ихъ грудами тутъ, такъ что прогнѣвали Бога.
Багровѣло поле отъ крови, соперники облиты ею,
Младой Автандилъ, какъ чинарь багряноцвѣтушій
въ Эдемѣ.

Но вотъ Ростеванъ съ Автандиломъ ужъ минули
поле до края,
За полемъ струится рѣка и скалы нависли надъ нею,
Пугливые звѣри бѣгутъ и кроются въ лѣсъ недо-
ступный,

Отстали отъ нихъ два ловца, утомленные долгою
битвой.

Они говорили другъ другу съ улыбкой: побѣда за
мною.

И шутки мѣнялись у нихъ какъ у равныхъ товари-
щей поля.

Они спрашиваютъ у прислуги, кто изъ
нихъ побѣдитель? и оруженосцы, не стра-
шась царскаго гнѣва, объявили, что изъ
двухъ тысячъ звѣрей, убитыхъ въ облавъ,
сочитали они двадцать стрѣлъ Автандило-
выхъ болѣе нежели царскихъ, и Царь цѣ-
нилъ слова ихъ, какъ нѣкій выигрышъ:

Онъ радовался побѣдѣ питомца и любовался имъ, какъ соловей своей розой. Оба съѣли отдохнуть подѣ тѣнью дерева, на берегу потока. Здѣсь начинается завязка поэмы: Аравійскій Царь видитъ юношу, носящаго барсову кожу, которая даетъ это названіе всему творенію Руставеля.

Смотрятъ, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ
и плачетъ,
Покоясь какъ левъ, въ поводу онъ держитъ коня
вороного,
Оружье, сѣдло и приборъ, разубраны жемчугомъ
пышно.....

Плачь сердца слезами тоски обрызгалъ свѣжую розу.

Могучіе члены красавца окинуты кожею барса
И барсовой кожей покрыто чело молодого героя;
Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Го-
ліаѳа...

Узрѣли и взоровъ отвѣсть не могли, удивляясь ви-
дѣнью.

И посланъ слуга пригласить юношу полного скорби,
Поникшаго блѣднымъ челомъ, съ очами безъ жиз-
ни и взора,
Слезы хрустальнымъ дождемъ капаютъ съ рѣсницъ
его черныхъ....

Слуга подошелъ и молчитъ, не до рѣчей ему стало.

Тутъ море тоски, онъ не можетъ слышать послан-
ника рѣчи,

Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ
вдоль по зарѣчью;

Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя,
Плачь съ кровью изъ глазъ выступалъ, какъ волны
сквозь щели преграды.

Проникнутый ужасомъ рабъ донесъ ему царскую во-
лю,

А юноша плача не внемлетъ, онъ чуждъ впечатлѣ-
нiя жизни,

Далеко леталъ онъ душою подъ мрачнымъ вліяні-
емъ думы.

Осмѣлился посланный вновь донести ему зовъ Госу-
даря....

Онъ устъ не раскрылъ, этихъ устъ, подобныхъ мла-
денчеству розы.

Оскорбился Царь, пренебреженіемъ его
зова, и велѣлъ двѣнадцати оруженосцамъ
силою привести къ нему сидящаго у по-
тока; тогда только очнулся незнакомецъ,
услышавъ звукъ оружія, тяжело вздох-
нулъ,

Руку лишь поднялъ къ очамъ, слезы горячія вы-
жалъ,

Поправилъ оружье, потомъ ободрилъ мускулистыя
руки,

Сѣлъ на коня и поѣхалъ сторонкой, не бросивъ на
стражу

Ни взора вниманья, Царю не выѣчивъ сердца въ
недугѣ.

Но войны руки простерли, чтобъ взять молодого
упрямца.....

Горе! что съ ними сбылось, то видѣть врагу бы-
ло бѣ жалко!

Онъ билъ другъ объ друга ихъ всѣхъ, для помо-
щи не было мига;

Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя
грудн.....

Разгнѣванный Царь устремился за нимъ
въ погоню со всѣми воинами; но Барсова
кожа металъ людьми въ людей и въ прахъ
обращалъ настигавшихъ:

А самъ онъ, гордъ и безпечень, ѣдетъ и зыблется
станомъ,

Конь его движется тише, чѣмъ лучъ разостлавшій-
ся въ полѣ.

Увидѣвъ же близко Царя, стегнулъ онъ кнутомъ
свою лошадь,

И мигомъ отъ взоровъ исчезъ какъ молнія! — По-
хоже то было,

Что онъ или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ прова-
лился сквозь землю;

Искали слѣдовъ, не нашли и слѣда забытаго въ
полѣ;

И молвилъ задумчиво Царь: конецъ моихъ радостей
близокъ,

Вижу наскучило Богу веселье дней моихъ долгихъ,
Время смѣнить ихъ душѣ, раскаянья скорбными днями;
Отнынѣ я въ гробъ понесу непсѣлимую рану,
Но воля да будетъ Творца, то воля его благодати.

Тогда глубокое уныніе овладѣло опять
Царемъ; молча заключился онъ въ свои палаты.
Кроткая Тинатина тихо подошла
къ почивальнѣ отца, и услышавъ отъ придворныхъ
о его тяжелой печали, не смѣла
взойти, ожидая родительскаго зова.

Время прошло и спросилъ: «а желанная дочь моя
гдѣ же?

Вода моя мирная, радость, веселье дней моихъ долгихъ,

Зовите, какъ могъ я безъ ней нести мое бремя печали?

Пусть горе развѣетъ мнѣ лаской, пусть язвы мнѣ
сердца излечить.»

Послушна родительской воли, вошла въ почивальню Царица,

Подобная лику луны, когда она въ полномъ сіяньи.

Горестный родитель рассказалъ ей печальное событіе ловли и о дивномъ незна-

комцѣ, который, истребивъ его воиновъ,
изчезъ предъ ними, какъ духъ.

«И сладость даровъ Всемогущаго стала мнѣ горестью
лютой,
Забылъ я тѣ дни, когда жизнь мнѣ улыбалась крот-
кимъ весельемъ.»
Но дочь говоритъ: «доложу мое неразумное слово;
Къ чему, Государь, безъ нужды роптать на судьбу
и на Бога?
Свершится ли бѣдствіе съ тѣмъ, кто былъ виновни-
комъ блага?
Отецъ мой, вы Царь надъ Царями, обширна Ара-
вія ваша,
Пошлите повсюду гонцевъ развѣдать о томъ незна-
комцѣ,
И скоро вы будете знать, человѣкъ онъ иль духъ
бездѣлесный?»

Гонцы разосланы по всѣмъ предѣламъ
Аравіи, и спустя годъ возвратились съ вѣ-
стію, что нигдѣ не могли найти чуждаго
юношу, въ барсовой кожѣ.

Царь выслушалъ все и сказалъ: «мудро судила Ца-
рица.
Скитающій духъ то предсталъ, отверженный выся-
ми неба,

И онъ то меня обаялъ навожденіемъ силы нечистой.
Покинемъ же грусть и печаль и будемъ счастливы
какъ прежде!»

Но спокойствіе Царя не успокоило великой души его дочери; она непременно хочетъ узнать, кто былъ наконецъ этотъ таинственный витязь, и выборъ ея палъ на Автандила, для исполненія сего труднаго подвига.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небреженъ сидѣлъ въ своей спальнѣ,
Безпечно онъ пѣлъ, подъ перстами звучала стогласная арфа...

Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тиватины:

«Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ луноликой!»

Судьба привела, наконецъ, Автандилу быть позвану къ милой.

Онъ всталъ и одѣлся въ кабу, драгоценнѣйшей ткани Востока.

Онъ радъ, онъ спѣшитъ въ первый разъ на свиданіе къ розѣ...

О сладко любезную видѣть и сердцемъ быть близко къ желанной!

Съ достоинствомъ чистой души идетъ Автандилъ величавый

Къ тѣмъ взорамъ, чей лучъ непорочный такъ много далъ слезъ ему тайныхъ.

Она, несравненная, краше луны перловидной, сидѣла,
И будто сурова, красуясь, какъ молнья блистала
очами.

Какъ скромно и вмѣстѣ какъ нѣжно
невольное сознаніе ея любви, ради коей
она требуетъ отъ своего витязя, идти успо-
коить родителя и отыскать по бѣлому свѣ-
ту, незнакомца въ барсовой кожѣ.

«Хотя на устахъ у тебя лежитъ заповѣдная тайна,
Но слухи дошли до меня о чувствѣ, хранимомъ то-
бою:

Я знаю, глаза непрерывно свой жемчугъ кропятъ на
ланы;

Ты розой уколоть, ты любишь и страждешь въ плѣ-
ну твое сердце.

Исполни же просьбу мою, вдвойнѣ я владѣю тобою:
Ты подданный мой — и тебѣ нѣтъ соперника въ
царствѣ;

Потомъ, говорятъ ты влюбленъ... но надежны ли
слухи объ этомъ?

Ищи же, далеко ли близко ль, гдѣ бъ ни былъ из-
чезнувшій воинъ.

Три года дано тебѣ срока: иди, выполняй пору-
ченье:

Отыщешь, лети побѣдитель, съ веселою вѣстью къ
Царицѣ,

Не сыщешь — повѣрю, то правда, онъ духъ безтѣ-
лесный, незримый!

И розу тебѣ сохраню, какъ даръ непорочный и чи-
стый.»

Восторгъ юноши, которому впервые от-
крылось все его счастье, описанъ слиш-
комъ цвѣтистыми красками Востока, что-
бы можно было передать ихъ вѣрно на
языкъ, не привыкшемъ къ такимъ выра-
женіямъ; но печаль разлуки описана болѣе
доступною кистію. — Автандилъ является
къ Царю и проситъ дозволенія идти сра-
жаться съ его врагами, обѣщая поразить
ихъ въ сердце, могучимъ мечемъ Тинати-
ны, чтобы всѣ народы вѣдали ея славу; и
Царь его отпускаетъ съ честію, хотя не
безъ тайной скорби. Двадцать дней и но-
чей ѣхалъ отважный путникъ,

И всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ
его сердцѣ.

Онъ имѣлъ на границѣ городъ, крѣп-
кій и страшный для сосѣдей; тамъ, со-
бравъ войска на тридневную ловлю, от-
крылъ вѣрному другу Шермандину тайну
своего сердца.

«Я молодъ, я жажду служить лучезарной Царицѣ
Арабовъ;

Она утолила мой огонь отраднымъ елеемъ надежды,
И я ль уклонюсь отъ бѣды, я ль не пойду къ ней
отважно?

Надежныхъ гонцевъ отъ себя посылай къ Царю за
вѣстями,

И всякую мысль устрани, что нѣтъ меня здѣсь на
границѣ;

Въ охотѣ и битвахъ своихъ старайся быть сход-
нымъ со мною,

Свято храни мою тайну и жди меня ровно три года;
Если чинарь не падеть, онъ вновь осѣнитъ тебя
тѣнью,

Если же въ срокъ не вѣрнусь, плачь по мнѣ во-
племъ посмертнымъ

И бѣднымъ раздай по душѣ богатую милость казною.»

Съ трепетомъ услышалъ Шармандинъ
последнюю волю любимаго вождя; напрас-
но умолялъ онъ Автандила, позволить ему
раздѣлить съ нимъ славный подвигъ; гор-
до отвѣчалъ юноша :

«Одинъ я Царицею посланъ, одинъ я свершу мое дѣло;
Не сыплется даромъ жемчугъ, когда онъ не куп-
ленъ трудами;

Бѣдствіе губить равно одного человѣка и многихъ.
Паду ль и одинъ, если Богъ сохранить меня сила-
ми неба?

Онъ послалъ трогательное завѣщаніе своему народу, поручая его на время вѣрному намѣстнику Шармандину:

«На время рѣшился я бросить радости нѣги и чаши,
А пищу свою возложить на промыслъ, да лукъ съ
тетивою.

Лежить на мнѣ бремя и долгъ покинуть родимыя
горы,

И можетъ быть нѣсколько лѣтъ одинокимъ быть
странникомъ въ мірѣ.

Да будетъ вамъ вмѣсто меня Шармандинъ мой на-
мѣстникомъ царства,

Пока отъ меня не получить онъ вѣсть о судьбѣ мо-
ей темной».

Окончивъ завѣтъ сей, онъ водозвучный и сладко-
рѣчивый,

Собрался въ безвѣстный свой путь, всталъ опоя-
савъ златомъ,

Выйдя на лугъ, онъ вскочилъ на коня, повернулъ
его ловко

И быстро помчался въ свой путь одинокій... А въ
мысляхъ печальныхъ

Всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ
его сердцѣ.

Такова первая пѣснь этой восточной поэмы, исполненной вдохновеніемъ палящаго неба Грузіи, и любовію сердца Рустваеля. Къ сожалѣнію, я не могъ про-

честь остальныхъ ея пѣсень, еще ожидающихъ перевода того же поэта Бартдинскаго. Если есть нѣкоторыя погрѣшности въ гекзаметрахъ, это не мѣшаетъ однако достоинству самой поэмы. Дадіанъ, который передавалъ ему мысли и слова, съ языка чуждаго переводчику, будучи самъ проникнутъ родною поэзіею, умѣлъ отгадывать свойственныя ей выраженія на языкѣ Русскомъ, не вполне ему извѣтномъ. Онъ непрестанно твердилъ мнѣ стихи Руставеля, и я съ удовольствіемъ внималъ имъ на самыхъ мѣстахъ, прославленныхъ его лирой, предъ остатками палатъ той великой Царицы, которой посвятилъ онъ чистые восторги своего сердца. Нѣкоторыя черты его поэмы какъ бы олицетворились передо мною въ слѣдующее утро, на праздникъ народномъ въ Хони, гдѣ древній бытъ Имеретіи предсталъ мнѣ въ играхъ и ристалищахъ, подобныхъ тѣмъ, какія описывалъ Руставель въ своей Барсовой кожѣ.

Х О Н И.

Всѣ почетные жители Кутаиса устремились на праздникъ Св. Георгія, за 30 верстѣ въ селеніе Хони. Церковь его весьма древняя, вросшая въ землю, основана была еще въ первые вѣка Христіанства, по случаю побѣды, одержанной Лазами надъ Гуннами, которые вторглись въ Колхиду изъ за Кавказскаго хребта. Но преданіе народное, не охотно восходящее дальше Тамари, приписываетъ и сію церковь ея благочестію. Мы поспѣли къ началу обѣд-

ни; Владѣтель Абхазіи ожидалъ насъ въ тѣсномъ храмѣ, исполненномъ народа; три священника служили литургію, но, не смотря на большое стеченіе богомольцевъ, не было великолѣпія въ утвари церковной. По окончаніи службы, покамѣсть духовенство собиралось выдти для молебна, на обширный лугъ передъ храмомъ, мы поспѣшили осмотрѣть его древности. Мало стѣнной живописи сохранилось, кромѣ какъ въ алтарѣ, гдѣ еще видѣнъ на горнемъ мѣстѣ Деисусъ съ Ангелами, пріобщеніе подѣ двумя видами и Пророки въ кругахъ. Замѣчательна, на лѣвой стѣнѣ у иконостаса, древняя икона Великомученика въ ростъ, въ $2\frac{1}{2}$ аршина, изъ выпуклаго чеканнаго серебра. Онъ изображенъ стоящимъ, а не на конѣ, ибо такой образъ писанія гораздо новѣе. На немъ броня чешуйчатая изящной работы, съ наручниками и поножами, во вкусъ рыцарскихъ вооруженій; мантия поверхъ брони; одною рукою онъ держитъ копье, другою опирается на кованый щитъ, Спаситель съ Ангелами изображенъ надъ его главою, въ

серебряномъ полѣ. По надписи видно, что великолѣпный окладъ пожертвованъ Царемъ Георгіемъ, сыномъ Баграта Куропалата, въ лучшую эпоху искусства. Еще одна надпись свидѣтельствуетъ о вторичномъ украшеніи иконы:

«Велика слава Господа, который далъ намъ силу достойно служить ему; но ты, для твоего Владыки, въ каждый изъ трехсотъ шестидесяти пяти дней, непрестанно мучился и, въ воздаяніе за сіи мученія, толикокрatнымъ же числомъ чудесъ одаренъ, о вѣрный служитель Св. Троицы, глава мучениковъ Св. Георгій Хонскій! Съ надеждою къ тебѣ прибѣгаю, я властитель Леванъ Дадіанъ, чтобы ты не удалилъ милости твоей, въ сей жизни, отъ меня и отъ супруги моей; сохрани и даруй мнѣ побѣду.»

Къ сему большому образу прислонена малая икона Божіей матери, такъ называемая Анчисхатская, вѣроятно потому что перенесена была изъ Тифлискаго собора сего имени. Тутъ же и выносный крестъ Царя Баграта, съ ликами Господа и свя-

тыхъ, выкованный изъ серебра при Архіепископѣ Захаріи, какъ видно изъ надписи. Есть еще одна небольшая икона Св. Георгія на конѣ, въ иконостасѣ, драгоценная по своему украшенію изъ крупной бирюзы. Она была пожертвована великимъ Леваномъ Дадіаномъ, по случаю его победы надъ соединенными силами Царей Имеретинскаго и Кахетинскаго, при замкѣ Багдадѣ близъ Кутаиса. Такъ гласитъ громкая надпись на задней доскѣ:

«Седьмикратно непобѣдимый великомученикъ Св. Георгій Хонскій и Анчисхатскій! пожертвовали и поставили въ храмъ твоёмъ, образъ сей, мы, Государь Дадіанъ Леванъ, въ то время, когда сражались въ Багдадѣ, противъ Царя Георгія и Кахетинскаго властителя, и силою твоею мы побѣдили: самого Царя взяли въ плѣнъ и всѣхъ Имеретинскихъ и Кахетинскихъ вельможъ, а нѣкоторые ушли; Царь же Кахетинскій былъ Теймуразъ и при немъ его дѣти. Въ тоже время взяли мы городъ Чхари и всѣхъ жителей перевели въ Зугдидъ, построили и украсили го-

родъ Ругскій. Нынѣ же пожертвовали и поставили сію икону въ храмъ твоёмъ, и еще даровали въ Хони одинъ дымъ, ради долгоденствія нашего, и супруги нашей Царицы Нестанъ-Дареджани, и сына нашего первороднаго Александра и Манучара, дабы они возрасли, и ради отпущенія грѣховъ моихъ; совершенъ же и украшенъ въ годъ хроникона 324 (1636)».

Икону сію, съ большимъ торжествомъ, вынесли на обширный лугъ, оѣсенный вѣковыми липами, посреди селенія, для того чтобы весь народъ могъ участвовать въ молитвѣ; самая мѣстность благопріятствовала въ Хони такого рода собраніямъ. Величественно было это молебствіе подъ открытымъ небомъ, въ тѣни столѣтняго дерева, при вѣяніи церковныхъ хоругвей. Около духовенства составилъ тѣсный кругъ конныхъ и пѣшихъ, изъ почетныхъ князей Имеретіи, въ полномъ вооруженіи; толпа народа покрывала всю обширную площадь, въ глубокомъ безмолвіи, и только послѣ молебна слышались радостные выстрѣлы. Когда окончилось богослуженіе,

начались игры, не измѣняющіяся съ неза-
памятныхъ временъ и какъ бы освящен-
ныя Церковію. Клирики вынесли изъ хра-
ма огромный мечъ и бросили его въ тол-
пу; народъ раздѣлился на двѣ стороны: ка-
ждая хотѣла отвлечь къ себѣ мячъ. Та,
которая гнала его обратно къ церкви, при-
надлежала дому старшихъ князей Имере-
тіи, Сехніи; на противоположной сторонѣ
были всѣ прочіе Имеретинскіе князья. Де-
вяностолѣтній старецъ Сехніа, представи-
тель своего рода, сидѣлъ подѣ деревомъ,
окруженный домашними, и возбуждалъ на-
родъ взглядомъ и рѣчью, ибо успѣху или
неудачѣ суевѣріе народное приписывало
благоденствіе и несчастіе цѣлаго года.
Свалка сдѣлалась ужасная: конные и пѣ-
шіе бросались на мячъ и палками стара-
лись отогнать его въ свою сторону; мно-
гіе падали подѣ лошадей, дикими воплями
оглашалась вся площадь. Два раза партія
Имеретинская отбивала мячъ и оба раза
одолѣвалъ Сехніа. Наконецъ клирики, вос-
пользовавшись близостію мяча къ церкви,
выхватили его изъ рукъ народа и поспѣш-

но унесли во внутренность храма, чтобы успокоить волненіе.

Немного спустя начались конскія скачки. Надобно видѣть нарядную одежду Имеретина, чтобы понять всю прелесть сего ристанія: верхняя темная чуха его, съ серебряными галунами и патронами, стянутая поясомъ съ золотыми насѣчками, обнаруживаетъ въ одно время и широту богатырскихъ плечъ и стройность гибкаго стана, созданнаго для тѣлесныхъ упражненій. Легкая сафьянная обувь, какъ будто вылита по щегольской ногѣ, замѣчательно малой въ сравненіе высокаго роста Имеретинъ; она вооружена острою шпорой, мучительною для лошадей; по короткости Азіятскихъ стремянъ, безъ которой однако никто изъ наѣздниковъ не садится на коня. Странно, откуда этотъ рыцарскій обычай могъ проникнуть на Черное поморіе, когда въ сосѣдней Грузіи и Арменіи никто не носитъ шпоръ. Густые, развѣвающіеся волосы украшены, а не покрыты, плоскою круглою шапочкою, съ серебряными узорами по черному полю и съ краснымъ под-

боемъ, которая едва держится на тонкомъ шнуркѣ; она придаетъ много оригинальной красоты правильнымъ лицамъ, съ ихъ черными усами и огненнымъ взоромъ. Многіе изъ нихъ казались списками съ лица Багратова, которое такъ впечатлѣлось въ моей памяти послѣ фресковъ Гелата, и можетъ служить вѣрнымъ типомъ Имеретинскаго облика. Эта шапочка, которую одинаково носятъ все жители поморія, Имеретины, Мингрельцы и Абхазцы, есть ничто иное, какъ древняя скіавія Грековъ, и безъ сомнѣнія перешла отъ нихъ въ покоренную ими Колхиду.

Ристаніе началось скачкою въ запуски: два ряда всадниковъ выстроились на лугу; промежду нихъ носились, по два и по три, самые отчаянные наѣздники, на быстрыхъ Имеретинскихъ бачахъ и кровныхъ Карабахскихъ жеребцахъ; ихъ сбруи и сѣдлы блистали Азіатскою роскошью. Нѣсколько разъ летали назадъ и впередъ тѣ же всадники, при одобрительныхъ кликахъ народа, и судьи изъ князей провозглашали побѣдителей. Другой награды не было и не

искали; каждый оставался доволенъ своимъ удалствомъ. Послѣ скачки составилъ кружокъ для иной конной игры, собственно Арабской, джериды. Отборные всадники, на лучшихъ коняхъ, раздѣлились на двѣ дружины, и одинъ за другимъ выскакивали впередъ, чтобы бросить длинную палку въ противника; быстро, на всемъ скаку, обращали они своихъ коней и какъ вихрь кружились кони на заднихъ ногахъ; но отъ строгости удилъ и шпоръ много страдали, подъ своими ловкими всадниками. Два молодыхъ князя особенно отличались съ обѣихъ сторонъ: одинъ, на золотистомъ конѣ Карабахскомъ, въ зеленой бархатной чухѣ, не старше пятнадцати лѣтъ, всѣхъ искуснѣе металъ джеридъ; другой, нѣсколько по-старше, на бѣломъ конѣ, въ пестромъ ахалукѣ изъ Персидской шали, изумлялъ своимъ наѣздничествомъ. На нихъ обращено было общее вниманіе, и дѣйствительно всѣ ихъ движенія были картинны, особенно когда съ мѣста пускали коня или внезапно осаживали его другъ передъ другомъ. Тотъ, что на бѣломъ ко-

нѣ, долженъ былъ еще всякій разъ съ нимъ бороться, когда хотѣлъ двинуть впередъ: какъ только вонзалъ шпоры раздраженный всадникъ, бурно взвивался подъ нимъ его конь, съ такими дикими прыжками, что казалось не могъ онъ усидѣть; но всадникъ какъ бы приросъ къ сѣдлу, гибкостію стана слѣдуя за всѣми движеніями лошади и, новыми усиленными ударами шпоръ, побѣждалъ ее упорство, прежде нежели состязаться съ соперникомъ; на лицѣ его была написана увѣренность въ своемъ искусствѣ, съ чувствомъ самодовольствія, что столько было свидѣтелей его побѣды.

Игра продолжалась, доколѣ наконецъ утомленіе всадниковъ и ихъ коней не заставило ее прекратить. Тогда начались хороводы и пляски, отдѣльными кружками подъ тѣнію липъ, и веселье не прерывалось до самаго вечера.

МИНГРЕЛІЯ. МАРТВИЛЬСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Не болѣе 15 верстъ отъ Хони до Март-
виля, каѳедральной обители Епископовъ
Мингрельскихъ и вмѣстѣ погребальной для
рода Дадіановъ; но нельзя было переѣхать
черезъ бурную рѣку Цхени-цкали, или кон-
скія воды, которая до такой степени под-
нялась отъ дождей, что даже не всякій
отважный всадникъ рѣшался ее переплыть.
Мы принуждены были спуститься 20 верстъ,
по лѣвому ея берегу до Марани, гдѣ хо-

дигъ паромъ, потому что тамъ бурный потокъ дѣлается болѣе спокойною рѣкою: это граница Имеретіи и Мингреліи. Поданные Дадіана встрѣтили брата своего владѣтельнаго Князя, со всѣми знаками любви и уваженія; верховыя лошади, посланныя къ намъ на встрѣчу Владѣтелемъ, ожидали на противоположномъ берегу. Я отправилъ коляску до устья Цхени-цкали, чтобы спустить ее по Ріону въ Редутъ-кале, и верхомъ продолжалъ путешествіе по Мингреліи. Великолѣпная растительность поражала при первомъ шагѣ: густой лѣсъ, изъ самыхъ роскошныхъ деревъ юга, тянулся вдоль берега, перевитый весь лозами дикаго винограда. Солнце садилось, когда мы ступили на землю Мингрельскую; мнѣ пріятно было видѣть радость Дадіана, какъ только почувствовалъ себя на родной землѣ; онъ не могъ насытиться бесѣдою съ окружающими его соотечественниками, которыхъ свободное обращеніе было однако проникнуто глубокимъ благоговѣніемъ, что совершенно свойственно Востоку. Первую ночь провели мы въ Марани, въ дубовомъ

домъ, устроенномъ Владѣтелемъ, по случаю частыхъ своихъ проѣздовъ.

Рано собрались мы въ путь, чтобы засвѣтло достигнуть Мартвиля, отъ котораго отдалились почти на 40 верстъ, а намъ еще надлежало посѣтить дорогою Епископа Мингрельскаго Антонія, изъ рода Дадіановъ, въ его помѣстьи, гдѣ ожидалъ насъ Владѣтель Абхазіи. Селеніе Антопъ разсѣяно въ чащѣ лѣса, около убогой деревянной церкви, и двѣ небольшія избы, похожія на Малороссійскія хаты, составляли лѣтнее жилище Епископа; онъ уступилъ одну изъ нихъ Владѣтелю. Послѣ обильной трапезы, Антоній, предложилъ намъ свою коляску до Мартвиля, и не смотря на дурныя дороги, мы довольно рано поспѣли въ обитель, чтобы насладиться ея очаровательнымъ видомъ, еще до захожденія солнца. Издали она уже видна на высокомъ холмѣ, поросшемъ лѣсомъ, который подымается одиноко и какъ бы назнаменованъ для великаго событія. И дѣйствительно оно совершилось: по мѣстнымъ преданіямъ, на этомъ холмѣ водрузилъ Св.

Апостолъ Андрей Первозванный первый крестъ въ предѣлахъ Мингреліи, какъ у насъ на горахъ Кіевскихъ, срубивъ древній дубъ, осѣнявшій языческое требище: посему церковь носить названіе Чконъ-ди-ди, т. е. большого дуба, и это обратилось въ титулъ епархіи, ибо Епископы Мингреліи называются Чконъ-дидели; Мартвиль же есть болѣе древнее наименованіе мѣста, и означаетъ по Мингрельски мученика, потому что до проповѣди евангельской, тутъ приносились человѣческія жертвы, и вѣроятно это самое побудило Апостола, избрать сіе мѣсто для водруженія искупительнаго креста.

Нельзя было иначе подняться на вершину холма, какъ только верхомъ или пѣшкомъ, въ чащѣ лѣса, переплетеннаго виноградными лозами; онѣ перебѣгали съ дерева на дерево, связывая ихъ роскошными плетеницами, въ одну очарованную дубраву; кое-гдѣ были разсѣяны хижины и разнообразили собою дикую прелесть холма. На усѣченной его вершинѣ, нѣкогда

обнесенной стѣнами и недоступной по своимъ обрывамъ, возвышается древняя обитель, въ которую нельзя иначе проникнуть какъ сквозь тѣсныя врата колокольни. Но какіе очаровательные виды открываются во всѣ стороны, съ западной площадки холма, осѣненнаго тремя вѣковыми дубами! Вся Мингрелія и Имеретія у ногъ вашихъ до самаго моря; къ полдню излучистое теченіе Цхени-цкали рисовалось, какъ бы на картѣ, по долинь Мингрельской, и бѣлѣли Хони съ окрестными селеніями; горы Гурійскія кончали горизонтъ, а ближе къ западу, на тройной вершинѣ холмовъ, виднѣлись развалины Наколакеви, древней столицы Медеи, и море, въ вечернихъ лучахъ солнца, золотою чертою довершало картину. Къ сѣверу живописное ущеліе Абаши манило въ дальній снѣжный хребетъ Сванетскихъ горъ, которыми грозился старецъ Кавказъ, а на востокъ тянулась другая его мощная отрасль Лечгумская, съ свѣтлою вершиною Квамли, одного изъ семи исполиновъ горнаго хребта. Все сіе чудное зрѣлище, угасавшее предъ нами вмѣстѣ съ

солнцемъ, возсіяло опять изъ утреннихъ тумановъ, съ первыми лучами дня.

Настоятель Мартвильскій съ семью иноками, которые составляли все братство обители, встрѣтили торжественно брата своего Владѣтеля, и отпѣли для него панихиду надъ гробомъ родителей. Грустно было первое впечатлѣніе погребальнаго монастыря, для Дадіана, который лишился сперва матери а потомъ отца, во время долгаго своего отсутствія въ Россіи; я старался, сколько можно, сократить пребываніе наше въ церкви, чтобы не возбуждать въ немъ печальныхъ думъ. Соборная церковь, во имя успенія, не обширна и напоминаетъ внутреннимъ устройствомъ Сіонскую, что въ долину Атенской. Если вѣрить Греческой надписи, начертанной красными буквами, при входѣ въ жертвенникъ, то должно почитать основателемъ храма Константина великаго, ибо онъ тутъ изображенъ держащимъ въ рукахъ церковь, а надпись гласитъ: «Константинъ Государь создалъ Чкон - дидскую церковь.» Трудно однако отнести къ его времени храмъ

сей, хотя и весьма древній. Въ лѣтописи Грузинской Вахуштїа сказано, что его соорудилъ Георгій Владѣтель Абхазскій, отецъ Константина, провозглашеннаго Царемъ Карталинскимъ въ X вѣкѣ, и весьма вѣроятно, что въ подписи подразумѣвается сей Константинъ, украсившій быть можетъ обитель. Паперть, съ двумя придѣлами Архангеловъ и успенія, также погребальными, пристроена гораздо позже, и испортила наружный фасадъ. Есть еще одинъ придѣлъ успенія, въ застѣнкѣ близъ Архіерейскаго мѣста, и Св. Георгія подлѣ алтаря, гдѣ теперь ризница.

Главный престолъ мраморный, на пяти столбикахъ, воздвигнутъ надъ корнемъ дуба, срубленнаго Апостоломъ, и это преданіе должно быть близко Русскому сердцу, по сходству отечественныхъ воспоминаній. Великолѣпное евангеліе Св. Георгія Святоторца, подобное тому что въ Гелать, доселѣ служитъ на престольнымъ. Ликъ Влахернской Божіей Матери, съ Архангелами и Святителями, видѣнъ на горнемъ мѣстѣ. Чудотворная икона Мартвильской Богомате-

ри хранится въ церкви, въ особенномъ кивотѣ: она представлена стоящею, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ и Ангелами по сторонамъ; около нее, въ эмалевыхъ кругахъ, изображены верховные Апостолы и Евангелисты и Св. Мартиніянъ и Тарасій, вѣроятно бывшіе патронами первыхъ украшителей иконы, а на позлащенномъ, новѣйшемъ ея окладѣ, изваяны чеканною работою Св. Троица, тѣ же Апостолы и Святители Николай и Спиридонъ; тутъ же, промежду драгоценныхъ камней, вставлены два камня отъ Св. гроба, и два креста съ частями животворящаго древа. Икона сія есть завѣтная святыня всей Мингреліи и къ ней съ большимъ усердіемъ стекаются богомольцы. Подлѣ нее, въ деревянномъ кивотѣ, хранится еще одинъ древній образъ Богоматери, въ золотой ризѣ, перстъ Іоанна Предтечи, два жемчужныхъ креста и нанагія, съ животворящимъ древомъ. Святыня сія, какъ гласитъ надпись, ввѣрена храненію Пречистой Дѣвы Мартвильской, Митрополитомъ Гавріиломъ, сыномъ Бежана Дадіана, который собралъ кресты из-

давна утраченные и вновь ихъ украсилъ, внушая своимъ преемникамъ носить ихъ во время богослуженія; но строгая клятва произнесена имъ, на тѣхъ изъ Дадіановъ, Епископовъ или Князей, которые когда либо осмѣлятся взять сіе сокровище изъ обители.

Мѣстная икона Богоматери довольно богато украшена Епископомъ Евдемономъ, изъ рода Абакидзе, въ 1651 году, судя по молитвенной надписи. — Онъ проситъ превысшую Херувимъ, принять отъ него сіе даяніе, какъ божественный Сынъ ея принялъ двѣ лепты отъ вдовицы. Храмовой образъ Спасителя недавно украшенъ Митрополитомъ Гавріиломъ, при покойномъ владѣтель Леванъ, и все его семейство поименовано въ молитвѣ, въ низу образа. Есть еще три малыя иконы Богоматери, богато украшенныя надъ жертвенникомъ, въ придѣлѣ Архангеловъ и на гробѣ послѣдней Владѣтельницы Марѣы. Надписи почти всѣ одного содержанія; древнѣйшая изъ нихъ относится къ великому Левану:

«О всепѣтая Божія невѣста, Дѣва, пре-

высшая семи небесъ и славнѣйшая Херувимъ, надежда и прибежище всѣхъ Христіанъ, Матерь свѣта, пресвятая Мартвильская Богородице! Молю тебя, упованіе мое, я Дадіанъ Леонъ, сынъ Владѣтеля Манучара, который возобновилъ образъ твой, по обстоятельствамъ истертый и разбитый; я велѣлъ оковать его нашимъ серебромъ и вызолотить, осыпать и украсить нашими рубинами и жемчугами, во спасеніе супруги нашей, владѣтельницы Нестанъ-Дареджани, и во оставленіе грѣховъ ея и въ возвращеніе сыновъ нашихъ, Александра и Манучара, и дочери нашей Зилихани; по хроникону 329 года (1662)».

Если кто хочетъ изучить родословіе Дадіановъ, тотъ можетъ прочесть его въ лицахъ, хотя и не полное, на стѣнахъ Мартвильскаго храма, какъ фрески Гелата знакомятъ съ династією Царей Имеретинскихъ. Я говорю не полное, потому что прежнее поколѣніе Дадіановъ, начиная отъ великаго Маміи, въ XIV вѣкѣ, погребалось или въ обители Бедіи, которой развалины еще видны въ Самурзаханской области, или въ су-

ществующемъ донынѣ монастырѣ Хопи. Тамъ славный воитель Вамекъ собралъ, изъ покоренныхъ имъ земель Черкесскихъ, мраморные остатки Греческихъ колоннъ, которыя доселѣ встрѣчаются въ горахъ на древнемъ торговомъ пути, нынѣ оставленномъ. Второе поколѣніе Дадіановъ, потомковъ Липарида, который объявилъ себя независимымъ, послѣ раздѣленія Грузіи въ XV вѣкѣ, избрало себѣ усыпальницею горную обитель ^{Уфа}Фелинджихи, въ сѣверной части Мингреліи; тамъ и доселѣ видны ихъ гробовые памятники, съ изваянными сверху фигурами усопшихъ, какъ въ рыцарскихъ склепахъ запада.

Предпослѣдній Князь сего рода, великій Леванъ, знаменитый въ XIV вѣкѣ своими побѣдами надъ Царями Имеретіи, горько прославился и преступленіями: изувѣчивъ первую жену свою, Княжну Абхазскую, отнялъ онъ у дяди супругу его Дареджанъ, которая не уступала красотою и пороками Имеретинской Царицѣ сего имени. Не было благословенія Божія незаконному браку; всѣ дѣти умирали отъ

разслабленія, а внукъ его, юный Леванъ, лишень былъ престола родственникомъ Вамекомъ. Но сей Вамекъ не умѣлъ воспользоваться дружескимъ союзомъ съ Шахъ-Навазомъ, сильнымъ Царемъ Грузіи, который посадилъ сына своего Арчила на престолъ Имеретинскій и хотѣлъ женить его на дочери Вамека. Любовь ея къ одному изъ князей Мингрельскихъ, разстроила честолюбивый замысль отца и лишила его престола и жизни: раздраженный отказомъ Шахъ-Навазъ, наступилъ на него со всѣми силами; Вамекъ бѣжалъ въ горы Сванетскія и тамъ былъ умерщвленъ, а дѣти его удалились въ Россію, гдѣ продолжался отъ нихъ родъ Дадіановъ. Внукъ великаго Левана получилъ опять область отца, но съ нимъ пресѣклось второе поколѣніе Владѣтелей. Князья Чекваны, родственники по женской линіи, сдѣлались правителями Мингреліи, и первымъ изъ нихъ былъ великій Кація, коего имя повторялось въ новой династіи; не только третій изъ нихъ принялъ званіе Дадіана, означающее Владѣтеля. Родъ сей избралъ себѣ погребальнымъ мѣстомъ оби-

тель Мартвильскую. При входѣ съ сѣверной стороны, написаны на стѣнѣ Кація Дадіанъ и супруга его Сеудія, тутъ погребенные, и сынъ ихъ Георгій съ женою Еленою, родители покойнаго Владѣтеля Левана. Надъ ихъ ликами есть на стѣнѣ молитвенное воззваніе къ Матери Божіей:

«О ты, превысшая семи небесъ и славнѣйшая Херувимъ, отъ которой прозябъ плодъ, освящающій неплодныхъ, стирающій проклятіе Адамово и расторгающій узы, его связавшіе, и въ благословеніе ихъ обращающій! Ты, обиталище Духа Святаго, ковчегъ священной скинии, которую назвалъ Исаія легкимъ облакомъ, лѣствицею возводящею на небо, чрезъ которую Богъ сошелъ на землю, Мартвильская Богородица, подобная небесамъ! я, надѣющійся на твое храненіе, Владѣтель Легхума и Саннасара, Салипартіяна и всей Мингреліи.....» (остальное стерлось).

При выходѣ изъ церкви намъ представилась башня, на самомъ обрывѣ холма, къ верхнему ярусу ея была приставлена

снаружи деревянная лѣстница, съ сломанными ступенями, которая колебалась отъ сильнаго вѣтра, такъ что по ней опасно было подыматься. Въ этой башнѣ спасается столпникъ, при малой церкви великаго столпника Симеона, котораго образъ изваянъ надъ входомъ. Имя подвижника Іесей, и онъ недавно переселился въ сіе горнее жилище изъ глубины лѣсовъ, когда упразднилась келлія, по смерти прежняго столпника Романа: и такъ древніе образы подвиговъ, столпниковъ и молчальниковъ, еще не прекратились по ту сторону Кавказа. Отъ подножія сей башни видна была въ лѣсу, на сосѣдномъ холмѣ, пустынная обитель Благовѣщенія, одного изъ великихъ тружениковъ Мингреліи, Архіепископа Антонія отъ рода Дадіановъ, который долгое время управлялъ своею паствою, въ минувшемъ столѣтіи, и славился краснорѣчіемъ и святостію жизни. Его простое и неприготовленное слово сильно дѣйствовало на князей и народъ; но старецъ пожелалъ окончить дни въ уединеніи и, устроивъ себѣ обитель въ виду Мартвиль-

ской кафедрѣ, уступилъ ее племяннику своему Виссаріону, равно благочестивому, а самъ еще 30 лѣтъ подвизался, въ постѣ и молитвѣ, въ мирномъ жилищѣ, избранномъ имъ на прагъ вѣчности; тамъ поживаетъ прахъ его и многіе стекаются ко гробу пастыря, оставившаго по себѣ благую память.

РАЗВАЛИНЫ НАКОЛАКЕВИ.

Въ дубовыхъ келліяхъ Чкондицкаго (т. е. Епископа Мартвильскаго), убранныхъ въ восточномъ вкусѣ, провели мы ночь и на разсвѣтъ, насладившись еще однажды очаровательнымъ видомъ съ высоты холма, спустились въ долину, сквозь чащу виноград-

наго лѣса. Двухдневное путешествіе наше, отъ монастыря до Зугдида, мѣстопробыванія Дадіана, было исполнено патріархальной поэзіи нравовъ Мингрельскихъ, воспоминаній историческихъ и красотъ природы; но первый день особенно изобиловалъ ими и оставилъ во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное. Мы нѣсколько отклонились къ сѣверу отъ нашей дороги, чтобы видѣть въ ущеліи водопадъ Абаши, и пять верстъ слѣдовали въ верхъ по теченію рѣки, до того мѣста, гдѣ она падаетъ съ камня на камень, въ тѣсномъ руслѣ, подъ навѣсомъ густой дубравы. Два зыбкихъ бревна перекинута черезъ пѣнящійся потокъ, для отважнаго путника, а внизу кипитъ Абаши, и гложетъ камни, которые сгладила какъ мраморную доску. Если не высокъ водопадъ, то невыразимо дики его бурные порывы и имъ соотвѣтствуетъ дикость окрестной природы. Отъ водопада Абаши возвращались мы, внизъ по ея теченію, нѣсколько разъ переѣзжая рѣку, доколѣ совершенно ее не оставили, въ виду Мартвильской обители, чтобы направиться по-

чти безъ всякой дороги, черезъ поля и
овраги, къ развалинамъ Наколакеви.

Первый отдыхъ имѣли мы на высоко-
мъ холмѣ, близъ уединенной церкви,
около которой разсѣяно было въ лѣсу се-
леніе Мингрельское. Вдали еще красова-
лась отовсюду видимая обитель Мартвиль-
ская; недалеко, въ чащѣ лѣса, стояли по-
луобрушенныя башни, сильнаго нѣкогда Бе-
жана Дадіана, который имѣлъ большое влі-
яніе на дѣла своей родины въ минувшемъ
столѣтіи. Насъ провожалъ, по приказанію
Владѣтеля, начальникъ участка Мартвиль-
скаго, отъ берега Абаши до берега Теху-
ры. Дадіанъ взялъ съ собою изъ монасты-
ря пятнадцатилѣтняго мальчика, князя Па-
гаву, чтобы сдѣлать его нукеромъ или па-
жемъ при своей женѣ, дочери послѣдняго
Владѣтеля Гуріи, ибо такого рода служба
въ обычаяхъ Мингрельскихъ. Ловкій маль-
чикъ подавалъ намъ лошадей, держалъ
стремя и вмѣстѣ садился съ нами за столъ,
какъ это бывало въ феодальныхъ замкахъ,
гдѣ отроки изъ лучшихъ фамилій служили
при старшихъ князьяхъ. Въ столъ юномъ

возрастъ, Мингрельская отвага обнаружи-
валась во всѣхъ его дѣйствіяхъ: наканунѣ,
когда весьма немногіе изъ взрослыхъ рѣ-
шались на челнокъ переплыть черезъ бур-
ный Цхени-цкали, держа за поводъ сво-
ихъ коней, отрокъ смѣло переплылъ рѣку
верхомъ, чтобы только полюбоваться скач-
кою въ Хони. Но аристократическая спѣсь
проявлялась въ немъ весьма разительно, при
исполненіи нукерской должности. «Есть-
ли кто при тебѣ?» спросилъ его Дадіанъ.
«Никого», отвѣчалъ онъ. — «Но кто же
будетъ смотрѣть за твоею лошадью?» —
«Я взялъ съ собою конюха, опять отвѣ-
чалъ Пагава, но при мнѣ нѣтъ никого изъ
нашихъ дворянъ.» Вотъ какъ судилъ пят-
надцатилѣтній мальчикъ, который пола-
галъ, что для его княжескаго достоинства
необходимо имѣть дворянина, хотя самъ
онъ былъ не больше коннаго пажа, при-
братъ своего Владѣтеля.

На дорогѣ встрѣтили насъ еще два кня-
зя Пагавы, родственники отроку, уже пре-
клонныхъ лѣтъ, одинъ на мулъ, другой на
лошади. Они долго ожидали нашего про-

ѣзда въ полѣ, подѣ уединеннымъ деревомъ; но, приближаясь къ Дадіану, спѣшились, въ знакъ глубокаго уваженія къ своему природному Князю и цѣловали его въ колѣно; когда же сѣли опять верхомъ, начали весьма свободно съ нимъ бесѣдовать, называя его только владыкою, Батуни. Мнѣ нравилась такая непринужденность въ обращеніи, соединенная съ глубокимъ чувствомъ преданности. Но и тутъ пренебреженіе къ низшимъ разительно бросалось въ глаза: за князьями бѣжали во всю дорогу ихъ саисы или конюхи, съ тяжелыми бурками на плечахъ, въ самые знойные часы дня, и почти никогда не отставали, на разстояніи многихъ верстъ. Какъ согласить такое рабство съ свободнымъ духомъ народа Мингрельскаго, когда тѣ же саисы обѣдаютъ за однимъ столомъ съ своими господами?

Давно уже представлялась намъ тройная вершина лѣсистой горы, съ развалинами Наколакеви; но дорога къ ней извивалась между полянъ и садовъ селенія, скрытаго въ чащѣ лѣса, и малый потокъ, впа-

дающій въ Техуру, часто пересѣкалъ нашъ путь; наконецъ подъѣхали мы къ живописной развалинѣ городскихъ воротъ, поросшихъ густымъ плющемъ, и чрезъ сію триумфальную арку времени, вступили на обширный лугъ, осыенный въковыми смоковницами и липами. Съ одной стороны шумѣлъ быстрый потокъ Техуры, съ другой подымалась крутая гора, вся покрытая лѣсомъ, и на скатъ ея стоялъ многобашенный замокъ. Нѣсколько обрушенныхъ зданій, временъ давно минувшихъ, и нѣсколько новѣйшихъ хижинъ, свидѣтели протекшей славы и нынѣшняго убожества, раскинуты были по свѣжей зелени луга, подъ навѣсомъ деревъ. — Это была Наколакеви или Археополисъ, Христіанская столица Лазовъ; это была Эа, языческая столица Колхиды, прославленная чародѣйствами Медеи и Цирцеи, куда стремился Язонъ за баснословнымъ руномъ, и гдѣ Улиссъ былъ плѣнникомъ волшебницы Цирцеи, по сказанію Одиссеи. Страшно погрузиться въ такую глубокую древность, которая еще звучитъ стихами старца Омира. Патріар-

хальная сцена, достойная временъ Одиссеи, представилась намъ посреди развалинъ Эи: тамъ природа, всею своею растительною силой, боролась съ остатками человеческихъ твореній и одолевала ихъ, ибо всякая развалина одѣта была пышною зеленью, какъ иногда люди сами украшаютъ свои жилища, для сельскаго праздника.

Самые почетные изъ Князей Мингрельскихъ, отъ рода Дадіановъ и Пагавы, встрѣтили тутъ брата своего Владѣтеля, котораго еще не видали по смерти его отца. Всѣ они были въ глубокомъ траурѣ, т. е. кромѣ темнаго платья, по обычаю своей земли, не стригли волосъ и не брили бороды, ибо еще не минуло года, послѣ кончины Владѣтеля Левана. Нѣкоторые изъ нихъ были присными усопшаго, распорядителями его домашняго быта и спутниками непрестанныхъ ловлей, которыя страстно любилъ. Арчилъ Дадіанъ, болѣе всѣхъ къ нему близкій, имѣлъ помѣстье по ту сторону Техуры, и былъ какъ бы хозяиномъ сихъ развалинъ. Но въ числѣ Князей, одно старческое лице, также изъ ро-

да Дадіановъ, напомнило мнѣ Нестора Иліады: длинная съдая борода его внушала невольное уваженіе. Старецъ, недавно лишившійся сына, единственной своей опоры, еще болѣе согнулся подъ бременемъ лѣтъ и съ трудомъ ходилъ, опираясь на длинный свой посохъ; но и онъ, вспомнивъ прежнюю отвагу, выѣхалъ встрѣтить Князя, и не иначе садился какъ по его приглашенію, воздавая должную почестъ его роду. Такое уваженіе столѣтняго старца къ молодому человѣку, потому только что онъ принадлежалъ къ владѣтельному дому, показывало патріархальность нравовъ Мингреліи, еще привязанной къ преданіямъ отеческимъ. Скромная трапеза была приготовлена для насъ подъ роскошною тѣнію смоковницы; всѣ пили изъ серебряныхъ кубковъ, одинъ за здравіе другаго, передавая кубокъ поочередно сосѣду съ низкимъ поклономъ. Это радушное угощеніе, посреди развалинъ, было также исполнено поэзіи Омирической.

Тогда приступили мы къ осмотру развалинъ. Арчилъ Дадіанъ прежде всего

ввелъ насъ въ устье сквозной пещеры, и по ея крутому извивистому спуску, совершенно нечаянно вышли мы къ водамъ Техуры; но здѣсь рѣка казалась озеромъ, потому что она образовала правильную дугу между крутыхъ береговъ, поросшихъ лѣсомъ, и не было видно ни откуда, ни куда течетъ она въ этомъ овальномъ водоемѣ, будто бы нарочно устроенномъ руками человѣческими, для великолѣпной царской купальни. Подземный проходъ сей тайно доставлялъ воду жителямъ нижняго города и замку, построенному на скатѣ холма, и въ самый вышгородъ подымали ее на выюкахъ, вдоль гребня крѣпостной стѣны. Мы возвратились опять на пространнѣйшій лугъ, огражденный бойницами, и взошли въ единственную церковь, уцѣлѣвшую среди развалинъ.

Она складена, частію изъ дикаго камня, частію изъ кирпича, и, по своимъ Византійскимъ формамъ, являетъ глубокую древность. Можно согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ путешественниковъ, которые относятъ ее ко временамъ Іустиніана, ибо

извѣстно по исторіи Прокопія, что онъ соорудилъ церковь у Лазовъ, когда Царь ихъ обратился въ Христіанство: и такъ эта церковь можетъ быть шестаго вѣка и вѣроятно посвящена была Богоматери, какъ большая часть храмовъ Іустиніановыхъ. Но здѣсь она носитъ названіе сорока Мучениковъ, потому что въ правомъ придѣлѣ показываютъ сорокъ кружковъ, правильно расположенныхъ на помостѣ, гдѣ будто бы погребены священные останки страдальцевъ Севастійскихъ. Мѣстное преданіе называетъ даже озеромъ сорока Мучениковъ ту живописную часть рѣки Техуры, которою мы любовались изъ подземелья, и утверждаетъ будто бы они пострадали на этомъ мѣстѣ. На чемъ-нибудь однако должно быть основано такое преданіе: если, быть можетъ, Императоромъ Іустиніаномъ, даны были частицы мощей Св. мучениковъ, для новаго храма, и тамъ положены они, по образцу ихъ погребенія въ Севастійской церкви: то не мудрено, что благочестіе новообращенныхъ Христіанъ искало себѣ усвоить и поприще ихъ страданій;

самая необычайность Техурскаго водоема располагаетъ вѣрить его таинственному назначенію.

Жертвенникъ въ древнемъ храмѣ, соотвѣтствующій придѣлу мучениковъ, выдается впередъ алтаря, какъ въ пещерной церкви Натлисмцемели въ Грузіи, и сѣверная дверь приходится съ боку; иконостасъ низкій, каменный, по образцу древнихъ святилищъ. На стѣнахъ еще кое-гдѣ сохранились фрески: святители, пустынники и мученики, вѣроятно всѣ сорокъ Севастійскихъ; не забыты Константинъ и Елена, которые встрѣчаются во всѣхъ церквахъ Мингреліи и Имеретіи; на горнемъ мѣстѣ еще видѣнъ Спаситель съ символами Евангелистовъ. Подлѣ храма стоитъ полуобрушенная колокольня, уже позднѣйшихъ временъ, и обширное зданіе изъ дикаго камня, все поросшее плющемъ и деревьями; оно слыветъ въ народѣ дворцемъ, и дѣйствительно похоже, по своему объему и прочности, на царскія палаты. По всему скату горы, до самой ея вершины расположенъ былъ древній городъ Археополисъ.

и есть слѣды улицъ и домовъ, но вся гора до такой степени заросла густымъ лѣсомъ, что нѣтъ возможности лѣтомъ проникнуть сквозь чащу до вышгорода; мы должны были сдѣлать большой кругъ, чтобы подняться на вершину горы.

Старецъ Дадіанъ уже не могъ за нами слѣдовать; съ трудомъ посадили его на лошадь, но какъ Несторъ Иліады, и онъ говорилъ моему спутнику: «Ахъ! если бы возвратились прежнія мои силы, когда я съ отцемъ твоимъ Леваномъ и съ дѣдомъ Георгіемъ, неутомимо ѣзжалъ на охоту и воевалъ противъ недруговъ нашихъ! а теперь одолѣла старость, отпусти меня.» Онъ присовокупилъ слово, трогательное въ устахъ старца, предъ молодымъ человекомъ, ибо оно выражало уваженіе къ владѣтельному роду, ради коего забывался и преклонный возрастъ: «Батуни, когда же позволишь ты мнѣ придти снять съ тебя сапоги, въ твоёмъ Зугдидскомъ домѣ?» Прощаясь съ старцомъ, я пожелалъ ему крѣпости душевной, при недостаткѣ тѣлесныхъ силъ, для перенесенія родительской

скорби. — Онъ изумился и отвѣчалъ: «кто могъ сказать тебѣ о моемъ горѣ? неужели не чуждо оно и чужому!» — Видно, что старецъ былъ тронутъ вниманіемъ къ его потери. Мы разстались во вратахъ поросшихъ плющемъ: эта зеленая развалина была какъ бы образомъ его маститой старости. Тутъ же во вратахъ встрѣтилъ насъ сынъ Арчила, молодой Дадіанъ, который, по нѣкоторымъ юношескимъ проступкамъ, оставилъ домъ Владѣтеля Мингрельскаго, чтобы служить Владѣтелю Абхазіи. По сей ли причинѣ, или отъ того, что въ обычаяхъ страны сей, неприлично изъявлять свои чувства въ присутствіи начальственныхъ лицъ, но свиданіе сына съ отцемъ было совершенно холодно; они только издали поклонились и даже не подали другъ другу руки; юноша вмѣшался позади всѣхъ въ толпу нукеровъ.

Съ трудомъ поднялись мы на крутую гору Наколакеви, къ уцѣлѣвшей отчасти оградѣ вышгорода. Предъ нимъ выдавалась площадка на обрывѣ утесовъ, и оттолъ открылись намъ пространные очаро-

вательные виды, до самага Мартвиля и Хони; лѣсистое ущеліе Техуры, быстро текущей у подножія горы, далеко извивалось къ сѣверу, умножая дикую красоту картины. Есть особенное наслажденіе для сердца, какъ бы парить надъ землею на такихъ выпрєннихъ мѣстахъ: видно что человѣкъ жаждетъ простора и созданъ для болѣе обширнаго горизонта, нежели тотъ, въ которомъ онъ все мѣтется. Внутренность вышгорода завалена была лѣсомъ, сломаннымъ бурею; это лучшее мѣсто для ловли: олени и козы и дикіе кабаны стремятся изъ чащи, черезъ груды развалинъ, и прорываются сквозь недоступныя нѣкогда стѣны Археополиса. Какая противоположность на разстояніи вѣковъ! Посреди вышгорода небольшая церковь совершенно простой архитектуры, изъ дикаго камня, гласить о давноминувшемъ; внутри ея есть каменное сѣдалище кругомъ стѣны, но уже нѣтъ иконостаса. На западной оконечности вышгорода уцѣлѣли стѣны обширнаго зданія въ три яруса, но уже съ обрушенными сводами; оно слыветъ также двор-

цомъ и имѣло сообщеніе съ нижнимъ замкомъ: — вотъ все, что осталось отъ древней столицы Цирцеи и Лазовъ, Эи и Археополиса!

Мы спустились отъ вышгорода на противоположную сторону горы, по гребню коей пролегала узкая тропа, болѣе для пѣшихъ, нежели для конныхъ; на берегу Техуры есть еще остатки теплыхъ минеральныхъ водъ, временъ Греческихъ, надъ которыми хочегъ устроить Владѣтель новыя бани. Болѣе десяти верстъ оставалось намъ ѣхать до ночлега, по глубокимъ оврагамъ и горамъ, поросшимъ лѣсомъ, доколѣ не спустились опять въ живописную долину Техуры, усѣянную сельскими усадьбами Князей Мингрельскихъ. Въ дубовыхъ палатахъ старшаго изъ нихъ, Князя Чечуа, приготовили для насъ гостепріимный пріютъ и пріятно было отдохнуть, въ вечерней прохладѣ, послѣ утомительнаго дня. Двѣ обширныя залы изъ тесанаго дуба, съ крытою галлереею вокругъ, составляли верхній ярусъ княжескаго дома: въ одной изъ нихъ висѣла его родословная, съ Мингрель-

скимъ гербомъ золотаго руна. Замѣчательно какъ сохранилось сіе баснословное преданіе древней Колхиды въ нынѣшней Мингреліи, гдѣ конечно немногіе знаютъ повѣсть о походѣ Арганаутовъ и едва слышали имя Язона.

Столь же утомительный путь предстоялъ намъ на слѣдующій день; еще около 50 верстъ оставалось до Зугдида, но менѣе любопытнаго встрѣчалось дорогою. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ сорвало бурею новый мостъ черезъ Техуру; мы переправились на утломъ паромѣ, и ѣхали, однообразнымъ полемъ, до другой бурной рѣки Хопи: это была средняя часть Мингреліи, менѣе гористая и потому не живописная. На берегу рѣки, встрѣтили Дадіана родственные ему Князья того же имени, въ домѣ коихъ онъ былъ воспитанъ. Въ Мингреліи, старшіе изъ Князей, имѣютъ обыкновеніе, выпрашивать себѣ на воспитаніе дѣтей Владѣтеля, чтобы чрезъ то укрѣпить связи свои съ владѣтельнымъ домомъ. Жены Князей, оставивъ собственныхъ младенцевъ, сами кормятъ грудью знамени-

Хопи - Зугдид

311
734576
624770
624770
734576

тыхъ питомцевъ и молочное родство сіе почитается крѣпче кровныхъ узъ, ибо отрокъ возрастая, дѣлается членомъ новаго семейства, чуждаясь родительскаго дома. Такъ былъ воспитанъ и Дадіанъ, въ горахъ на берегу Хопи, до 15-ти лѣтъ. Радостью заблистали глаза его, когда онъ увидѣлъ родственную рѣку, на берегахъ коей провелъ первые годы своей молодости; онъ зачерпнулъ серебряною азарпешкою свѣжую струю, и жадно глоталъ ее, какъ бы впивая жизненные силы, со всѣми отрадными воспоминаніями дѣтства. «Никакая вода не можетъ для меня сравниться съ водою Хопи, говорилъ мнѣ Дадіанъ, и я никогда не переѣзжаю родную рѣку, не утоливъ изъ нея жажды.» — Но для меня вода ея не имѣла особеннаго вкуса, хотя и въ знойный день, потому что мы оба пили съ различными впечатлѣніями.

Послѣ краткаго отдыха, на казачьемъ посту Хопи, мы продолжали путь и здѣсь опять мѣста сдѣлались разнообразіе и гористые. Бурно было теченіе Чаницкали, или рѣки Лазовъ, которая удержала па-

мать сего народа въ землѣ, нѣкогда ему принадлежавшей; Мингрельцы ихъ прямые потомки. Многобашенный замокъ Чаквин-жи, или колодезь Лазовъ, такъ прозван- ный отъ своего глубокаго кладезя, пред- ставился намъ вдали на утесѣ, какъ ры- царскіе замки на берегахъ Рейна; но чего нѣтъ по сосѣдству Германской рѣки: снѣжныя Сванетскія горы опять потяну- лись по небосклону, окраиною сей чудной картины. Съ высотъ противоположнаго бе- рега, еще однажды, какъ отъ Мартвиля, открылась намъ, во всей своей красѣ, ве- ликолѣпная Мингрелія, и радостно разбѣ- гались взоры по ея обширнымъ долинамъ, то къ суровому хребту Кавказа, то къ свѣтлой полосѣ моря. Спустились и оча- рованіе исчезло; опять однообразныя поля- ны и лѣсъ, доходившій до самаго Зугди- да, который избрали Дадіаны, по тепло- му климату, для своего зимняго пребы- ванія.

З У Г Д И Д Ъ.

За версту отъ Зугдида, въ густомъ лѣсу, встрѣтилъ насъ Владѣтель Давидъ, уже давно ожидавшій нашего пріѣзда; отраденъ былъ радушный привѣтъ его въ краю для меня чуждомъ, гдѣ, посреди дружескихъ заботъ, можно было забыть въ немъ санъ обладателя Мингреліи. Прежде нежели ввести меня въ домъ свой, онъ пригласилъ пройти черезъ садъ, любимый предметъ его сельскихъ занятій, и дѣйствительно

обиліе цвѣтовъ Европейскихъ, подъ роскошнымъ небомъ Азіи, привлекательно для взоровъ. По срединѣ сада пространныя бесѣдка, вся изъ дуба, съ рѣзными украшеніями въ восточномъ вкусѣ, часто служитъ для семейныхъ пиршествъ. Новый дворецъ Владѣтеля каменный, въ два яруса, выстроенъ и убранъ по Европейски, и весьма пріятно, послѣ утомительнаго пути по мѣстамъ дикимъ, найти такое покойное убѣжище. Это былъ вечеръ субботній, но ради гостепріимства Князь Давидъ оставилъ всенощное бдѣніе; должно отдать справедливость благочестію всего владѣтельнаго дома Мингреліи: церковь для него служитъ лучшимъ утѣшеніемъ и никто изъ семейства не пропускаетъ ни одного богослуженія. Въ ихъ домашнемъ кругу слушалъ я на слѣдующее утро, воскресную литургію, въ соборной церкви Зугдида, которая построена по особенному случаю, повелѣніемъ Императора Александра, въ память положенія честнаго пояса Богоматери.

По сказанію пролога и минеи, чудотворный поясъ сей былъ принесенъ изъ

Іерусалима, въ царствованіе Θεодосіа младшаго, въ V вѣкѣ, и положенъ въ золотомъ ковчегѣ, подъ царскою печатію, въ церкви Богоматери, что на мѣдномъ торжищѣ Царьграда, въ Халкопратіяхъ. Четыреста лѣтъ спустя, супруга Императора Льва премудраго, Зоя, одержимая бѣснованіемъ, по соборной о ней молитвѣ, имѣла видѣніе, что получитъ здравіе, если на нее возложатъ поясъ Богоматери, хранящійся въ Халкопратіяхъ. Открыли запечатлѣнный издавна кивотъ, обрѣли въ немъ чудотворный поясъ и, какъ только Патріархъ осѣнилъ имъ страждущую Царицу, она исцѣлилась. Съ тѣхъ поръ установлено праздновать память сего событія 31 Августа, а святыня запечатлѣна, въ томъ же ковчегѣ до новаго чуда. Дочь Императора Романа Аргира, получившая также исцѣленіе отъ сего пояса, въ исходѣ X вѣка, вступила въ бракъ съ знаменитымъ Царемъ Абхазіи и Грузіи, Багра-томъ Куропалатомъ; она умолила отца, отпустить съ нею въ дальнюю страну, половину чудотворнаго пояса, вмѣстѣ съ иною

драгоцѣнною святынею, которую принесла въ благословеніе новому своему царству. Поясъ Богоматери положенъ былъ сперва въ великолѣпной обители Бедійской, которую вѣроятно основала сія Царица, недалеко отъ моря въ предѣлахъ Самурзаханскихъ, а потомъ перенесли святыню въ Мартвиль, гдѣ находилась она долгое время. Бывшая Правительница Мингреліи Нина, дочь Царя Георгія, (которая недавно скончалась въ Петербургѣ) при вступленіи своемъ въ подданство Россіи, послала сей драгоцѣнный поясъ, какъ лучшее сокровище, въ даръ Императору Александру. Но благочестивый Монархъ, возвратившій Грузіи крестъ равноапостольной Нины, не хотѣлъ удержать и сего священнаго залога Мингреліи; онъ великолѣпно украсилъ его дорогими камнями и отослалъ опять къ Правительницѣ, съ милостивою грамотою, въ которой писалъ: что честный поясъ сей будетъ служить между ними залогомъ, ея преданности а его покровительства. Императоръ тогда же велѣлъ выстроить каменную церковь въ Зугдидѣ, для храненія

сего сокровища, и оно досель тамъ хранится, въ особенномъ кивотѣ, предъ иконостасомъ.

Ликъ Богоматери весьма древній, написанъ на верхней части пояса, который походитъ на діаконскій орарь и сложенъ въ видъ эпитрахили; нижняя часть совершенно ветха. Жемчугъ, изумруды и яхонты украшаютъ сіи драгоценные остатки и рассыпаны по золотому полю, на которомъ они лежатъ. Это конечно одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, который остался намъ отъ первыхъ временъ Христіанства. На престолѣ церкви Зугдидской есть еще малый ковчегъ, съ частицею животворящаго древа и мощей Предтечи, и тамъ же лежатъ богатоукрашенные святцы, на Грузинскомъ языкѣ, съ рисунками по золоту. Недавно возвращены изъ Петербурга двѣ древнія большія иконы, Спаса и Богоматери, которыя принадлежали послѣдней Имеретинской Царицѣ Аннѣ, супругѣ Соломона и дочери Владѣтеля Каціи, прадѣда нынѣшняго Дадіана. Духовникъ Князя и всего его семейства, старецъ Давидъ,

совершавшій божественную службу, былъ самъ весьма замѣчательнымъ лицомъ во ввѣренной ему церкви, по святости своей жизни и усердію, ибо не смотря на глубокую старость, не опускалъ ни одного дня безъ священнодѣйствія, строго исполняя всѣ церковныя службы. Отрадно было для меня сосѣдство церкви Зугдида, потому что наступили дни священные для каждаго Христіанина: отданіе праздника Пасхи, когда въ послѣдній разъ воспѣвается радостное «Христось воскресе!» и вознесеніе Господне, вѣнецъ его земнаго подвига. Хотя я и не понималъ языка Грузинскаго, но совершенное сходство богослужебнаго чина и нѣсколько словъ Дадіана, объясняли мнѣ время извѣстныхъ молитвъ, а усердіе молящихся располагало къ молитвѣ. Въ примѣръ сего усердія скажу только, что наканунѣ вознесенія, тетка Владѣтеля, шестидесятилѣтняя старица, въ проливной дождь, сдѣлала пятьдесятъ верстъ верхомъ, чтобы не пропустить всенощной; когда мы взошли въ церковь, утомленная сидѣла на коврахъ и вода текла съ

ея одежды; но какъ только началось богослуженіе, Княгиня встала и бодро выстояла продолжительную службу, какъ бы съ обновленными силами.

Четыре дня провелъ я подъ гостепріимнымъ кровомъ Дадіана и, въ продолженіе сего времени, почти непрестанныя непогоды не позволяли осмотрѣть окрестность. Намъ, жителямъ равнинъ, странно кажется, какъ можно селиться на ровныхъ мѣстахъ, имѣя подъ рукою горы, но горцамъ напротивъ нравится просторъ. Впрочемъ Зугдидъ сдѣлался мѣстнымъ пребываніемъ Дадіановъ, только со временъ великаго Левана, для усмиренія буйной Самурзаханской области и для береговой стражи, ибо тогда безпрестанныя нападенія Турковъ угрожали поморію. Говорятъ, что лѣтнее пребываніе въ Горди, посреди Лечгумскихъ горъ, чрезвычайно живописно и славится чистотою воздуха, когда напротивъ того Зугдидъ подверженъ всѣмъ болѣзнямъ поморія.

День спустя послѣ нашего пріѣзда, прибылъ Владѣтель Абхазіи, съ тестемъ сво-

имъ Дадіаномъ , и домъ Владѣтеля Мингреліи наполнился посѣтителами. Время, свободное отъ богослуженія и краткихъ прогулокъ, протекало въ бесѣдахъ, весьма для меня занимательныхъ съ обоими Владѣтелями, ибо я изучалъ мѣстные обычаи и обстоятельства края. Однажды, во время сихъ бесѣдъ, Князь Михаилъ Абхазскій видя, что у меня нѣтъ четокъ, которыя всѣ тамъ носятъ, снялъ съ руки тестя и отдалъ мнѣ, въ знакъ своего расположенія, серебряныя четки, весьма драгоцѣнныя по своей исторической древности, ибо они принадлежали великой Царицѣ Тамари и переходили изъ рода въ родъ, въ поколѣніи Владѣтелей земли Сванетской. Извѣстно, по общему преданію Грузіи, что въ неприступныя горы Сванетіи, при нашествіи непріятелей, уносимы были сокровища Царей Абхазскихъ, и еще многія тамъ можно найти, особенно драгоцѣнныя иконы. Тесть Князя Михаила получилъ царственныя четки, въ приданое за своею женою, дочерью Татархана, нынѣшняго Владѣтеля Сванетовъ. Мнѣ было совѣстно лишать его

вещи, столь дорогой въ моихъ понятіяхъ, хотя я радъ былъ имѣть у себя памятникъ Царицы, глубоко мною уважаемой; но Князь настоятельно требовалъ, чтобы я ихъ принялъ. «Какъ гость, вы имѣете право на все что только вамъ понравится, говорилъ онъ, а принадлежащее тестю моему есть какъ бы моя собственность». Равнымъ образомъ и тестъ Владѣтеля, съ своей стороны, просилъ меня не прекословить зятю, и не оскорблять его самага отказомъ. Владѣтель приглашалъ меня посѣтить его Абхазію, обѣщая выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Очамчиры, на берегъ моря, ибо я долженъ былъ, отъ Редуть-кале, плыть на пароходъ вдоль поморія и заходить въ нѣкоторыя пристани. Онъ совѣтовалъ мнѣ осмотрѣть, за 10 верстъ отъ Очамчиръ, развалины древней кафедры Епископской Мокви, еще украшенныя мраморомъ и стѣнною живописью, и ближе къ морю, знаменитую чудесами Св. Георгія церковь Илори, гдѣ хранится его древняя икона, и великолѣпные остатки обители Дранды, недалеко отъ Сухума. Но морская непогода и разлитіе

водъ Ингура, воспрепятствовали намъ обоимъ исполнить взаимное обѣщаніе. Владѣтель Абхазіи оставилъ Зугдидъ, нѣсколько часовъ раньше меня, и мы болѣе не видались.

Это было перваго Мая, въ праздникъ вознесенія. Пароходъ ожидалъ меня на другой день въ пристани Редуть-кале, за 50 верстъ отъ Зугдида: нельзя было долѣе медлить; послѣ обѣдни я собрался въ путь, чтобы еще до ночи достигнуть Редута. Спутникъ мой хотѣлъ непременно проводить меня, до крайней точки владѣній братнихъ, и тѣмъ вдвойнѣ исполнить долгъ пріязни и гостепріимства. Самъ Владѣтель, по чувству дружескаго ко мнѣ расположенія, поѣхалъ провожать меня за нѣсколько верстъ. Не безъ глубокой грусти мы простились, потому что въ теченіе зимы успѣли сблизиться въ Тифлисъ, а радужный пріемъ въ Зугдидъ скрѣпилъ нашу пріязнь. Князь Давидъ обѣщалъ пріѣхать осенью въ Россію и утѣшительна была надежда на скорое свиданіе.

Опять потянулись до самаго моря рос-

кошныя лѣса Мингрельскіе, обвитые виноградниками. Дикое обиліе природы ничего не требовало отъ рукъ человѣческихъ, кромѣ направленія лозъ по вѣтвямъ древеснымъ, и то лишь отъ времени до времени. Малые ручьи, черезъ которые еще наканунѣ можно было свободно перейти, обратились отъ сильнаго дождя въ бурныя потоки и задерживали насъ, переправою на утлыхъ челнокахъ. Нагіе Мингрельцы, верхомъ на нашихъ лошадяхъ, пускали ихъ вплавь. На половинѣ дороги до Анакліи, подступилъ съ лѣвой стороны широкой Ингуръ, отдѣляющій Мингрелію отъ буйной Самурзахани, и провожалъ насъ, въ тѣни вѣковой дубравы, до самаго устья. По его мутнымъ кипящимъ волнамъ, я уже видѣлъ, что нельзя было ожидать свиданія съ Владѣтелемъ Абхазіи. Все было пусто вокругъ; мнѣ казалось по описаніямъ, что я въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, гдѣ еще природа не испытала надъ собою руки человѣческой, и пустынные рѣки, какъ змѣи, широко ходятъ по дремучимъ лѣсамъ. Такъ мы достигли Анакліи, и

здѣсь измѣнилась картина. Это малая рѣчная пристань, населенная отчасти Турками, гдѣ процвѣтала нѣкогда торговля. Еще издали услышали мы пѣсни: пришельцы Анатолиі, въ своихъ нарядныхъ одеждахъ, составивъ кружокъ, плясали на базарѣ, подѣ монотонный звукъ роднаго инструмента. Нѣсколько судовъ стояли у берега рѣки, подѣ стѣнами развалившейся крепости; вдали шумѣло море.

Грустно взглянулъ я на Дадіана, при видѣ шумной стихіи, которая должна была разлучить насъ на слѣдующее утро; молча отвѣчалъ онъ тѣмъ же взглядомъ, ибо безъ словъ мы поняли другъ друга и продолжали путь нашъ къ Редутъ-Кале, отстоявшему еще на 15 верстъ отъ Анаклиі. Мы приглядывались къ дальнимъ вѣтриламъ въ пустотѣ моря; мы прислушивались къ бурному реву валовъ, которые набѣгали, одинъ за другимъ, на низменный берегъ, гонимые девятымъ пѣнистымъ валомъ, и шумно разстилались предъ нами, у самыхъ конскихъ ногъ. Кони Мингрельскіе, не привыкшіе къ сей чуждой для нихъ

стихіи, храпѣли и съ ужасомъ отскакивали отъ напора волнъ, какъ Ипполитовы кони, при появленіи морскаго чудовища. Давно уже не видалъ я моря, и вечерній неспокойный видъ его наводилъ невольное уныніе. Медленно подвигался я по зыбкому песку, повторяя въ памяти моей сей многозвучный стихъ Иліады:

Идетъ безмолвный по берегу немолчно шумящаго моря.

Смерклось, а еще не было видно Редута; дальнія зарницы освѣщали море и колеблющіяся на немъ суда, но не ратнаго флота Ахеянъ. Наконецъ показались городскіе огни, но разлившіяся воды Хопи внезапно преградили намъ путь. Мы должны были, на казачьемъ челнокѣ, долго плыть по рукаву рѣки, въ совершенномъ мракѣ, и съ большимъ трудомъ, по глубокой грязи, пѣшіе достигли приготовленнаго для насъ ночлега. Пароходъ уже приходилъ наканунѣ и долженъ былъ опять придти съ разсвѣтомъ изъ Сухума; онъ останавливался въ открытомъ морѣ, ибо

нельзя подходить къ опасному берегу Мингреліи, лишенному пристаней. Но на землѣ сей, для меня гостепріимной, грустны были мнѣ послѣдній вечеръ и послѣднее утро, за которыми слѣдовала долгая разлука съ путникомъ, близкимъ моему сердцу. Больно всякое разставанье, но есть хотя нѣкоторая постепенность, въ окружающихъ предметахъ, когда отъѣзжаешь сухимъ путемъ, и нѣтъ никакой, когда уносить тебя быстрая волна, какъ бы совершенно въ иной міръ. Отъ избытка сердца на сей разъ говорили не уста, но взоры, а намъ не хотѣлось имѣть свидѣтелей нашихъ чувствъ. Молча мы обнялись на берегу, и еще долго подавали знакъ рукою, какъ бы привѣтствуя другъ друга, но уже на разлуку, а быстрый катеръ увлекалъ меня, по широкому каналу до устья Хопи, гдѣ шумнымъ прибоемъ волнъ боролось съ рѣкою море. И какъ слаба человѣческая природа! — болѣзненное физическое чувство одержало верхъ надъ нравственнымъ, когда закружилась голова отъ морскаго волненія; надо мною сбылся хотя и не

въ полномъ смыслѣ сей выразительный
стихъ Данта:

Poscia più che il dolor poté il digiuno.
Потомъ болѣзнь превозмогла и горе.

АБХАЗІЯ. ПИЦУНДА.

Если тягостна была разлука на берегахъ Мингреліи, пріятная встрѣча ожидала меня на параходѣ: Начальникъ Черноморской линіи, съ которымъ я началъ мою службу, по чувству давней пріязни, пожелалъ везти меня до Керчи, вдоль береговъ живописной Абхазіи. Въ первые годы молодости мы раздѣляли съ нимъ

скромную хату, посреди цвѣтущихъ садовъ Малороссіи, или палатку кавалерійскаго лагеря, и вотъ, послѣ столькихъ лѣтъ, онъ раздѣлилъ со мною каюту, на бурной пучинѣ Чернаго моря. И дѣйствительно бурно было оно въ теченіе десятичасоваго плаванія, отъ Редута до Сухума; мимо меня мелькнули Илори и Очамчиры и Дранды, и ни на что не могъ я обратить даже минутнаго вниманія отъ сильной качки. Когда же мы стали входить въ широкій заливъ Сухумскій, хотя и безпокойный при западныхъ вѣтрахъ, погода начала утихать, и я могъ любоваться съ палубы красотою окрестныхъ горъ; однако мнѣ хотѣлось провести ночь на берегу. Сильный запахъ розъ обвѣялъ меня въ оградѣ бывшей Турецкой крѣпости: аллеи Италіянскихъ тополей, которыми обсажены всѣ зданія, обвиты были розовыми кустами, до половины ихъ стройнаго стана. Нигдѣ, даже въ Мингреліи, не видалъ я столь богатой растительности. Это было въ самомъ началѣ весны; все цвѣло и благоухало и дышало необычайною жизнію для насъ жителей

съвера. Наши береговыя укрѣпленія обязаны своею роскошною зеленью, первому начальнику Черноморской линіи Раевскому, который по своей страсти къ ботаникѣ, украсилъ ихъ лучшими произведеніями Крымской природы, и умѣлъ сдѣлать наслѣдственнымъ вкусъ свой къ садоводству, въ охранителяхъ сихъ твердынь; каждая изъ нихъ представляется малымъ садомъ, такъ что забываешь о потокахъ крови, которыми они были обогрѣны, и о непрестанной опасности имъ угрожающей; виноградныя лозы ихъ обыкновенное украшеніе, а иногда, въ какомъ либо громонономъ бастіонѣ, уединенно цвѣтетъ тюльпанное дерево.

Отдохнувъ ночь въ Сухумѣ, я уже могъ съ обновленными силами продолжать морское путешествіе. На разстояніи двухъ часовъ отъ сей Турецкой крѣпости, которая заступила мѣсто древней Діоскуріи, средоточія Греческой торговли на берегу Понта, мы увидѣли довольно обширныя развалины, тамъ гдѣ малая рѣчка Псирстъ впадаетъ въ море. Еще стояла круглая

башня, вся обросшая плющемъ, и мѣстами обрушенная ограда тянулась вдоль берега, столь же роскошно украшенная рукою времени. Это была Анакопи, древняя Никопсія Грековъ, о которой упоминаетъ Царь Давидъ возобновитель въ своемъ завѣщаніи, какъ о крайней точкѣ западныхъ своихъ предѣловъ. Позади нее углубляется въ горы знаменитое ущеліе Трахейское, проникающее внутрь Абхазіи, и на гребнѣ утеса видны остатки замка Трахеи, который Греки отняли у Абазговъ, послѣ кровопролитной осады въ царствованіе Іустиніана. Для меня драгоцѣнно было другое историческое преданіе, записанное въ хроникѣ Царя Вахтанга, который говоритъ, что одинъ изъ проповѣдавшихъ здѣсь Апостоловъ, Симонъ Кананитъ, скончался и погребенъ въ Никопсіи.

Мы сошли на берегъ, чтобы посѣтить церковь, на которую указываетъ мѣстное преданіе, какъ на погребальную Апостола, и долго ее искали посреди развалинъ Никопсіи, ибо по незнанію языка не могли объясниться съ жителями, дико на насъ

смотрѣвшими. Намъ пришло на мысль, что она должна быть въ горномъ замкѣ Трахейскомъ, и мы уже хотѣли туда подыматься, когда одинъ изъ проводниковъ, съ ближняго казачьяго поста, вызвался указать намъ желанную церковь. Онъ возвратилъ насъ опять къ развалинамъ Никописи и, позади ограды, вывелъ на довольно обширную поляну, усыпанную также обломками. Она была ограждена прибрежными скалами Псирсты, которая омывала своими волнами дикое, живописное мѣсто, какъ бы нарочно созданное природою, чтобы приманить на жительство людей. Посрединѣ стояла церковь, небольшая, но почти совершенно уцѣлѣвшая, кромѣ обвалившагося купола; западный ея притворъ заваленъ камнями и заросъ дикими растеніями, какъ и самая вершина церкви; входъ отъ южнаго притвора, надъ коимъ видѣнъ еще полустертый ликъ Спасителя. Устройство храма совершенно Греческое, съ тройнымъ раздѣленіемъ алтаря и полукружіемъ горняго мѣста; поразительна тонкость стѣнъ, сложенныхъ изъ Римскаго кирпича, и высо-

та стройныхъ сводовъ, которые опираются на чрезвычайно легкіе столбы; живопись уже стерлась, но на западной стѣнѣ еще видны успеніе Богоматери и два мученика. Гробницы Апостольской нельзя разпознать; но предполагая, что святые мощи положены были, по древнему обычаю, подъ самымъ престоломъ, я помолился надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ нѣкогда стоялъ, и призывалъ имена обоихъ Апостоловъ Симона и Андрея, просвѣтившихъ страну сію. Утѣшительна молитва на такихъ мѣстахъ, освященныхъ стопами первыхъ учениковъ Христовыхъ. Въ минеи Грузинской, обители Св. Давида Гареджійскаго, сохранилось житіе Андрея Первозваннаго, переведенное съ Греческаго, которое гораздо полнѣе нашего и довольно описываетъ его странствованіе кругомъ Чернаго поморія.

Продолжая плаваніе наше, отъ Анакопи къ Пицундѣ, мы на краткое время остановились противъ Бамборъ и наслаждались очаровательнымъ видомъ широкой долины Лехны, у подножія горъ Абхазскихъ. Вдали на холмѣ виднѣсь былъ домъ Вла-

дѣтеля Михаила, въ селеніи Сууксу и церковь, или малая обитель, гдѣ живетъ при немъ Архимандритъ; но мы не сошли на берегъ, чтобы не беспокоить семейство Князя, зная о его отсутствіи. Немного далѣе песчаный мысъ Пицунды, поросшій вѣковыми соснами, выдался въ море, какъ бы приглашая пловцевъ отдохнуть въ его гостепріимной пристани. Не смотря на песчаный слой, море такъ глубоко, что парадъ нашъ могъ подойти къ самому берегу. Природа обильно одарила мѣсто сіе, предназначенное для водворенія Христіанства въ Абхазіи: здѣсь долго пребывалъ Первозванный Апостолъ; сюда, хотя и невольно, предназначали другаго великаго проповѣдника истины, Златоуста; здѣсь наконецъ великій Іустиніанъ основалъ изящный храмъ Богоматери, до нынѣ уцѣлѣвшій въ древней красѣ своей и ожидающій обновленія: его высокій куполъ видѣнъ былъ съ моря, промежду сосновыхъ вершинъ. Первымъ моимъ движеніемъ было устремиться, черезъ вѣковую рощу, къ древнему святилищу. Нельзя не имѣть вѣры

къ преданіямъ, освященнымъ глубокою вѣрою народа, съ незапамятныхъ временъ. Если несправедливо то, что Св. Апостоль здѣсь довершилъ земной свой подвигъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, о его долгомъ пребываніи на сихъ мѣстахъ, и быть можетъ многія истязанія испыталъ онъ за слово истины, въ городъ Пиѳіонъ, ибо все поморіе было наполнено колоніями Эллинскими. Въ сосновой рощи стоялъ храмъ, посреди развѣсистыхъ вязовъ и смоковницъ, обвитыхъ виноградомъ, во всей роскоши дикой природы Абхазіи; вокругъ него ограда грубо складена изъ булыжника, уже въ позднѣйшія времена, ибо частыя нападенія принудили Католикосовъ, искать себѣ защиты въ стѣнахъ и бойницахъ.

Чувство восторга и глубокаго благоговѣнія исполнило мое сердце, когда проникнувъ внутрь ограды, остановился я предъ великолѣпнымъ святилищемъ Іустиніана. Оно дѣйствительно носитъ на себѣ печать того времени и изящества, даже и въ состояніи упадка, какъ великіе мужи, подъ бременемъ тяжкихъ испытаній, сокрушае-

мые, но не сокрушенные. Строгіе размѣры зодчества Византійскаго пріятно поражаютъ взоры въ обширномъ зданіи, которое отчасти порасло плющемъ и кустами, пробившимися сквозь его разсѣлины. Основаніе его изъ дикаго камня, стѣны пестро сложены полосами, частію изъ кирпича; тройное полукружіе образуетъ алтарь; двухъярусный портикъ, до половины обрушенный, пристроенъ къ трапезной части храма; двое малыхъ сѣней по сторонамъ и сферическій куполъ легко вѣнчаетъ стройное зданіе; но мѣдныя листы его были сорваны и треснули въковыя своды. Кругомъ роскошная зелень деревъ и сосновый боръ, и снѣжныя горы Кавказа на небосклонѣ, дополняли краснорѣчивое зрѣлище запустѣвшаго храма.

Я взошелъ въ его внутренность и еще большимъ умиленіемъ исполнилось сердце; меня обвѣяло нѣчто родное, какъ бы ктодохнулъ на меня древнею святынею Кіева и Новгорода; казалось недавно только прекратилось священнодѣйствіе, и отголосокъ гимновъ будто звучалъ еще въ пустотѣ об-

наженныхъ сводовъ. Трия дверями входятъ, изъ западнаго притвора въ трапезную часть, которая оѣнена хорами, какъ въ лавръ Печерской и обѣихъ Св. Софіяхъ. Каменный иконостасъ, весьма низкій, былъ подобенъ Сіонскому, что въ Атенской долинь; сквозными арками малыхъ колоннъ своихъ онъ не заслонялъ глубокаго алтаря, и видны были на горнемъ мѣстѣ остатки стѣнной живописи: Влахернская Божія Матерь съ Архангелами и приобщеніе подъ двумя видами. Двѣнадцать стоящихъ Святителей, окружали высокую кафедру Католикоса и сопрестоліе Епископовъ и пресвитеровъ, возвышенное на пять ступеней отъ помоста. Еще четырнадцать ликовъ святыхъ, въ малыхъ кругахъ, воскресеніе Лазаря и умовеніе ногъ, слабо видны были на стѣнахъ алтаря, и нѣсколько изображеній Апостольскихъ въ куполъ между оконъ; вся же прочая живопись стерлась или отбита. Но легкая сферическая форма купола, хотя и треснувшаго, производила впечатлѣніе отрадное: душа какъ бы порывалась на молитву, подъ воздушными

сводами сего храма ; располагающаго къ богомыслию. Сколько бы ни должна превозмогать духовная природа чловѣка его грубую оболочку, нельзя не сознаться, что внѣшнее благолѣпіе святилища невольно дѣйствуетъ на душу.

Достоинъ вниманія престолъ Пицундскаго храма, составленный весь изъ мраморныхъ обломковъ, съ изваянными на нихъ крестами, какъ будто бы кто нарочно раззорилъ воздвигнутый прежде на этомъ мѣстѣ и опять собралъ его изъ разбитыхъ частей. Нѣкоторые полагаютъ, что это воинскіе трофеи славнаго воителя Вамека Дадіана, ходившаго войною въ горы въ XV вѣкѣ, и собравшаго тамъ остатки Греческихъ памятниковъ, для храмовъ Пицунды и Хопи. Невѣроятно однако, чтобы Вамекъ замѣнилъ своими трофеями первобытный престолъ, который конечно не былъ составленъ изъ обломковъ, и едва ли подвергался разрушенію ; это загадка для археологовъ, но, и при нынѣшнемъ обновленіи, не должно касаться оригинальнаго престола. Давно ли прекратилась на немъ

божественная служба? — не знаю; то лишь известно, что и послѣ перенесенія кафедръ Католикосовъ въ Гелать, въ половинѣ XVIII вѣка, они продолжали приходить для священнодѣйствія въ оставленную ими Пицунду, хотя однажды въ годъ, вѣроятно на праздникъ успенія Богоматери или на память Первозваннаго Апостола, ибо преданіе народное переименовало въ честь его святилище. Рукоположеніе Епископовъ, подвластныхъ Католикосу Абхазіи, и освященіе мѣра совершалось всегда въ храмъ Пицундскомъ, по древнему уваженію къ сему мѣсту, какъ видно изъ путевыхъ записокъ Патріарха Іерусалимскаго Досифея.

Утратился лѣтописный рядъ Католикосовъ Абхазіи, которые возсѣдали въ святительской славы, на горнемъ мѣстѣ храма Пицундскаго, какъ преемники Первозваннаго Апостола, и простирали духовную власть свою далеко въ горы, до предѣловъ Грузіи. Нѣтъ сомнѣнія, что приморскія епархіи гораздо древнѣе Иверскихъ, ибо отсель началось Христіанство; но лѣтопись Грузинская сохранила намъ имена своихъ

Католикосовъ, начиная отъ Петра, жившаго при Царѣ Вахтангъ въ V вѣкѣ, до VIII столѣтія, когда временно они прекратились, по смутнымъ обстоятельствамъ царства. При Давидъ возобновитель опять является Католикосъ Грузіи, знаменитый Іоаннъ III, участвовавшій во всѣхъ его соборахъ, и уже рядъ верховныхъ Святителей не прерывается до младшаго Антонія, брата послѣдняго Царя. Въ Абхазіи напротивъ того не сохранились имена ея Іерарховъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что кathedра Пицундская не оставалась безъ пастырей, развѣ только по временамъ, въ смутныя эпохи. Въ житіи Давида возобновителя названъ современный ему Католикосъ Евдемонъ, вмѣстѣ съ нимъ устроившій обитель Гелатскую, по образу Пицундской; но въ завѣщаніи Царя и въ лѣтописяхъ упомянуто только, во множественномъ числѣ, о присутствіи на соборахъ Католикосовъ, но безъ имени. Нельзя однако предполагать, чтобы тутъ подразумѣвался Католикосъ Армянскій, странствовавшій тогда въ Киликіи, хотя столичный городъ Ани подвла-

стенъ былъ Давиду, и чтобы въ славную эпоху предковъ его Багратовъ, собственно Царей Абхазскихъ, не было Католикосовъ въ Пицундѣ. Лѣтописи Грузинскія вспомнили о нихъ только въ позднѣйшія времена: въ исходѣ XIV вѣка является Католикось Арсеній и потомъ, спустя нѣкоторое время, Іоакимъ, а за нимъ уже непрерывный рядъ Католикосовъ, имена коихъ намъ извѣстны изъ дарственныхъ грамотъ. Ихъ считается 18, и между ними самые знаменитые были два Малахіи, одинъ Князь Абашидзе, а другой сынъ Владѣтеля Гуріи, еще два Евдемона, Захарія, перенесшій кафедру, и три послѣднихъ: Виссаріонъ сынъ Эристава Рачи, Іосифъ Царевичъ, братъ великаго Соломона, и Максимъ, скончавшійся въ Кіевѣ. Мы обязаны лѣтописнымъ порядкомъ сихъ Католикосовъ, ученому изысканію Академика Броссе.

У входа въ святилище, въ западномъ его притворѣ, находится особый придѣлъ, устроенный гораздо позже, съ гробницею уже упраздненной, которая служитъ предметомъ многихъ толковъ. На внѣшней стѣ-

нѣ его сохранилось отчасти изображеніе Архангела Михаила и Великомученика Георгія на конѣ. Внутри, въ полукругломъ углубленіи къ востоку, есть малой престолъ и надъ нимъ начертанъ ликъ Спаса поверхъ трехъ Святителей, съ Греческою надписью: «Богъ во святыхъ почивающій.» Тутъ же въ стѣнѣ видно мѣсто для жертвенника и храненія сосудовъ, и опять Греческая надпись, съ грубыми ошибками и полустертыми буквами; если я не ошибся вотъ ея содержаніе: «Помяни Господи раба твоего Параскева живописца, который устроилъ храмъ и куполь при владычествѣ (не разобрано слово) Католикоса Евдемона. Ты вся въси, исполни сіе.» Годъ 7-й хроникона соотвѣтствуетъ 1320-му. На стѣнахъ написаны распятіе Господне, снятіе со креста, погребеніе съ Греческими словами: «погребальный плачь», и изведеніе праотцевъ изъ ада надъ престоломъ. На дверяхъ Спаситель и два верховные Апостола, а напротивъ, надъ пустою гробницею, Апостолы Андрей и Симонъ. Есть еще двѣ могилы подъ помостомъ, закладенныя

досками, изъ которыхъ вѣтъ мертвою сыростію.

Преданіе народное указываетъ на главную гробницу, какъ на ту раку, въ которой покоились мощи Первозваннаго, и лики обоихъ Апостоловъ на стѣнѣ о томъ гласятъ. Въ одной дарственной грамотѣ минувшаго столѣтія, Княгини Анисіи Абашидзе, написано такъ: «Мы сдѣлались достояніемъ святаго Апостола Андрея, который былъ мучимъ въ землѣ людоѣдовъ Анухаретъ, и погребенъ на мѣстѣ, называемомъ Бичвинта (Пицунда). Господь прославилъ его честное тѣло, и по его повелѣнію была тутъ построена церковь во имя Божіей Матери, сдѣлавшаяся каедрою Католикосовъ.» (годъ 1731). И такъ по всему поморію издавна утвердилось мнѣніе, что Апостолы покоятся одинъ въ Пицундѣ, другой въ Никопсіи. Еще одно мѣстное преданіе называетъ сію гробницу Златоустовою, ибо извѣстно по исторіи, что его хотѣли сослать въ пустынный Пиѳіонъ, не довольствуясь суровымъ заточеніемъ въ предѣлахъ Малой Арменіи, гдѣ

кромѣ холоднаго климата, непрестанно его тревожили набѣги Исавровъ, нынѣшнихъ Курдовъ. Но извѣстно и то, что Златоустъ не дошелъ до мѣста заточенія и скончался дорогою близъ Команъ. — Такъ описаны его послѣднія минуты :

Златоусту наступило время его всесоуженія; поприще совершилъ онъ, вѣру соблюлъ, и ему, подобно какъ Апостолу Павлу, готовился вѣнецъ правды, который Господь воздастъ всѣмъ возлюбившимъ его явленіе. Враги его исходатайствовали наконецъ у Императора повелѣніе сослать его еще глубже, на поморіе негостепріимнаго Понта. Три мѣсяца продолжалось утомительное странствіе; двое стражей сопровождали святаго, не давая ему ни малѣйшаго отдыха; но одинъ изъ нихъ, болѣе человеколюбивый, иногда оказывалъ втайнѣ нѣкоторое снисхожденіе; другой же воинъ, нрава звѣрскаго и суроваго, раздражался даже, если встрѣчавшіеся на пути просили его пощадить слабаго старца. И въ проливной дождь, и въ знойный полдень, выводилъ онъ нарочно своего узни-

ка, чтобы промочить до костей или опалить священное чело его, лишенное волосъ, и не позволялъ останавливаться въ городахъ или селеніяхъ, чтобы укрѣпиться банею, необходимою для его изнуреннаго тѣла. Такъ достигли они города Команъ и прошли мимо, остановившись для ночлега въ уединенной церкви мученика Василиска, Епископа Команскаго, который пострадалъ при суровомъ Максиминѣ Даіѣ, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Антіохійскимъ Лукіаномъ. Ночью явился спящему труженику мученикъ Василискъ и сказалъ: «мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ»; явился заблаговременно и священнику той церкви, говоря: «приготовь мѣсто брату моему Іоанну, ибо уже приходитъ.» На утро тщетно умолялъ стражей своихъ Златоустъ, остаться въ церкви хотя до полдня, надѣясь сложить къ тому времени тяжкое бремя жизни; онъ принужденъ былъ продолжать путь, но болѣзнь его такъ усилилась, что сами мучители рѣшились возвратиться. Тогда, предчувствуя скорую кончину Іоаннъ, не вкушая пищи,

измѣнилъ одежды свои и весь облекся въ бѣлое, даже до обуви, роздалъ присутствующимъ немногое, что имѣлъ съ собою, и причастившись страшныхъ таинъ Христовыхъ, произнесъ предъ всѣми свою послѣднюю молитву, которую заключилъ обычными словами: «благодареніе Богу за все!» потомъ сказалъ тихое предсмертное аминь, и простершись на одръ, испустилъ духъ. — Великое множество иноковъ и дѣвъ, сосѣднихъ обителей Арменіи и Понта, стеклись на его погребеніе въ пустынной церкви Команской, и святое тѣло новаго мученика положено было съ честію, близъ пострадавшаго, подобно ему, блюстителя сего мѣста Василиска. Но не прошло тридцати лѣтъ, и болѣе славнымъ торжествомъ почтены были нетлѣнные останки Святителя. Самъ онъ, какъ бы подвигнутый молитвенною грамотою воспріятаго имъ отъ купели Императора, Θεодосія младшаго, и ученика своего Прокла, Архіепископа Царьградскаго, перенесенъ былъ на поприще своихъ духовныхъ подвиговъ, и поставленъ опять на

ту кафедру, которая оглашалась его златыми бесѣдами.

Гдѣ же Команы, мѣсто кончины Златоуста, до котораго было три мѣсяца хода отъ Арабиссы, изъ Малой Арменіи?—Городъ сего имени показанъ на древнихъ картахъ на юго-западъ отъ Требизонта, между Амассіею и Токатомъ, на рѣкѣ Ирисъ (нынѣшнемъ Токатъ-су) и довольно вѣроятно, что непрестанная опасность отъ Исавровъ заставила сдѣлать большой обходъ къ Трапезонту, чтобы потомъ уже слѣдовать вдоль поморія, населеннаго Греческими колоніями, или быть можетъ плыть моремъ въ Пиѳіонъ. Между тѣмъ я слышалъ отъ Князей Гуріи, что въ одной изъ обителей ихъ земли, показываютъ донынѣ могилу Златоуста, и собственно въ томъ монастырѣ, который служитъ теперь, близъ главнаго города Озургетъ, каедрою для Епископа Гуріи. Я просилъ Экзарха Грузіи, спросить о томъ писменно Преосвященнаго Евѳимія, и получилъ отзывъ, что ни въ его кафедральномъ монастырѣ Шемокъ-меди, ни въ Джуматскомъ, который ближе къ мо-

рю, нѣтъ могилы Златоуста, если только вѣрны его свѣденія. Достойно замѣчанія то, что на древней иконѣ Пицундской, Святитель всегда пишется вмѣстѣ съ Ангеломъ своимъ Предтечею, по сторонамъ Божіей Матери.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преданіе о погребеніи Первозваннаго Апостола и Златоуста въ Пицундѣ, не имѣетъ историческаго вѣроятія, ибо хотя Апостолъ проповѣдывалъ въ Абхазіи, но окончилъ подвигъ свой въ Патрасѣ Морейскомъ, а Златоустъ, не дошедшій до Пицунды, перенесенъ, какъ мы видѣли, изъ Команъ въ Царьградъ; но весьма вѣроятно, что часть нѣкая мощей ихъ отдѣлена была Императоромъ Іустиніаномъ для храма Пицундскаго. Можно предполагать и то, что сами Католикосы, послѣ запустѣнія Никосіи, перенесли мощи Апостола Симона Кананита, изъ раззоренной его церкви въ свой кафедральный соборъ, ибо гораздо невѣроятнѣе забвеніе такой великой святыни, въ мѣстѣ столь близкомъ. Что касается до другихъ гробницъ въ помость, то

онѣ могли быть мѣстомъ упокоенія Католиковъ, и хотя Греческая надпись надъ жертвенникомъ неудовлетворительно разобрана, однако въ ней, кажется, есть имя Католика Евдемона, быть можетъ современника Царя Давида, ибо годъ хроникона написанъ сбивчиво. Переводъ же Дюбуа, съ именемъ нѣкоего Католика Ваурафа, совершенно невѣренъ.

Съ западной стороны храма видны еще остатки трехъ малыхъ церквей, гораздо позднѣйшаго времени, а къ востоку доселѣ бьетъ изъ земли ключъ свѣжей воды, который мѣстное преданіе приписываетъ молитвамъ Первозваннаго. Утѣшительно, въ пустынной Абхазіи, утолять жажду свою струями, освященными Апостольскою молитвою! — Нѣтъ въ Пицундѣ походной церкви, какъ въ прочихъ укрѣпленіяхъ Абхазскаго и Черкесскаго берега, потому что предполагено обновить великолѣпный храмъ Іустиніана, и уже присланъ архитекторъ для сего истинно полезнаго дѣла, которое опять возвратитъ всю Абхазію къ Христіанству, особенно если тутъ учредитъ-

ся кафедра Епископская и миссія духовная. Есть тамъ однако молитвенный домъ, со всею нужною утварью для устройства церкви, и даже довольно богато украшены иконы: вездѣ проявляется благочестіе Русскихъ воиновъ. Въ сѣняхъ сей молитвенной храмины виситъ небольшой Генуэзскій колоколъ, на которомъ изваяны ликъ Богоматери, Вероника съ убрусомъ и Епископъ въ латинской митрѣ, и выставленъ годъ 1529. Кто пожертвовалъ колоколъ сей? неизвѣстно; но занесенный съ запада въ сіи предѣлы, онъ и донынѣ сзываетъ православныхъ къ утреннему и вечернему богослуженію, въ оградѣ Пицундской обители.

Это былъ вечеръ субботній; съ радостію услышалъ я серебристый звукъ его благовѣста ко всенощному бдѣнію. Столь же отрадно было для меня молиться, на мѣстѣ евангельской проповѣди Первозваннаго въ Абхазіи, какъ и на горахъ Кіевскихъ. Я имѣлъ духовное утѣшеніе посѣтить почти всѣ мѣста, ознаменованныя его подвигами, начиная отъ Іерусалима и до

чуждой для насъ Амальфи, гдѣ хранится сокровище его мощей; оставался не посѣщеннымъ одинъ только Патрасъ, въ которомъ онъ довершилъ свое Апостольское поприще.

На утро просилъ я отслужить часы, въ погребальномъ придѣлѣ большаго храма, ибо не было освященнаго престола для литургіи. Малый, но стройный хоръ кантонистовъ, огласилъ гимнами священные своды и невольно забилося сердце при сихъ торжественныхъ звукахъ. Вокругъ все было тихо и ясно и какъ бы родственно: едва колыхались, Майскимъ вѣтромъ, густыя вершины отечественныхъ сосенъ; ярко сіяли, утреннимъ солнцемъ, родные намъ снѣга, на дальнемъ хребтѣ Кавказа, и плавно колебалось море, синею волною манившее усталаго путника въ дальнюю его родину.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

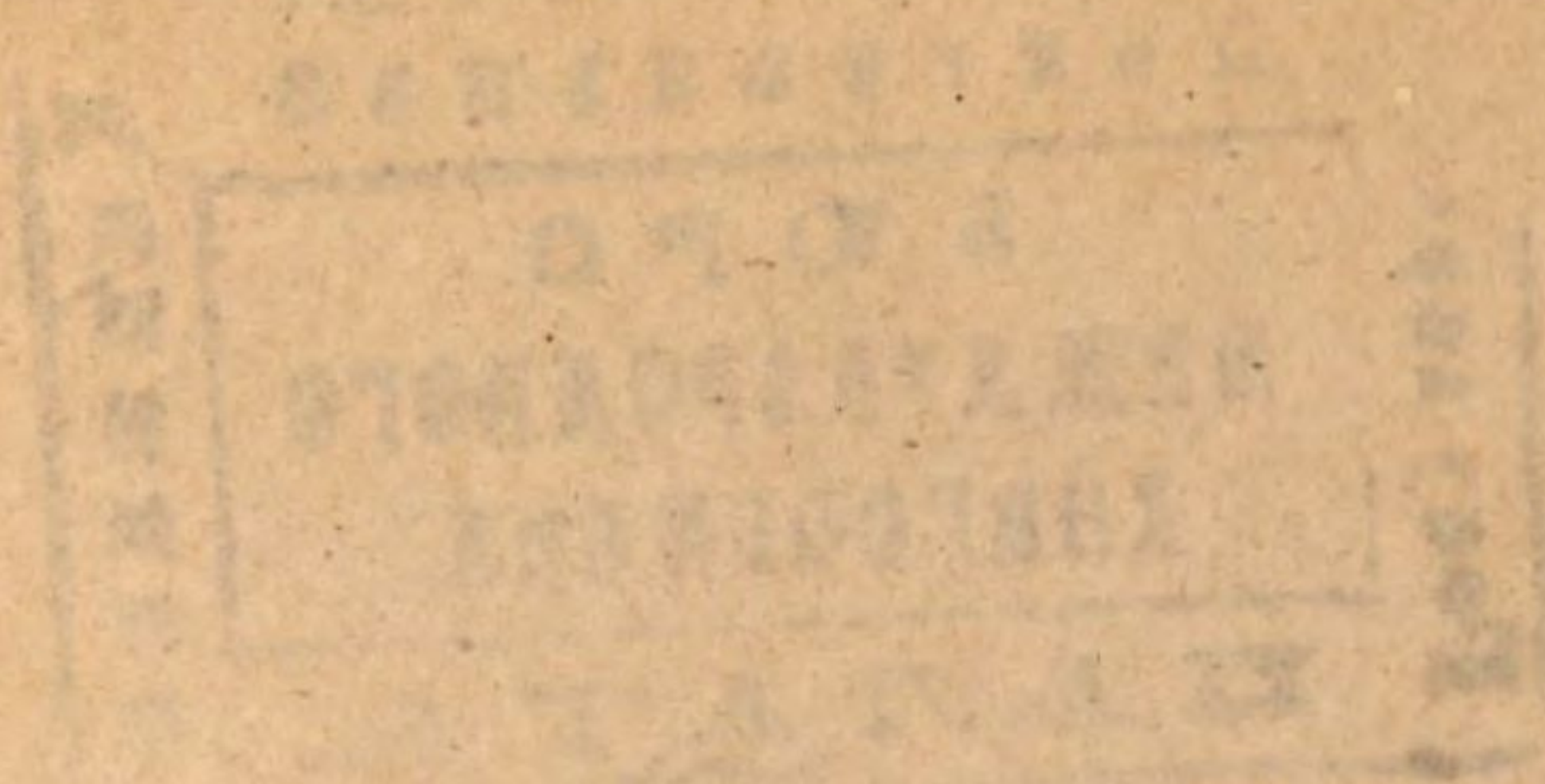

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Обитель Св. Антонія Марткобскаго .	1
Тифлисъ	10
Св. Або и Шушаника.	30
Праздники. Св. Гора Давидова . . .	49
Карталинія. Цилканъ	75
Гори, Уплисцихе, Атене ^ц , Сіонъ. . .	90
Сурамъ. Имеретія	110
Кутаисъ	122
Моцамети	150
Гелать. Гробъ Царя Давида	159
Храмъ и Иконы Гелата	167
Ризница и придѣлы	196
Тамарисцихе	214
Хони	236
Мингрелія. Мартвильская обитель . .	246
Развалины Наколакеви.	260
Зугдидъ.	278
Абхазія. Пицунда	292

ИЗВЕЩАНИЕ

1	Одобрено 12. 12. 1912
10	Исполнено
20	Исполнено 12. 12. 1912
30	Исполнено 12. 12. 1912
40	Исполнено 12. 12. 1912
50	Исполнено 12. 12. 1912
60	Исполнено 12. 12. 1912
70	Исполнено 12. 12. 1912
80	Исполнено 12. 12. 1912
90	Исполнено 12. 12. 1912
100	Исполнено 12. 12. 1912
110	Исполнено 12. 12. 1912
120	Исполнено 12. 12. 1912
130	Исполнено 12. 12. 1912
140	Исполнено 12. 12. 1912
150	Исполнено 12. 12. 1912
160	Исполнено 12. 12. 1912
170	Исполнено 12. 12. 1912
180	Исполнено 12. 12. 1912
190	Исполнено 12. 12. 1912
200	Исполнено 12. 12. 1912
210	Исполнено 12. 12. 1912
220	Исполнено 12. 12. 1912
230	Исполнено 12. 12. 1912
240	Исполнено 12. 12. 1912
250	Исполнено 12. 12. 1912
260	Исполнено 12. 12. 1912
270	Исполнено 12. 12. 1912
280	Исполнено 12. 12. 1912
290	Исполнено 12. 12. 1912
300	Исполнено 12. 12. 1912

Д О В Е Р Я Д Ы Н А Я

Б Ю Р О

М Е Ж Д У В А Р О Д Н О Г О

К Н И Г О О Б М Е Н А .

П А Л А Т А .

Muravĭev, Andrej Nikolaeviĉ

Gruzija i Armenija

Bd.: 3

Sanktpeterburg 1848

Geo.u. 525 r-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10430688-8